

Увиденное Рейнольдсом будущее — это абсолютный холод
и крошечная мгла межзвездного пространства,
где господствует искусственный разум.

Publisher's Weekly

аластер рейнольдс

ПРОПАСТЬ ИСКУПЛЕНИЯ

ПРЕМИЯ БРИТАНСКОЙ АССОЦИАЦИИ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ
ЗА ЛУЧШИЙ РОМАН ГОДА

Пространство Откровения

Аластер Рейнольдс
Пропасть Искупления

«Азбука-Аттикус»

2003

Рейнольдс А.

Пропать Искупления / А. Рейнольдс — «Азбука-Аттикус»,
2003 — (Пространство Откровения)

ISBN 978-5-389-09621-9

Если во Вселенной появляется новая форма жизни и достигает определенного порога разумности, с ней беспощадно расправляются ингибиторы, древние чистильщики космоса. Сейчас под их ударом оказалось человечество. Спасаясь от армады машин-убийц, тысячи беженцев, возглавляемые ветераном многих войн Клавэйном, основали колонию на планете-океане, которой дали имя Арарат. Но гибель подступила и сюда. И когда уже казалось, что все кончено, ангелом мщения с небес спустилась нежданная гостья – чтобы предать мученической смерти своего обидчика и подарить остальным призрачный шанс.

ISBN 978-5-389-09621-9

© Рейнольдс А., 2003
© Азбука-Аттикус, 2003

Содержание

Пролог	6
Глава первая	8
Арарат, система р Эридана а, год 2675-й	8
Глава вторая	13
Субсветовик «Гностическое восхождение», межзвездное пространство, год 2615-й	13
Глава третья	22
Субсветовик «Гностическое восхождение», межзвездное пространство, год 2615-й	22
Глава четвертая	27
Арарат, год 2675-й	27
Хела, 107-я Рыб, год 2727-й	32
107-я Рыб, год 2615-й	40
Глава пятая	49
Арарат, год 2675-й	49
107-я Рыб, год 2615-й	53
Глава шестая	56
Арарат, год 2675-й	56
107-я Рыб, год 2615-й	58
Хела, год 2727-й	63
Глава седьмая	69
На подлете к Хеле, год 2615-й	69
Арарат, год 2675-й	75
На подлете к Хеле, год 2615-й	79
Глава восьмая	81
Хела, год 2727-й	81
Хела, год 2615-й	87
Арарат, год 2675-й	90
Глава девятая	93
Поверхность Хелы, год 2615-й	93
Хела, год 2727-й	99
Хела, год 2615-й	104
Глава десятая	105
Хела, год 2615-й	105
Арарат, год 2675-й	107
Глава одиннадцатая	112
Хела, год 2727-й	112
Арарат, год 2675-й	118
Глава двенадцатая	122
Хела, год 2727-й	122
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Аластер Рейнольдс

Пропась искупления

Посвящается моим родителям

*Вселенная больше похожа на великую мысль, чем на
сверхгигантскую машину, и эта разница постоянно увеличивается.
Сэр Джеймс Джинс*

Alastair Reynolds

ABSOLUTION GAP

Copyright © 2003, 2004 by Alastair Reynolds

First published by Victor Gollancz Ltd., London

All rights reserved

© О. Колесников, перевод, 2015

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015

Издательство АЗБУКА®

Пролог

Она стояла на краю пристани и смотрела в небо. В свете луны деревянный настил блестящей серебряно-голубой лентой убегал назад, к темному берегу. Мглистые волны с тихим плеском бились в опоры. На другой стороне бухты, у западного горизонта, мерцали пятна пастельно-зеленого сияния, словно там ушел под воду целый флот галеонов со всеми горящими светильниками.

Она была облачена, если такое слово подходит, в белое облако из механических бабочек. Этим бабочкам было велено держаться ближе к ее телу, отчего их крылья сомкнулись, образовав нечто вроде брони. Нельзя сказать, что она замерзла, – вечерний бриз, напоенный легким экзотическим ароматом далеких островов, был теплым, – но под пристальным взглядом чего-то огромного и очень древнего она чувствовала себя беззащитной. Если бы она прибыла сюда месяцем раньше, когда на этой планете еще оставались десятки тысяч людей, море вряд ли уделило бы ей столько внимания. Однако теперь на островах не осталось никого, лишь горстка упрямец, не желающих торопиться или запоздавших вроде нее. Она была тут новичком – или, правильнее сказать, вернулась после долгого отсутствия, – и ее химический сигнал пробудил море. Светящиеся пятна в бухте появились вскоре после ее посадки. Это не было совпадением.

Времени прошла тьма, а море все еще помнит ее.

– Нужно лететь, – донесся голос с темной полосы берега, где нетерпеливый телохранитель дожидался ее, опираясь на трость. – С тех пор как перестали следить за кольцом, здесь опасно.

Ах да, кольцо: отчетливо видимое, этакое топорное, гротескное изображение Млечного Пути, оно рассекало небо. Кольцо бликовало и переливалось: бесчисленные осколки камня отражали лучи здешнего солнца. Когда она прибыла сюда, планетарные власти все еще занимались кольцом: она поминутно замечала розовые вспышки маневровых двигателей работы-дрона, который исправлял орбиту очередного осколка, не давая ему забуриться в атмосферу и рухнуть в море. Она представляла, как местные загадывают желания, глядя на эти вспышки. Поселенцы были не более суеверны, чем обитатели других планет, где она побывала; просто они осознавали уязвимость своего мира – без этих розовых вспышек будущее может и не наступить. Властям ничего не стоило следить за кольцом и дальше: саморемонтирующиеся дроны выполняли эту механическую работу уже четыре сотни лет, с первых дней повторного заселения. Отключение дронов было чисто символическим жестом, чтобы ускорить эвакуацию.

Сквозь дымку кольца она видела вторую, дальнюю луну: ту, которая уцелела. О том, что случилось, на планете не знал почти никто. Она знала. Видела своими глазами, хотя и издалека.

– Если мы задержимся... – заговорил хранитель.

Она повернулась к берегу:

– Я еще немного постою, и мы улетим.

– Боюсь, как бы кто-нибудь не угнал наш корабль. И еще меня беспокоят гнездостроители.

Она кивнула, понимая опасения хранителя, но желание сделать то, ради чего она сюда прибыла, осталось твердым.

– С кораблем ничего не случится. И гнездостроители нам тоже ничего не сделают.

– Похоже, мы их заинтересовали.

Она отогнала от лица заблудившуюся механическую бабочку.

– Так всегда бывает. Просто они слишком любопытны.

– Час, – сказал он. – А потом я оставлю вас здесь.

– Не оставите.

– Есть лишь один способ проверить, верно?

Она улыбунулась, зная, что ее не бросят. Но у хранителя были основания волноваться: по пути сюда они встретили флот эвакуации, неисчислимый рой встречных кораблей. Это было все равно что плыть на лодке против течения. К тому времени, как они достигли орбиты, космические лифты уже были перекрыты: власти никому не разрешали спускаться по этим конструкциям на поверхность планеты. Чтобы попасть в кабину, пришлось хитрить и давать на лапу. Им удалось найти жилье, внутри которого, как сказал ее спутник, все пропахло паникой; химические эманации человеческих клеток впитались в мебель и стены. Она могла лишь порадоваться, что не столь чувствительна к запахам. Ей и без того было страшно, хотя она старалась этого не показывать. Еще сильнее она испугалась, когда гнездостроители увязались за ее вошедшим в систему субсветовиком. Их диковинный корабль со спиральным полупрозрачным корпусом, покрытым бороздами и иными выемками, оставался едва ли не последним на орбите. Хотят от нее чего-то гнездостроители или просто решили понаблюдать – поди догадайся.

Она снова повернулась к морю. Возможно, мерещилось, но пятна словно бы увеличились в размерах и числе; теперь они напоминали не затонувший флот галеонов, а ушедший под воду мегаполис. Казалось, пятна света крадутся по морю к причалу. Океан уже мог попробовать ее на вкус: между ней и водой сновали микроскопические организмы. Они проникали через поры кожи, попадали в кровь, в мозг.

Она задумалась о том, многое ли известно океану. Возможно, он уже почувствовал эвакуацию, уход множества людей. Наверное, скучает по купальщикам, делившимся с ним нейронной информацией. Он мог догадаться, что за кольцом больше не следят: два или три мелких осколка луны успели рухнуть в воду, по счастью далеко от островов. Но имеет ли океан представление о том, что тут вскоре произойдет?

Она отдала бабочкам новый приказ. Некоторые насекомые отделились от рукавов и собрались перед лицом. Сомкнув крылья, бабочки образовали экран размером с носовой платок, с неровными краями; на периферии крылья продолжали трепетать. Экран изменил цвет, стал совершенно прозрачным, с фиолетовыми краями.

Она подняла голову, взгляделась в вечернее небо. При помощи особого компьютерного эффекта бабочки удалили изображения кольца и луны. Экран потемнел, звезды засияли ярче. Сосредоточившись на секунду, она выбрала одну из звезд.

В звезде не было ничего примечательного – просто ближайшая к этой бинарной системе, всего в десятке световых лет отсюда. Однако теперь эта звезда превратилась в метку, стала первым знаменем неотвратимого. Она побывала в той системе тридцать лет назад, когда там объявили эвакуацию.

Новый компьютерный эффект. Изображение увеличилось, выбранная звезда оказалась в его центре. Она разгорелась, потом окрасилась. Теперь она была не чисто-белой и даже не бело-голубой, а белой с несомненным оттенком зеленого.

И это было неправильно.

Глава первая

Арарат, система р Эридана а, год 2675-й

Молодой Васко плыл к берегу, а за ним следил Скорпион. Всю дорогу он думал о том, каково это – тонуть. Что ощущаешь, медленно уходя под воду, во мрак, одну за другой оставляя над собою морские сажени. Говорят, если ты решил умереть, то утопление – не худший способ самоубийства.

Интересно, откуда у людей такая уверенность? И насколько это применимо к свиньям?

Он все еще размышлял об этом, когда лодка мягко села на мель. Электромотор поработал вхолостую, пока Скорпион его не выключил.

Он опустил в воду шест и удостоверился, что глубина тут не больше полуметра. Надеялся разыскать протоку из тех, по которым можно подойти ближе к острову, но сойдет и так. Хоть он и не договорился с Васко о месте встречи, не оставалось времени, чтобы уйти мористее и двинуться вдоль берега, разыскивая то, что нелегко найти даже при чистой воде и безоблачном небе.

Скорпион прошел к носу и взял бухту обтянутого пластиком каната – в пути Васко пользовался ею как подушкой. Туго намотав конец на руку, он ловко, одним скольльзящим движением перебрался за борт. Потом с плеском двинулся по мелководью к берегу в бутылочно-зеленой, едва доходящей до колен воде. Сапоги из толстой кожи и кожаные же облегающие штаны неплохо защищали от холода. Скорпион выбрал слабинку троса и развернул к себе носом пустую лодку, которую уже сносило течением. Потом, согнувшись, двинулся вперед, буксируя плавсредство. Обкатанные камни не давали надежной опоры, и на этот раз косолапая походка сослужила ему неплохую службу. Он не останавливался, пока вода не опустилась до щиколоток и лодка не заскребла днищем по камням. Сделал еще двенадцать шагов к берегу, но дальше рисковать не стал.

Он видел, что Васко добрался до мелководья. Молодой человек уже не плыл, а стоял по пояс в воде.

Скорпион вернулся и ухватился за планшир, чтобы подтащить лодку; из-под ладоней посыпался корродированный металл. Лодка провела в воде свои сто двадцать часов, и это, скорее всего, ее последнее плавание. Свинья перегнулся через борт и сбросил в воду маленький якорь. Можно было бы сделать это и раньше, но якорь подвержен коррозии, как и корпус лодки. Не стоило доверять исчерпавшему свой ресурс металлу, особенно так далеко от дома.

Он опять взглянул на Васко. Тот уже брел к лодке, осторожно выбирая путь, балансируя раскинутыми руками.

Собрав одежду спутника, Скорпион убрал ее в свой рюкзак, где лежали пайки, питьевая вода и аптечка. Закинув рюкзак за спину, он побрел по воде к близкому берегу, время от времени проверяя, как дела у Васко. Скорпион понимал, что круто обошелся с парнем, но что поделать, если вовремя не удалось подавить в себе гнев. Случившееся ему нисколько не нравилось. Вот уже двадцать три года Скорпион не поднимал руку на человека, разве что при исполнении служебного долга. Но и слова способны причинить не меньшую боль, чем зуботычина.

Когда-то он посмеялся бы над такими рефлексиями, но это было в прежней, совсем другой жизни – которая, как он надеялся, навсегда осталась позади.

Перспектива встречи с Клавэйном – вот что пробудило так долго спавшую злость. Слишком много дурных предчувствий, слишком много переживаний навеяла кровавая трясина прошлого. Клавэйн знал, кто такой Скорпион. Клавэйну в точности было известно, на что Скорпион способен.

Свинья остановился, дал молодому человеку догнать себя.

– Сэр... – Запыхавшийся Васко дрожал.

– Как поплавал?

– Вы были правы, сэр. Вода похолоднее, чем мне казалось.

Скорпион сбросил рюкзак со спины.

– Я знал, что вода холодная, но ты хорошо держался. Твои вещи здесь; оденься и согрейся.

Не жалеешь, что отправился со мной?

– Нет, сэр. Мне только на пользу небольшое приключение.

Скорпион передал Васко одежду:

– В мои годы за романтикой уже не гоняются.

День был безветренный – обычное явление, когда над Араратом стоят плотные низкие тучи. Ближайшее солнце – то, вокруг которого обращался Арарат, – размытым пятном висело на западном горизонте. Его далекий брат белым алмазом замер на противоположной стороне горизонта, будто прищипленный к небу в разрыве облаков. Двойная звезда, р Эридана а и b, – вот только тут никто не называл эти небесные тела иначе как Яркое Солнце и Тусклое Солнце.

В серебряно-сером свете дня вода утратила свой обычный цвет, уподобилась мутному серо-зеленому супу. Она казалась густой, когда плескалась вокруг сапог Скорпиона, но при столь сильно выраженной опалесценции насыщенность здешней воды микроорганизмами по меркам Арарата была низкой. Васко решил добраться вплавь – риск невелик, зато Скорпиону удалось подвести лодку ближе к берегу. Свинья не был большим специалистом по жонглерам образами, но знал: самые важные контакты между ними и людьми происходили в областях океана, насыщенных организмами до такой степени, что походили на гигантские плоты.

Концентрация микроорганизмов близ этого острова была невелика; Скорпион и Васко считали маловероятным, что жонглеры в их отсутствие съедят лодку или создадут локальный прилив, чтобы смыть ее в океан.

Они прошли остаток пути до суши и добрались до плавно уходящего вверх каменистого склона, казавшегося со стороны океана темной полосой. Тут и там попадались небольшие приливные пруды, в воде отражалось серебряно-серое перевернутое небо. Петляя между прудиками, они пошли дальше, к маячившему поодаль белому возвышению.

– Вы не сказали, зачем мы здесь, – подал голос Васко.

– Скоро сам все узнаешь. Встреча с этим стариком – уже большое событие.

– Я его малость побаиваюсь.

– Клавэйн умеет нагонять страху, но ты не поддавайся. И он уймется.

Прошло еще десять минут, и Скорпион почувствовал, что восстановил силы, потраченные на буксировку лодки. Между тем белое пятно впереди обернулось куполом, а чуть позже – надувной палаткой. Она держалась на вбитых в камень крючьях; белая ткань успела окраситься во все оттенки морских водорослей; хватало и заплаток. Со всех сторон к палатке под самыми разными углами были прислонены куски раковин – выброшенный морем плавник. В расположении этих фрагментов угадывался художественный замысел.

– Вы, помнится, говорили, сэр, – сказал Васко, – что Клавэйн в конце концов раздумал идти вокруг света.

– И что же?

– Если он решил осесть тут, почему нам об этом не говорят?

– Потому что он тут осел неспроста, – ответил Скорпион.

Они обошли вокруг надувного здания и добрались до шлюзовой двери. Рядом с ней гудел небольшой ящик, который снабжал палатку светом, теплом и воздухом под необходимым давлением.

Скорпион осмотрел кусок плавника, провел пальцем по острому сколу:

– Похоже, он обзавелся привычкой гулять по пляжу и собирать занятные вещи.

Васко указал на приоткрытую внешнюю дверь шлюза:

– Он, наверное, и сейчас этим занят. Дома вроде никого.

Скорпион открыл внутреннюю дверь. Двухъярусная койка и аккуратно сложенные постельные принадлежности. Небольшой складной стол, плитка и пищевой синтезатор. Бутыль с очищенной водой и коробка с сухими пайками. Работает воздушный насос. На столе разложены обломки раковин.

– Интересно, он давно ушел? По обстановке не угадаешь.

Скорпион отрицательно покачал головой:

– Недавно, час или два назад.

Васко огляделся в поисках того, что позволило Скорпиону сделать такой вывод. Напрасный труд: гиперсвины давно усвоили, что острое обоняние, которое они унаследовали от предков, – предмет зависти для базово-линейных людей. И еще свиньи убедились на собственном горьком опыте, что людям об этом лучше не напоминать.

Они вышли наружу и закрыли за собой внутреннюю дверь – так, как было.

– И что теперь? – спросил Васко.

Скорпион снял с руки запасной браслет связи и отдал его спутнику. Браслет был настроен на безопасную частоту, и не стоило беспокоиться о том, что на другом острове их услышат.

– Умеешь пользоваться?

– Справлюсь. Вы его для чего-то конкретного даете?

– Да, для чего-то конкретного. Ты будешь ждать здесь моего возвращения. Надеюсь вернуться вместе с Клавэйном. Но если он придет раньше, объясни ему, кто ты и с какой целью здесь находишься. После это свяжись со мной и спроси у Клавэйна, не желает ли он поговорить со Скорпионом. Все понятно?

– А если вы не вернетесь?

– Тогда свяжись с Кровью.

Васко потрогал браслет.

– Вы не знаете, в каком настроении Клавэйн, и ваш голос, сэр, звучит взволнованно. Полагаете, он опасен?

– Надеюсь, что он опасен, – ответил Скорпион. – В противном случае нам от него не будет пользы. – Он похлопал молодого человека по плечу. – Жди здесь, а я обойду остров по берегу. Думаю, это не займет больше часа и я найду Клавэйна у моря.

Скорпион пробирался по каменистому берегу острова, балансируя короткими толстыми руками и ничуть не беспокоясь о том, насколько неуклюже и даже комично он выглядит.

Он убавил шаг, когда вдалеке показался человеческий силуэт, то скрывающийся, то вновь появляющийся в предвечернем тумане. Скорпион напряг зрение – глаза уже не те, что в Городе Бездны, где прошла его молодость. Он надеялся, что впереди действительно Клавэйн. С другой стороны, лучше бы силуэт оказался плодом воображения, каменным выступом, обманчивой игрой света и тени.

Не хотелось признаваться себе в том, что он взволнован. Миновало уже полгода с того дня, когда он последний раз видел Клавэйна. Не так уж много времени, особенно если сравнивать с протяженностью человеческой жизни. И все равно было такое чувство, будто старого друга он не видел десятки лет; время и обстоятельства изменили Клавэйна до неузнаваемости. Как быть, если тот и впрямь потерял рассудок? Наверное, понять это будет не так-то просто. Скорпион достаточно прожил среди базово-линейных людей, чтобы с уверенностью понимать их намерения, настроение и общее состояние рассудка. Считается, что разумы людей и гиперсвиной довольно похожи. Но, имея дело с Клавэйном, нельзя полагаться на житейский опыт. Клавэйн не похож на других людей. Жизнь и события превратили его в уникама. А может быть, даже в чудовище.

Скорпиону было пятьдесят. Он знал Клавэйна половину своей жизни, с тех пор как в системе Йеллоустана попал в плен к паукам, тогдашним соратникам Клавэйна. Вскоре после этого Клавэйн порвал с фракцией сочленителей, и период взаимного недоверия для него и Скорпиона окончился заключением союза. В окрестностях Йеллоустана они набрали отряд из бывших военных и разных бродяг, угнали корабль, чтобы добраться до Ресургема. По дороге им крепко досталось от бывших друзей Клавэйна. Из окрестностей планеты Ресургом, уже на другом корабле, они прилетели к этой планете, к покрытому сине-зеленой водой камешку – Арарату. После Ресургема воевать приходилось мало, но они все равно трудились вместе – строили временную колонию.

Они составили тщательный план и по нему кропотливо создали здешнее общество. Нередко спорили, но в делах крайней важности почти всегда сходились во мнениях. Когда в вопросах политики один из них допускал чрезмерную жесткость или, наоборот, излишнюю мягкость, другой был рядом, чтобы поправить ситуацию. Именно в те годы Скорпион нашел в себе силы избавиться от лютой ненависти к роду человеческому. И за это, как ни за что другое, он был в долгу перед Клавэйном.

Но ничто в мире не бывает слишком простым.

Проблема состояла в том, что Клавэйн родился пятьсот лет назад и большую часть этого срока прожил биологической жизнью. Что, если Клавэйн, каким его знает Скорпион – и каким его знает большинство колонистов, – был лишь временным явлением, вроде проблеска солнца в ненастный день? Когда-то, в самом начале, Скорпион чутко следил за Клавэйном, отслеживая малейшие признаки его садистских наклонностей. Но никакой пищи для подозрений так и не получил. Напротив, Клавэйн совершил предостаточно поступков, которые доказывали: он вовсе не то чудовище, каким его рисует молва.

Однако в последние два года уверенность Скорпиона поколебалась. Не то чтобы Клавэйн стал более жестоким, резким в спорах или склонным любой ценой добиваться своего, но что-то в нем изменилось. Так незаметно в течение секунды меняется освещение ландшафта. Тот факт, что другие питали подобные сомнения в отношении самого Скорпиона, утешал мало. Он прекрасно контролировал себя и имел основания надеяться, что не причинит вреда ни одному человеку, как это бывало в прошлом. Но о том, что творится в голове его друга, он мог только догадываться. Лишь одно не вызывало сомнений: Клавэйн, с которым когда-то бок о бок сражался и трудился Скорпион, ушел, укрылся в далеком уголке своего внутреннего космоса. Перед тем как Клавэйн уединился на острове, Скорпион вообще перестал понимать этого человека.

Но он не винил старика ни в чем. Да и кто имел право его судить?

Свинья шел вперед и вот уже убедился, что замеченное пятнышко – и в самом деле человек, а потом стал различать и детали. На берегу океана неподвижно сидел на корточках отшельник, словно Скорпион застал его в момент невинного мечтательного созерцания приливных лужиц и их фауны.

Скорпион уже не сомневался, что перед ним Клавэйн.

На мгновение гиперсвинья ощутил облегчение. По крайней мере, старик жив. Не важно, что еще случится сегодня, – это уже небольшая победа.

Когда свинья подошел на расстояние окрика, Клавэйн почувствовал чужое присутствие и оглянулся. Дул бриз, которого не было там, где высадился Скорпион. Ветерок трепал длинные седые волосы старика. Его лицо было розовым; борода, обычно аккуратно подстриженная, сильно отросла и спуталась. На худые плечи был накинут черный плащ, а может, шаль. Бросалась в глаза неудобная поза – Клавэйн будто хотел опуститься на колени, но в последний момент передумал и замер на корточках.

Отчего-то Скорпиону подумалось, что его друг смотрит вот так на океан часами.

– Невил, – позвал Скорпион.

Клавэйн что-то ответил, его губы двигались, но слова поглотило шипение прибора.

– Это я, Скорпион.

Губы Клавэйна опять зашевелились. Его хриплый голос звучал едва ли громче шепота:

– Я же тебе говорил: не суйся сюда.

– Говорил.

Скорпион подошел ближе. Меж седых прядей блестели глубоко запавшие стариковские глаза. Казалось, они смотрят на что-то очень далекое, едва различимое.

– И в течение полугода мы соблюдали твое требование.

– Полгода? – Клавэйн слабо улыбнулся. – Неужели так много?

– Шесть месяцев и одна неделя, если хочешь знать точно.

– Столько времени, а я и не заметил. Как будто перебрался сюда вчера.

Клавэйн снова уставился на океан, повернувшись к Скорпиону спиной. Просвечивающая между редкими седыми волосами кожа была того же ярко-розового цвета, что и у гиперсвиньи.

– А иногда кажется, что прошел куда больший срок, – продолжил Клавэйн. – Как будто я всегда жил здесь, с самого рождения. Такое чувство порой возникает, что на планете, кроме меня, вообще ни души.

– Мы никуда не делись, – сообщил Скорпион, – нас все еще сто семьдесят тысяч. И ты по-прежнему нужен нам.

– Я просил меня не беспокоить.

– Если только не возникнет проблема исключительной важности. Был же такой уговор, а, Невил?

Клавэйн медленно, через силу и боль поднялся. Он всегда был выше Скорпиона, но теперь из-за худобы казалось, что его фигуру начертили несколькими быстрыми штрихами на фоне неба.

Скорпион пригляделся к рукам Клавэйна. Это были изящные руки хирурга. Или, может быть, сыщика. Длинные ногти Клавэйна царапнули влажную ткань штанов, и свинья поморщился от этого звука.

– И что за проблема?

– Мы кое-что нашли, – ответил Скорпион. – Не знаем точно, что это такое и откуда взялось, но думаем, оно прилетело из космоса. А еще мы думаем, что там внутри кто-то есть.

Глава вторая

Субсветовик «Гностическое восхождение», межзвездное пространство, год 2615-й

Генерал-полковник медицинской службы Грилье не спеша шел по залитому зеленоватым светом кольцевому коридору фабрики тел.

Он напевал и насвистывал под нос, довольный своей работой; ему нравилось окружение гудящих машин и полусформировавшихся людей. С дрожью предвкушения он думал о звездной системе, что ждала впереди, – сколь много важнейших вещей зависит от нее! Пусть непосредственно на его судьбу это не повлияет, но наверняка скажется на судьбе соперника в борьбе за любовь королевы.

Грилье попытался угадать, как королева отнесется к очередному провалу Куэйхи. Зная королеву Жасмину, трудно ожидать, что она не разгневется.

Грилье улыбнулся этим мыслям. Надо же, такое важное место до сих пор не получило имени; прежде никому не было дела ни до этой далекой звезды, ни до ее планет. Просто не возникало причин интересоваться ими. В астронавигационной базе данных «Гностического восхождения», как и на любом другом звездолете, должны были содержаться хотя бы общие сведения об этой системе: краткие характеристики светила и планет, перечень возможных опасностей и тому подобное. Но такие архивы никогда не предназначались для человеческих глаз, они существовали только для других машин, которые посылали запросы, заказывали обновления, бесшумно и молниеносно выполняли задачи пилотирования, считавшиеся чересчур скучными или сложными для людей. Запись об этой планетной системе представляла собой строку бинарных чисел, несколько тысяч нулей и единиц. Незначительность упомянутой системы характеризовалась хотя бы тем, что за весь срок службы «Гностического восхождения» было зафиксировано всего лишь три обращения к разделу, содержащему сведения о ней. Обновление данных производилось только один раз.

Грилье знал об этом, но все же решил проверить – просто из любопытства.

И вот теперь, возможно впервые в истории, система представляла собой нечто большее, чем объект преходящего интереса. У нее по-прежнему не было названия, и этот факт с некоторых пор вызывал неясное беспокойство; королева Жасмина с каждым разом все более раздраженно упоминала «лежашую впереди систему» или «систему, к которой мы приближаемся». Грилье знал, что ее величество не соблаговолит дать системе имя до тех пор, пока там не найдется что-то ценное. А задача по обнаружению ценного была возложена на фаворита Куэйхи, чья звезда стремительно закатывалась.

Грилье ненадолго остановился возле одного из тел. Оно висело в полупрозрачном геле за зеленым стеклом вивификационного контейнера. Внизу по периметру контейнера располагались консоли управления питанием различных органов; часть бегунков была поднята, часть опущена. Бегунки регулировали сложную биохимическую среду питательной матрицы. Латунные штурвалы на боку контейнера регулировали подачу компонентов, расходуемых в больших объемах, – воду и физраствор.

При контейнере имелся журнал с историей выращивания клона. Грилье перелистал ламинированные страницы и с удовлетворением отметил, что все в порядке. Хотя большинство тел на фабрике никогда не покидало вивификационный контейнер, эту особь – взрослую, женского пола – уже отогревали и использовали. Следы полученных ею ранений исчезали под влиянием процессов регенерации, шрамы на животе успели полностью зажить, новая нога была лишь

чутьточку короче второй, не пострадавшей. Жасмина не одобряла такой ремонт, но ее потребность в телах превосходила производственные возможности фабрики.

Грилье нежно погладил стекло:

– Твои дела идут прекрасно, милая.

Он двинулся дальше, выборочно проверяя другие контейнеры. Иногда хватало одного взгляда, хотя чаще Грилье, пролистав журнал, слегка корректировал работу техники. Он был мастером своего дела и гордился этим. Правда, никогда не похвалялся своими способностями и ничего не обещал, не будучи стопроцентно уверен в результате. То есть он был полной противоположностью Куэйхи, который с тех самых пор, как ступил на борт «Гностического восхождения», только и делал, что сулил чудеса.

До поры до времени это срабатывало. Грилье, давнишний конфидендент королевы, внезапно обнаружил, что его потеснил дерзкий выскочка. Продолжая служить ее величеству, он часто слышал, что стараниями Куэйхи будущее скоро разительно изменится: Куэйхи то, Куэйхи сё. Королева даже упрекала Грилье в медлительности, сетовала, что фабрика работает слишком вяло и задерживает поставки тел, что в последнее время лечение синдрома дефицита внимания утрачивает эффективность. Было время, когда Грилье подмывало предпринять что-нибудь особенное, чтобы привлечь к себе внимание королевы, – вдруг да получится одним прыжком вернуться на олимп.

Теперь же он радовался, что не совершил опрометчивого шага. Всего-то надо подождать, пока Куэйхи не выроет себе могилу, надавав обещаний, которых, естественно, ему не выполнить. На его беду, королева привыкла воспринимать обещания буквально. И если Грилье правильно угадывает настроение ее величества, всего один проступок отделяет беднягу Куэйхи от особой терапии, осуществляемой в носовой фигуре корабля.

Грилье остановился перед телом взрослого мужчины, у которого во время последнего осмотра были отмечены небольшие аномалии развития. Он подрегулировал клапаны, но было очевидно, что эти старания ничего не дадут. На взгляд непрофессионала, тело выглядело совершенно нормально, однако в нем отсутствовала та идеальная симметрия, которую так ценила Жасмина. Грилье покачал головой и положил руку на полированный латунный бегунок. Подобное решение всякий раз давалось ему нелегко. Тело не отвечало во всех мелочах безупречным стандартам фабрики, и восстановительные процедуры не пошли ему на пользу. Потерпит ли в этот раз Жасмина потерю качества? В конце концов, не кто иной, как она, выжала из фабрики все соки.

Нет, решил Грилье. Если печальный опыт Куэйхи и научил его чему-то, так это тому, что всегда нужно придерживаться собственных стандартов. Жасмина, возможно, устроит нагоняй за то, что Грилье избавился от некондиционного тела, но пройдет время, и она поймет его правоту, оценит твердое намерение придерживаться идеала.

Грилье повернул латунный штурвал, прекратив подачу физиологического раствора, потом опустился на колени и перекрыл большинство клапанов питания.

– Извини, – обратился он к спокойному, без малейших признаков эмоций лицу за стеклом, – но ты, похоже, не справился.

Он в последний раз взглянул на тело. Через несколько часов станут заметны результаты клеточного разрушения. Тело подвергнется разложению, его химические составляющие будут использованы вторично, в других контейнерах.

В наушнике раздался голос. Он притронулся к устройству связи.

– Грилье, я жду вас.

– Уже иду, мэм.

На верху вивификационного контейнера замигала красная лампочка, синхронизированная с тревожной сигнализацией. Грилье включил на манжете прерыватель: сирена смолкла,

красный свет погас. В помещении фабрики снова воцарилась тишина, лишь изредка нарушаемая далеким бульканьем питательных жидкостей или приглушенными щелчками клапанов.

Грилье кивнул, удовлетворенный тем, что все у него под контролем, и неторопливо двинулся дальше.

В тот самый миг, когда Грилье перекрыл последний клапан, в автоматике «Гностического восхождения» была зарегистрирована аномалия. Она просуществовала всего мгновение, чуть больше полусекунды, но этого оказалось достаточно, чтобы в потоке данных появился сигнальный флажок, отметка о нетипичном, требующем внимания событии.

В части сенсорного программного обеспечения на том все и кончилось: аномалия не имела последствий, все прочие системы работали нормально. Флажок был простой формальностью; причиной его появления займется совершенно самостоятельный, более разумный слой программного обеспечения системы мониторинга.

Второй слой, предназначенный для контроля деятельности распределенных по всему кораблю сенсорных подсистем, заметил флажок, одновременно с которым миллион других флажков появился в том же цикле, и отвел ему место в графике выполнения задач. С момента регистрации аномалии до этого события прошло порядка двух сотых секунды – целая вечность по компьютерным меркам, неизбежная дань громадности кибернетической нервной системы субсветовика. Связь между противоположными концами «Гностического восхождения» осуществлялась посредством основной кабельной сети, длиной три-четыре километра, и вспомогательных, протяженностью шесть-семь километров.

На таком большом корабле все делалось достаточно медленно, но с практической точки зрения это не играло роли. Из-за своей огромной массы корабль медленно реагировал на внешние изменения; когда-то и бронтозавры не нуждались в мгновенных рефлекторных ответах.

Слой мониторинга работоспособности системы продолжал обработку массива данных.

Большая часть просмотренных им событий – а это несколько миллионов – казалась довольно безобидной. Основываясь на своих представлениях о статистически ожидаемом распределении погрешностей, слой мониторинга мог без колебаний снять множество флажков. Это были случайные сбои, не дававшие оснований предполагать более серьезных неполадок в деятельности корабельной автоматики. Сколько-нибудь подозрительно выглядела всего сотня тысяч флажков.

Второй слой сделал то, что обычно делал в таких случаях: сформировал из ста тысяч автономных событий единый пакет, присовокупив к ним собственные комментарии и результаты предварительного анализа, и передал этот пакет третьему слою программы мониторинга.

Третий слой не был перегружен работой. Он существовал исключительно для исследования тех аномалий, которые к нему направляли менее разумные субслои. Обладая быстрой реакцией, третий слой исследовал досье с глубокой заинтересованностью – насколько позволяли рамки его разумности. По машинным стандартам эта разумность пока не достигала гамма-уровня, однако третий слой выполнял свою работу так давно, что накопил достаточный эвристический опыт. Третьему слою было ясно, что большая часть направленных к нему событий не заслуживает его внимания, а вот оставшиеся не лишены интереса, и он не пожалел времени на просмотр их журналов. Две трети этих аномалий оказались повторными жалобами, сообщениями систем о реальных, но кратковременных неполадках. Ни одна из этих неполадок, однако, не угрожала работе корабля, поэтому их можно было временно оставить без внимания.

Треть поступившего массива данных составляли новые события. Из них примерно девятью процентами относились к тем, какие время от времени можно ожидать, исходя из знаний третьего слоя о корабельном «железе» и задействованном программном обеспечении. И лишь малая толика принадлежала потенциально опасным областям, но, по счастью, со всеми этими повреждениями можно было справиться обычными ремонтными методами. Третий слой почти

без колебаний направил инструкции тем частям корабля, которые отвечали за обслуживание инфраструктуры.

В различных частях корабля в буферы сервороботов, уже занятых другим ремонтом и техническим обслуживанием, поступили новые задания. На выполнение их всех уйдут недели, но работа должна быть сделана.

В итоге осталось всего несколько ошибок, теоретически способных перерасти в серьезные проблемы. Эти ошибки было трудно объяснить, и третий слой не представлял себе, при помощи каких сервороботов их можно исправить. Третий слой был не слишком озабочен этим: опыт научил его, что необъяснимые ошибки на поверку оказываются обычными незначительными отказами. Однако в настоящее время у него не было другого выбора, как отправить отчеты об этих аномалиях на рассмотрение высшего слоя корабельной автоматики.

Таким образом продвигались все аномалии – через три анализирующих слоя с последовательно повышающейся разумностью.

К тому времени как подключился последний слой, в пакете осталось лишь одно событие: первоначальная кратковременная аномалия сенсора, та, что длилась не более секунды. Ни один из нижележащих слоев не смог классифицировать эту ошибку при помощи обычных статистических моделей и привычного аналитического инструментария.

Сообщения о событиях поступали на высший уровень только раз или два в минуту.

И вот наконец проснулся настоящий интеллект. Субличность гамма-уровня, ответственная за надзор за шестью слоями, представляла последний рубеж между кибернетикой и человеческой командой. Именно на субличность возлагалась трудная задача решить, стоит ли данная ошибка внимания экипажа. За многие годы субличность научилась не кричать «Волки!» чересчур часто, иначе хозяева могли бы счесть целесообразным ее апгрейд. Оттого процесс принятия решения был мучительным и длился несколько десятков секунд.

Аномалия, с которой пришлось столкнуться субличности, была одной из самых странных за всю историю ее существования. Тщательная проверка логических путей в сенсорной системе не дала ответа, каким образом могло случиться нечто из ряда вон выходящее.

Для успешного выполнения своей работы субличность имела абстрактное представление об окружающем мире. Не особенно сложное, но достаточное, чтобы судить, повлияли на сенсор какие-то внешние воздействия или же его сигнал подвергся искажению в процессе последующей обработки данных. Субличность осознавала, что «Гностическое восхождение» – физическое тело, летящее в космосе. Субличность также отдавала себе отчет в том, что многие явления, зарегистрированные датчиками, могут быть вызваны воздействием микро– и макрообъектов, присутствующих в космосе. Это пылевые частицы, магнитные поля, радарное эхо от близлежащих объектов, излучения отдаленных небесных тел: планет, звезд, галактик, квазаров – и фоновые космические шумы. Чтобы правильно оценивать эти помехи, субличности требовалась способность понимать, каким образом данные могли изменяться под влиянием окружающего мира. Никто и никогда не закладывал в нее этих правил; она сформулировала их сама с течением времени, внося поправки по мере накопления информации.

Эта задача не имела окончательного решения, но на столь позднем этапе субличность полагала себя достаточно компетентной в подобных вопросах.

Например, ей было известно, что планеты – по крайней мере, абстрактные объекты, соответствующие заложенной в нее планетарной модели, – не могли вызвать такую ошибку. С точки зрения внешних воздействий она была совершенно необъяснимой. Вероятнее всего, случился сбой на стадии получения данных.

Субличность еще немного подумала над подобной возможностью. Даже приняв такое предположение, было по-прежнему нелегко объяснить аномалию. Та была совершенно необычна и имела отношение только к самой планете. Ничто иное, в том числе луна этой планеты, не могло породить до такой степени странное явление.

Субличность допустила другой вариант: аномалия могла быть привнесена извне. Но в таком случае модель внешнего мира, созданная субличностью, в корне ошибочна. Этот вывод тоже не понравился ей. Прошло очень много времени с тех пор, как она подвергла коренной перестройке свою модель мира, и перспектива повторения такой процедуры вызывала крайне неприятные ощущения.

Хуже того, подобное наблюдение могло означать, что самому «Гностическому восхождению» грозит опасность, по крайней мере гипотетическая. Проблемная планета все еще находится в дюжине световых часов по курсу, но тем не менее корабль приближается к чему-то такому, что может рано или поздно подвергнуть его риску.

Субличность приняла решение: проинформировать команду, другого выхода не оставалось.

Это означало только одно: срочное обращение к королеве Жасмине. Субличность установила, что королева считывает суммированные данные по состоянию бортовых систем с помощью привычных для нее устройств-посредников визуального восприятия. Поскольку субличность обладала соответствующими правами, она перехватила управление каналами связи и очистила экраны обоих устройств, подготовив их для аварийного сообщения.

Субличность выслала простой текст: «Сенсорная аномалия. Запрос на консультацию».

Мгновение – значительно меньшее той полусекунды, которую заняла исходная аномалия, – это сообщение светилось на мониторе королевы, привлекая ее внимание.

А потом субличность поспешила изменить решение.

Возможно, она совершила ошибку. Сколь бы необычной ни была аномалия, она исчезла. От нижележащих слоев новых сообщений о странных событиях не поступало. Планета вела себя так, как, по мнению субличности, и должна себя вести любая планета.

За следующий короткий отрезок времени высший слой пришел к выводу, что событие может объясняться простым сбоем в работе датчиков. Для подтверждения нужно просто еще раз пройти по цепочке, взглянуть на все компоненты под правильным углом, произвести анализ вне привычных ограничений. Разумная субличность должна заниматься именно этим. А если она будет беспомощно апеллировать к людям во всех мало-мальски непростых ситуациях, с команды станется заменить ее другим псевдоразумным слоем. Или, еще хуже, подвергнуть ее апгрейду.

Субличность немедленно вернула на экран королевы прежние таблицы данных.

Минутой позже, когда она продолжала усердно решать задачу возникновения аномалии, в ее приемный буфер поступила новая тревожная информация. На этот раз было зафиксировано нарушение регулировки тяги, крошечное колебание – один процент от нормы – в работе кормовых сочленительских двигателей. Столкнувшись с этой неотложной проблемой, субличность приняла решение отложить анализ планетарной аномалии.

Даже с учетом медлительности корабельной коммуникации минута – приличный отрезок времени. Минуты шли, аномалий в поведении планеты не отмечалось, и степень важности досадного события неуклонно понижалась.

Субличность, конечно, не забудет о происшествии – забывчивость никоим образом ей не свойственна, – но в течение часа ей предстоит справиться с множеством более насущных задач.

Итак, окончательное решение принято. Чем не способ решения проблемы – притвориться, что проблемы не существует.

Сообщение об аномалии светилось на экране королевы Жасмины в течение крошечной доли секунды. И никто в экипаже «Гностического восхождения» – ни Жасмина, ни Грилье, ни Куэйхи, ни остальные ультранавты – не узнал о том, что менее чем на половину секунды самый большой газовый гигант системы, к которой они приближались, системы, обозначенной в справочниках как 107-я Рыб, просто исчез.

Королева Жасмина услышала эхо шагов генерал-полковника медицинской службы: тот шел в ее сторону по металлическому коридору, соединявшему командный отсек с остальными помещениями корабля. Шаги Грилье звучали обычно – так, словно он никуда не спешил. Удалось ли испытать его верность, унижая перед Куэйхи? Пожалуй. Если так, то ему пора снова ощутить свою значимость.

Она заметила мигание на экранах черепа. На миг данные, которые просматривала королева, сменились надписью – что-то об аномалии в сенсорной системе.

Жасмина встряхнула череп. Жуткая штукавина всегда казалась ей одержимой некой потусторонней сущностью, и постепенно нарастала уверенность, что у этой сущности вдобавок крепнет маразм. Будь она не столь суеверной, давно выбросила бы череп, но, по слухам, с теми, кто пренебрегает его советами, случается страшное.

В дверь вежливо постучали.

– Входите, Грилье.

Бронированная дверь открылась. Грилье вошел в тронный зал, его глаза были широко раскрыты, а зрачки, напротив, сужены – он привыкал к слабому освещению. Поджарый, опрятно одетый, невысокий, с подстриженными ежиком блестящими светлыми волосами. Лицо боксера – плоское, с невыразительными чертами. На нем был белый врачебный халат и фартук; руки в неизменных перчатках. Выражение лица Грилье всякий раз удивляло Жасмину, – казалось, доктор вот-вот расхохочется или разрыдается. Но это была лишь иллюзия: врач был мало знаком как с первым, так и со вторым проявлением чувств.

– Трудитесь на фабрике тел, Грилье?

– Понемногу, мэм.

– Думаю, в будущем расход значительно увеличится. Производство должно быть высокопродуктивным.

– Здесь не о чем беспокоиться, мэм.

– Коль скоро там заправляете вы – не о чем. – Жасмина вздохнула. – Что ж, довольно любезностей. Перейдем к делу.

Грилье кивнул:

– Вижу, вы уже все подготовили, мэм.

Ожидая прихода Грилье, королева пристегнулась к трону, надев кожаные петли на лодыжки и бедра и перетянув живот широким поясом. Правая рука крепко притянута к подлокотнику, подвижна только левая рука. В ней королева держала череп, повернув его лицом к себе, чтобы видеть экраны, вздутиями выступающие из глазниц. Прежде чем взять череп, она вложила руку в скелетообразный механизм, прикрепленный сбоку к трону. Машина – болеутолитель – представляла собой грубую чугунную клетку с винтовыми зажимами. Сейчас эти зажимы глубоко погрузились в кожу.

– Сделай мне больно, – велела королева.

У Грилье на лице мелькнуло что-то вроде улыбки. Он приблизился к трону, осмотрел болеутолитель, усилил давление винтов, подкрутив каждый на четверть оборота. Торцы винтов глубже вдавились в предплечье королевы, удерживаемое в клетке не только ими, но и несколькими фиксаторами. Тщательность, с которой Грилье крутил винты, наводила королеву на мысль о настройщике чудовищного струнного инструмента.

Это было неприятно. Но болеутолитель предназначался вовсе не для приятных ощущений.

Примерно через минуту Грилье закончил и повернулся к Жасмине. Королева следила, как врач достает из медицинского чемоданчика, который всегда держал в тронном зале, катушку с катетером. Один конец катетера он воткнул в огромную бутылку с чем-то зелено-ватого-желтым, другой соединил со шприцем. Работая, он напевал и насвистывал под нос. Подняв бутылку, он закрепил ее в держателях позади трона, потом нацелил иглу на правый локте-

вой сгиб королевы и замешкался, стараясь попасть в вену. После чего отступил на шаг, стал прямо перед троном.

На этот раз была женщина, но пол сам по себе ничего не значил. Хотя для выращивания тел использовался генетический материал самой Жасмины, Грилье мог на ранней стадии развития организма вносить изменения и предопределять пол будущего человека. Обычно это были мальчики или девочки. Иногда для разнообразия он изготавливал бесполое или даже двуполое существа. Все они подвергались стерилизации: оснащать их действующей репродуктивной системой – напрасная трата времени. Достаточно сложно было и вживлять в тела параллельные нейронные имплантаты, с тем чтобы королева могла управлять искусственными людьми.

Внезапно Жасмина почувствовала, что боль теряет остроту:

– Мне не нужна анестезия, Грилье.

– Боль без периодов облегчения как музыка без тишины, – ответил он. – Вы должны доверять мне в медицинских вопросах, как доверяли раньше.

– Я доверяю вам, Грилье.

– Это правда, мэм?

– Да, правда. Вы всегда были моим любимцем. И вам это нравится, признайтесь.

– Я просто выполняю свою работу, мэм. Выполняю так, как позволяют мои способности. Королева положила череп на колени. Потом свободной рукой погладила белый ежик Грилье:

– Без вас я бы пропала. В особенности теперь.

– Это не так, мэм. Ваше искусство угрожает затмить мои способности.

Это было нечто большее, чем машинальная лесь: хотя Грилье посвятил свою жизнь изучению боли, Жасмина быстро его догоняла. Она изучила множество трудов по физиологии; она знала, в чем разница между эпикритической и протопатической болью; ей было известно о пресинаптическом блокировании и неоспинальных путях. Она узнала о своих простагландиновых стимуляторах из биохимических анализов содержания агонистов гамма-аминомасляной кислоты.

Кроме того, королеве был известен и тот аспект боли, о котором Грилье не имел представления. Он знал боль только по ее сторонним проявлениям. Какова же она для того, кто ее испытывает, – это для него оставалось загадкой. Не важно, сколь глубоки его теоретические знания предмета, – здесь королева всегда будет на шаг впереди.

Подобно большинству людей своей эпохи, Грилье мог только представить себе мучения, экстраполировать из неприятности со сломанным ногтем.

– Возможно, мне удалось кое-чему научиться, – сказала королева, – но в искусстве клонирования вас превзойти невозможно. И я нисколько не шутила, Грилье, насчет того, что потребность в продукции фабрики возрастет. Вы сможете удовлетворить мои новые требования?

– Вы говорили, что производство не должно сокращаться. А это не то же самое.

– Но разве сейчас вы работаете на полную мощность? Ведь нет!

Грилье подкрутил винты:

– Буду откровенен: мы подошли очень близко к максимальной производительности. Пока что я утилизирую продукцию, которая не удовлетворяет нашим обычным стандартам. Если вам угодно увеличить производительность фабрики, вы должны согласиться на понижение действующих стандартов.

– Сегодня вы избавились от одного тела.

– Как вы узнали?

– Я догадывалась, что вы отдадите дань своему стремлению к совершенству. – Королева подняла палец. – Очень правильному стремлению. Именно из-за него я держу вас на этой

работе. Конечно, я огорчена – мне известно, какое тело вы утилизировали, – но стандарты суть стандарты.

– Я всегда придерживался этого правила.

– Жаль, что нельзя так же сказать обо всех остальных членах экипажа.

Грилье напевал под нос и насвистывал, потом, выждав, произнес с расчетливой небрежностью:

– Мне всегда казалось, что у вас превосходная команда, мэм.

– Я говорю не о своей постоянной команде.

– Ах вот как. Значит, о временных членах экипажа. Надеюсь, речь не обо мне?

– Вы отлично понимаете, о ком я, так что бросьте притворяться.

– Куэйхи? Конечно же, проблема не в нем.

– Ох, оставьте игры, Грилье. Я отлично понимаю ваши чувства к сопернику. Хотите знать, в чем состоит настоящая ирония? Вы с ним очень похожи, гораздо больше, чем вам кажется. Вы оба базово-линейные люди, ваша культура подвергла и вас, и его ostracism. Я связывала с вами и с Куэйхи весьма большие надежды, но теперь, вижу, пора с ним расстаться.

– Уверен, мэм, вы дадите ему еще один шанс. Ведь как ни крути, а по курсу новая планетная система.

– И вы этому рады, да? Хотите увидеть, как его постигнет самая последняя неудача? Наказание за которую будет особенно суровым.

– Я думаю только о благополучии корабля.

– Не сомневаюсь, что так оно и есть, Грилье. – Королева сочла забавной его ложь. – Что ж, хочу признаться, я еще не решила, как быть с Куэйхи. Но в одном уверена: нужно потолковать с ним. В моем распоряжении благодаря любезности нашего торгового партнера появилась любопытная информация об этом человеке.

– Очень интересно, – отозвался Грилье.

– Оказалось, что Куэйхи не был до конца откровенен с нами относительно своего прошлого опыта. Это моя вина: следовало тщательнее проверить его биографию. Однако это не оправдывает того, что он преувеличил свои былые заслуги. Я считала, что мы нанимаем опытного переговорщика. Человека с инстинктивным пониманием планетарных природных условий. Того, кто будет в своей тарелке как среди ультра, так и среди базово-линейных людей. Того, кто способен вести торг в нашу пользу, а также находить сокровища там, где сами мы наверняка их проглядим.

– Что ж, это похоже на Куэйхи.

– Нет, Грилье, это больше похоже на того, кем Куэйхи хотел бы выглядеть в наших глазах. Это маска. Его истинная биография гораздо менее эффектна. Он добивался успеха то тут, то там, но и провалов было немало. Он человек авантюрного склада: хвостун, пройдоха и лжец. А кроме того, он инфицирован.

– Инфицирован? – удивился Грилье.

– Индоктринационным вирусом. Мы просканировали Куэйхи на обычные вирусы, а этот не заметили, потому что его нет в нашей базе данных. По счастью, этот вирус не очень опасен – вероятность, что Куэйхи заразит кого-нибудь из нас, крайне мала.

– О каком типе индоктринационного вируса идет речь?

– Дикая мешанина: полусырая религия трехтысячелетней давности, разбавленная современными сектантскими теистическими воззрениями. Вирус не принуждает верить во что-то отчетливое, а лишь дает ощущение сопричастности к чему-то религиозному. Ясно, что почти всегда Куэйхи способен контролировать себя. Но все равно я обеспокоена, Грилье. Что, если его состояние вдруг ухудшится? Мне не нужен на борту человек, чье поведение я не смогу предсказать.

– Тогда отпустите его на все четыре стороны.

– Пока рано. Возможно, после того, как мы исследуем Сто Седьмую Рыб. Пусть использует последнюю возможность реабилитироваться.

– Почему вы решили, что там от него будет прок?

– Я не надеюсь, что Куэйхи принесет нам золотые яйца, но полагаю, шансы на успех увеличатся, если дать ему верный стимул.

– Он может сбежать.

– Я и это учитываю. Кажется, в отношении Куэйхи я продумала все до мельчайших подробностей. Теперь мне нужно лишь заполучить его самого. Возьметесь доставить его сюда более или менее живым и подвижным?

– Немедленно, мэм?

– А почему бы и нет? Как говорится, куй железо, пока горячо.

– Проблема в том, – сказал Грилье, – что он в криокапсуле. На разморозку уйдет шесть часов – если следовать рекомендуемым процедурам, конечно.

– А если им не следовать? – Она подумала о том, какой ресурс остался у ее нового тела. – Правда, Грилье, сколько часов мы можем выиграть?

– Максимум два, если вы не хотите рисковать его жизнью. Но и тогда ощущения будут не слишком приятными.

Жасмина улыбнулась генерал-лейтенанту медицинской службы:

– Надеюсь, он вытерпит. Ах да, Грилье, еще одна просьба.

– Мэм?

– Принесите мне резной скафандр.

Глава третья

Субсветовик «Гностическое восхождение», межзвездное пространство, год 2615-й

Любовница помогла ему выбраться из капсулы. Дрожа на койке в кабинете восстановительной терапии, Куэйхи, базово-линейный человек, боролся с головокружением и тошнотой; тем временем Морвенна отсоединяла от его тела многочисленные провода и шланги.

– Лежи спокойно, – сказала она.

– Я не слишком хорошо себя чувствую.

– А чего ты хотел? Эти сволочи разморозили тебя слишком быстро.

Ощущение было как при ударе в пах, с той разницей, что боль заполняла все тело. Хотелось съежиться, уменьшиться в объеме, завязаться крошечным узлом, сложиться в изящную фигурку оригами. Он подумал, что надо бы проблеваться, но это, наверное, потребовало бы чрезмерных усилий.

– Почему они так рисковали? – пробормотал он. – Она же знает, что я слишком ценен.

Он рыгнул: звук получился странный, словно слишком растянулся собачий взлай.

– Кажется, ты испытывал ее терпение чуть дольше дозволенного, – сказала Морвенна, протирая его кожу салфеткой с щиплющей целебной мазью.

– Но я ей нужен.

– Прежде она обходилась без тебя. Возможно, пришла к выводу, что и в дальнейшем ты не понадобишься.

Куэйхи повеселел:

– Наверное, возникла какая-то чрезвычайная ситуация.

– Разве что для тебя.

– Господи... Все, что мне сейчас нужно, – это сочувствие.

Он поморщился: в голове стрельнула боль, причем непростая – куда сильнее и целенаправленнее тупой саднящей боли, сопутствующей выходу из криосна.

– Не поминай имя Господа всуе, – назидательно сказала Морвенна. – От этого только хуже, ты же знаешь.

Он взглянул ей в лицо – для этого пришлось разлепить веки и впустить в глаз безжалостный свет кабинета восстановительной терапии.

– Ты на моей стороне или нет?

– Я пытаюсь помочь тебе. Лежи тихо, нужно вынуть еще одну трубку.

Последняя слабая вспышка боли в бедре, и шунт выскочил наружу, оставив после себя аккуратную ранку, похожую на глаз.

– Вот теперь все.

– До следующего раза, – вздохнул Куэйхи. – Если будет следующий раз.

Морвенна замолчала, словно к ней вдруг пришла догадка.

– Ты боишься?

– А ты на моем месте не боялась бы?

– Королева безумна, это всем известно. Но она достаточно практична, чтобы распознать ценный ресурс.

Морвенна говорила открыто, зная, что здесь, в кабинете оживления, у королевы нет прослушивающих устройств.

– Возьми, например, Грилье – ужас! Разве она терпела бы этого уроды хоть минуту, не будь он ей полезен?

– Со мной то же самое, – вздохнул Куэйхи, погружаясь в омут отчаяния. – Как только кто-нибудь из нас становится ей не нужен...

Если бы Куэйхи мог шевелиться, он бы чиркнул себе по шее воображаемым ножом. Вместо этого он глухо захрипел, подражая человеку с перерезанным горлом.

– У тебя есть преимущество перед Грилье, – сказала Морвенна. – Это преимущество – я, союзник в команде. Кто есть у него?

– Ты права, – ответил Куэйхи, – как всегда.

С огромным усилием он приподнялся, протянул руку и взялся за стальную перчатку Морвенны.

Он не решился напомнить, что на борту корабля она теперь почти в такой же полной изоляции, как и он сам. Чтобы ультра подвергли остракизму одного из своих, ему достаточно вступить в близкие отношения с базово-линейным человеком. Морвенна притворялась, что ей все нипочем, но Куэйхи отлично знал: если попытается прибегнуть к ее помощи, королева и экипаж ополчатся против него и тогда ему конец.

– Можешь сесть? – спросила она.

– Попробую.

Неприятные ощущения постепенно отпускали. Куэйхи знал, что со временем все пройдет. Сейчас он уже, по крайней мере, мог пользоваться основными группами мышц, не крича от боли. Он сидел на койке, прижав колени к безволосой груди, пока Морвенна осторожно вынимала из его члена катетер. Куэйхи смотрел ей в лицо и слышал только позвякивание металла о металл. Он вспомнил, как было страшно, когда она впервые прикоснулась к нему там блестящими, как ножницы, руками. Заниматься с ней любовью – все равно что заниматься любовью с молотилкой. При этом Морвенна ни разу не причинила ему травмы, только сама случайно порезалась – там, где у нее живая плоть, а не металл.

– Все в порядке? – спросила она.

– Да, оклемался. Чтобы испортить день Хоррису Куэйхи, нужно нечто посерьезнее быстрого оживления.

– Вот это сила духа, – сказала она без особой уверенности и поцеловала его.

От нее пахло духами и озоном.

– Хорошо, что ты здесь, – сказал Куэйхи.

– Подожди, приготовлю тебе попить.

Телескопически распрямившись в полный рост, Морвенна отодвинулась от койки. Будучи все еще не в силах сосредоточить взгляд, Куэйхи наблюдал, как она скользит через комнату к нише, где были приготовлены различные укрепляющие смеси. Серо-стальные дреды Морвенны раскачивались при каждом качке ее длинноногого тела, приводимого в движение поршнями.

Морвенна уже возвращалась к нему, с бокалом в руках – шоколадный напиток с лекарственными препаратами, – когда дверь в камеру открылась, скользнув в сторону. В комнату вошли двое – мужчина и женщина. За ними, заложив в притворной застенчивости руки за спину, семенила невысокая, особенно рядом с ультра, фигурка генерал-полковника, как обычно в испачканном медицинском халате.

– Он пришел в себя? – спросил мужчина.

– Его счастье, что не умер, – резко ответила Морвенна.

– Поменьше мелодрамы, – отрезала женщина. – Никто еще не умирал от чуточку ускоренного разогрева.

– Вы объясните, чего Жасмина хочет от Куэйхи?

– Это касается только их с королевой, – ответила женщина.

Мужчина небрежно кинул простеганную серебристую одежду в сторону Куэйхи. Рука Морвенны обратилась в расплывчатое пятно и поймала на лету. Она подошла к Куэйхи и передала ему халат.

– Я хочу знать, что происходит, – буркнул Куэйхи.

– Одевайся, – приказала женщина. – Пойдешь с нами.

Куэйхи повернулся на койке и опустил ноги на холодный пол. Дискомфорт отступил, на его место пришел страх. Член сжался, съезжился, забрался в пах, словно уже придумал собственный план спасения. Куэйхи оделся, завязал пояс. Потом, повернувшись к генерал-полковнику, спросил:

– Ты тоже участвуешь?

Грилье моргнул:

– Мой дорогой друг, все, что было в моих силах, – не допустить, чтобы тебя разогрели еще быстрее.

– Ну, ты дождешься, – сказал Куэйхи. – Помяни мое слово.

– Не понимаю, почему ты все время разговариваешь со мной в таком тоне. У нас много общего, Хоррис. Мы двое разумных гуманоидов на борту корабля ультра. Нам не стоит ругаться и соперничать из-за престижа и статуса. Напротив, необходимо действовать заодно. – Грилье вытер перчатки о халат, оставив на нем зловещее красное пятно. – Нам нужно дружить, Хоррис. Нужно держаться друг за друга, потому что впереди долгая дорога.

– Скорее ад замерзнет, – ответил Куэйхи.

Королева держала на коленях пегий человеческий череп, поглаживая его очень длинными пальцами с ногтями, выкрашенными черным лаком. Одета она была в кожаный жилет со шнуровкой на груди и короткую матерчатую юбку из такой же темной кожи. Волосы были убраны с высокого лба назад, оставлен лишь аккуратный маленький завиток.

Стоя перед королевой, Куэйхи было подумал, что она нанесла на лицо экзотический грим: вертикальные полосы, словно густой свечной воск, тянулись от глаз к изгибу верхней губы. И лишь потом понял, что она вырезала себе глаза.

Если отвлечься от ран, ее лицо отличалось своеобразной суровой красотой.

Он впервые видел королеву во плоти. До этой встречи все их переговоры проводились дистанционно, либо через виртуальные альфа-копии, либо через живых посредников вроде Грилье.

Когда-то он надеялся, что так будет всегда.

Куэйхи выждал несколько секунд, прислушиваясь к своему дыханию. Наконец спросил:

– Я подвел вас, мэм?

– Куэйхи, за кого вы меня принимаете? За капитана, который может возить бесполезный груз?

– Вижу, удача от меня отвернулась.

– Поздновато вы это увидели. Сколько остановок, Куэйхи, мы сделали с тех пор, как вы присоединились к нам? Пять, не так ли? И какую прибыль принесли эти пять остановок?

Куэйхи открыл рот, собираясь ответить, как вдруг заметил резной скафандр, почти скрытый в тени позади трона. Эта вещь появилась здесь не случайно.

Резной скафандр походил на мумию, на кокон, изготовленный из мягкой стали или похожего промышленного металла. Был оснащен разъемами для подключения всевозможных устройств. На месте визора перед лицом темнела прямоугольная решетка. Там, где детали резного скафандра подверглись ремонту или замене, виднелись выступы и бугорки – следы пайки и сварки. Местами блестели новые металлические заплатки.

Большую часть скафандра покрывала невероятно сложная резьба, она навязчиво притягивала взор, заставляла до боли напрягать глаза. Каждый квадратный сантиметр был испещрен

тончайшими деталями, которые сложно разобрать сразу. Но под взглядом Куэйхи скафандр словно бы увеличился, и вот уже видны диковинные космические чудовища со змеиными шеями, до крайности похожие на фаллос звездолеты, лица вопящих людей и демонов, сцены совокуплений и расправ. Тут были спирали хроник, выделенные крупно поучительные истории, описания удачных торговых сделок. Проглядывали циферблаты аналоговых часов и псалмы. Строки текста на неизвестных Куэйхи языках, музыкальные лады и даже столбцы аккуратно, с любовью выгравированных вычислений. Последовательность цифрового кода ДНК. Ангелы и херувимы. Змеи. Множество змей.

От одного взгляда на эту штуковину у Куэйхи заболела голова.

Саркофаг пестрел язвинками от ударов микрометеоритов, темными пятнами ожогов космического излучения; его серо-стальная поверхность тут и там зеленела бронзовой патиной химических окислов. Хватало и бороздок, оставленных сверхтяжелыми частицами при попадании по касательной. В довершение по всему периметру скафандра тянулся темный шов, по которому раскрывались и заваривались половинки брони.

Этот легендарный скафандр, предназначенный для наказания, считался не более чем плодом фантазий. Считался – до сего момента.

В скафандре человек некоторое время мог жить, получая сенсорную информацию. Броня защищала от космической радиации в межзвездном перелете, который длился иногда многие годы. Наказанный их проводил, будучи вмурован в защитную ледяную оболочку звездолета.

Счастливчиком считался умерший прежде, чем его доставали из саркофага.

Куэйхи заговорил, стараясь, чтобы голос не дрожал:

– Если смотреть под другим углом, наши дела... вовсе не так уж плохи... во всех отношениях. Корабль цел и невредим, команда здорова, в пути никто не погиб и не получил тяжелого ранения. Не было инфекционных заболеваний. Обошлось и без непредвиденных расходов...

Он замолчал, с надеждой глядя на Жасмину.

– И этим вы пытаетесь оправдаться? Куэйхи, ваша задача – в эти трудные времена поправить наши дела, благотворно повлиять на торговлю посредством вашего непревзойденного очарования, а также знания планетарной психологии и ландшафтов. Вас брали на роль курочки, несущей золотые яйца.

Куэйхи неловко переступил с ноги на ногу:

– Но все пять систем, которые мы посетили, оказались просто помойками.

– Это вы выбирали системы, не я. И не я виновата, что там не нашлось ничего стоящего. – Королева с горечью покачала головой. – Нет, Куэйхи, боюсь, легко вы не отделаетесь. Видите ли, месяц назад мы кое-что перехватили. Это была двухсторонняя связь, торговые переговоры между колонией людей на Чалупеке и субсветовиком «Зыбкая память о Хокусае». Говорит это вам о чем-нибудь?

– Едва ли.

Но он вспомнил.

– «Зыбкая память о Хокусае» вошла в систему Глизе 664, как только мы ее покинули. Я говорю о второй планетной системе, куда вы нас привели. В своем отчете вы сообщили... – Королева резко подняла череп и приложила его к голове, прислушиваясь к дробному стуку челюстей. – Давайте проверим... На Крылатом Грифоне и трех других пригодных для обитания планетах не нашлось ничего ценного, если не считать остатков брошенной технологии на спутниках, с пятого по восьмой, гиганта Всплывающий... Во внутренних астероидных полях тоже ничего, как и в роях астероидов D-типа, троянских точках или крупных образованиях типа пояса Койпера...

Куэйхи уже понял, к чему клонит королева.

– И что же «Зыбкая память о Хокусае»?

– Я слушала ее торговые переговоры с необычайным интересом. Судя по всему, что было сказано, «Зыбкая память о Хокусае» обнаружила подземный тайник с пригодными для продажи артефактами. Им около ста лет – они довоенные, дочумные. Очень ценные вещи: не просто старая техника, а предметы искусства и культуры, по большей части уникальные. За них выручили достаточно, чтобы заказать новый слой корпусной брони. – Королева выжидательно посмотрела на Куэйхи. – Что скажете?

– Мой отчет абсолютно правдив, – ответил Куэйхи. – Наверное, «Зыбкой памяти о Хокусае» просто повезло. Послушайте, дайте мне еще один шанс. Мы на подлете к новой системе?

Королева улыбнулась:

– Мы всегда на подлете к новой системе. Эта называется Сто Седьмой Рыб, но, по правде сказать, издалека она выглядит не слишком многообещающе. Почему вы решили, что на этот раз от вас будет польза?

– Позвольте мне взять «Доминатрикс», – взмолился Куэйхи, складывая руки на груди. – Я проверю эту систему.

Королева молчала долго. Куэйхи слышал собственное дыхание, изредка прерываемое слабым писком насекомого или крысы, сгорающей в электрической ловушке. За зеленоватым стеклом полусферы, встроенной в одну из двенадцати стен зала, угадывались чьи-то неторопливые движения. Он почувствовал, что за ним наблюдает еще кто-то, помимо безглазой женщины. Никто никогда не говорил ему об этом, но он догадался – нечто за стеклом и есть подлинная королева, а искалеченное тело на троне просто кукла, временное обиталище для чужого разума. Значит, все дошедшие до него слухи правдивы. И про солипсизм королевы, и про ее пристрастие к самой невероятной боли, служащей якорем, связью с реальностью, и про огромный запас клонированных тел, которые она содержит только для этой цели.

– Вы закончили, Куэйхи? Это все, что вы можете предложить?

Он вздохнул:

– Пожалуй, все.

По-видимому, королева безмолвно отдала приказ. В ту же секунду двери зала вновь распахнулись. Холодный ветерок овеял затылок, и Куэйхи быстро обернулся. В зал вошли двое ультра, которые привели его из кабинета восстановительной терапии, и генерал-полковник медицинской службы.

– Я закончила с ним, – сказала королева.

– И что вы решили? – спросил Грилье.

Жасмина покусала ноготь.

– Я осталась при прежнем мнении. Положите его в резной скафандр.

Глава четвертая

Арарат, год 2675-й

Скорпиону было хорошо известно: не следует беспокоить Клавэйна, когда тот что-то обдумывает. Сколько времени прошло с тех пор, как свинья сказал старику про свалившийся с неба предмет (если только этот предмет действительно свалился оттуда)? Пять минут или больше? Все это время Клавэйн стоял точно статуя, с мрачной сосредоточенностью устремив взгляд к горизонту.

Когда Скорпион уже забеспокоился, в своем ли уме его друг, Клавэйн заговорил.

– И давно? – спросил он. – Что бы ни представляла собой эта штуковина, я хочу знать, когда она упала.

– Вероятно, на прошлой неделе, – ответил Скорпион. – Мы нашли ее два дня назад.

На этот раз тревожная пауза продлилась не более минуты. Вода плескалась о камни и вихрилась в приливных лужах.

– И что же это?

– Трудно сказать наверняка. Какая-то капсула. Изготовленная людьми. Похоже на спасательный модуль – устройство, способное входить в атмосферу. Мы думаем, что капсула упала в океан, а потом всплыла.

Клавэйн кивнул с таким видом, будто счел эту новость малоинтересной:

– Ты уверен, что не Галиана ее оставила?

Он легко произнес это имя, но Скорпион догадывался, какую боль оно причиняло старику. Особенно сейчас, когда тот смотрел на океан, означающий для него и надежду, и самую жестокую из потерь. В минуту откровенности, незадолго до того, как Клавэйн уединился на острове, он сказал: «Они обе ушли. Океан уже ничего не сможет для меня сделать». – «Они по-прежнему тут, – возразил Скорпион. – Не исчезли бесследно. По крайней мере, здесь для них безопаснее, чем где бы то ни было в мире».

Как будто Клавэйн сам этого не понимал.

– Нет, – продолжил Скорпион, вернувшись мыслями в сегодняшний день. – Вряд ли ее оставила Галиана.

– Я вот думаю: что, если там весточка от нее? – проговорил Клавэйн. – А впрочем, ерунда. Не может быть никаких вестей. Ни от Галианы, ни от Фелки.

– Сочувствую, – вздохнул Скорпион.

– Не стоит, – отмахнулся Клавэйн. – Так устроена жизнь.

То, что Скорпион знал о прошлом Клавэйна, отчасти основывалось на слухах; кое-что старик рассказал ему сам. Воспоминания всегда были ненадежной материей, а в нынешние времена вообще обрели податливость глины. Иные события из собственного прошлого виделись Клавэйну весьма расплывчато.

Но кое в чем он был вполне уверен. Когда-то Клавэйн любил женщину по имени Галиана; их связь началась много веков назад. Было известно, что они родили дочь – или создали некое существо по имени Фелка, столь же могущественное, сколь и ущербное; ее любили и боялись в равной мере.

Всякий раз, когда Клавэйн заговаривал о тех временах, в его голосе звучала радость, хоть и с толикой горечи – от того, что произошло потом.

Галиана, посвятившая себя науке, была одержима идеей расширения человеческого сознания. Ее любопытство не знало предела. Она хотела получить самую тесную связь с реальностью на самом глубинном уровне. Эксперименты с нейронами представляли собой

лишь одну из необходимых частей процесса. Галиана не сомневалась, что следующим этапом должны стать физические исследования и рывок в космос. Она мечтала выйти за неровные границы закартированного пространства. Все ранее найденные следы существования инопланетных цивилизаций представляют собой руины и окаменелости, но кто знает, что скрывается в дальних галактических далях?

К этому времени человеческие поселения заполнили сферу в два десятка световых лет; Галиана же собиралась пройти путь в сто с лишним световых лет и вернуться.

И добилась своего. Сочленители отправили три корабля, движущиеся чуть медленнее света, в экспедицию за дальние окраины исследованного межзвездного пространства. Экспедиция должна была растянуться по меньшей мере на полтора века; не менее жадные до новых ощущений Клавэйн и Фелка улетели вместе с Галианой. Полет проходил в соответствии с планом: Галиана и ее спутники посетили много солнечных систем, и хотя им нигде не удалось найти неоспоримых признаков существования активной инопланетной цивилизации, тем не менее они обнаружили и каталогизировали множество явлений и, конечно же, нашли новые руины. Потом пришла весть (уже запоздалая) о развитии конфликта между сочленителями и их бывшими союзниками-демархистами. Клавэйну необходимо было вернуться и оказать тактическую поддержку оставшимся сочленителям.

Галиана сочла, что для нее важнее продолжить экспедицию; они мирно распрощались в глубинах космоса, и один корабль отправился к дому, унося на борту Клавэйна и Фелку, а два других продолжали выписывать петли, уходя все дальше и дальше по плоскости Галактики.

Они намеревались воссоединиться, но, когда корабль Галианы вернулся в Материнское Гнездо, им управлял автопилот, а сам субсветовик был поврежден, его команда мертва. Где-то в дальней части Галактики экспедиция подверглась атаке механических паразитов, и один из кораблей оказался разрушен. После этого черные машины прогрызли себе путь внутрь корабля Галианы и подвергли его команду систематическому анатомированию. Один за другим члены экипажа погибли, в живых осталась только Галиана. Черные машины проникли в ее череп, заполнили собой пустоты в мозгу. Это было ужасно, но она все еще жила, хотя утратила способность к самостоятельным действиям. Превратилась в марионетку инопланетных машин.

С разрешения Клавэйна сочленители заморозили Галиану до лучших времен, когда можно будет без вреда изгнать паразитов из ее тела. Рано или поздно такая возможность появилась бы, но вскоре среди сочленителей наметился раскол: начался тот самый кризис, который со временем вынудил Клавэйна отправиться к Ресургему и в конце концов оказаться на Арарате. Во время конфликта замороженное тело Галианы было уничтожено.

Горе Клавэйна было неизмеримым, оно иссушало душу. Боль потери, вероятно, убила бы его, думал Скорпион, не будь рядом людей, отчаянно нуждавшихся в старом воине и его руководстве. Выживание колонии на Ресургеме стало для Клавэйна сверхзадачей, которая отвлекла его от тоски по погибшей Галиане. И эта новая цель помогла ему сохранить рассудок.

Не Галиана привела их на Арарат. Но Арарат оказался одной из планет, которые она посетила, уже расставшись с Клавэйном и Фелкой. Эта планета привлекла ее внимание тем, что местные океаны были населены разумными организмами, а главное, почти все, что попадало в эти океаны, оказывалось накрепко запечатлено в коллективной памяти жонглеров образами.

На многих мирах жонглеры создали такую же природную систему, как на Арарате. Исследования и споры о том, вполне разумны эти инопланетные организмы или нет, велись уже многие годы. Было ясно одно: эти существа трепетно относятся к любому разуму и готовы бережно сохранять и опекать его.

Всякий раз, когда в гидросферу планеты жонглеров образами попадал носитель разума, микроскопические организмы внедрялись в его нервную систему. Этот процесс был совершенно безопасным и существенно отличался от того, что случилось с Галианой на борту ее корабля. Микроорганизмы преследовали единственную цель – скопировать нейронную сеть

пловца и, выполнив свою задачу, оставляли его в покое. Копия личности оставалась в океане, сам же пловец выходил на сушу, чувствуя себя совершенно нормально.

Обычно пловцы не ощущали в себе никаких перемен. Некоторым океан оставлял небольшой подарок, чуть изменяя архитектуру нейронной сети, и тогда у человека появлялось внутреннее зрение или он обретал небывалые познания. Обычно такой дар сохранялся лишь несколько часов и в очень редких случаях оставался навсегда.

Невозможно сказать, получила ли Галиана такой дар, искупавшись в океане Арарата, но ее сознание наверняка было скопировано. Она по-прежнему тут, в этих водах, – быть может, дожидается вселения в тело какого-нибудь пловца.

Клавэйн думал об этом, но не он первый попытался вступить в контакт с Галианой. Эта честь выпала Фелке. Двадцать лет она каждый день купалась в океане, погружаясь в воспоминания и прохладное сознание своей матери. К тому времени Клавэйн сам перестал плавать, опасаясь того, что, столкнувшись с сознанием Галианы, найдет его измененным, ее память незнакомой и ошибочной по отношению к тому, чем она была на самом деле. С годами его сомнения забылись, но он так больше и не решился войти в океан Арарата. В отличие от него Фелка, всегда готовая пережить всю палитру ощущений, предоставляемых океаном, плавала регулярно и часто делилась впечатлениями с Клавэйном. Так, через дочь, старик стал вновь общаться с Галианой, и до поры до времени, покуда он не решился погрузиться в океан сам, этого ему было достаточно.

Но два года назад море забрало Фелку, и она больше не вернулась.

Об этом сейчас думал Скорпион, с особой тщательностью подбирая слова:

– Невил, я понимаю, для тебя это очень сложно, но пойми и ты: эта капсула, чем бы она ни была, представляет огромную проблему для колонии.

– Я понял, Скорп.

– И все равно океан для тебя важнее?

– По-моему, никто из нас не знает, что для него в этой жизни важнее.

– Может быть. Что касается меня, я о глобальных вопросах не думаю. Никогда не был в этом силен.

– Скорп, глобальные вопросы – это все, что нам осталось.

– То есть ты полагаешь, что во Вселенной миллионам... миллиардам людей предстоит погибнуть? Людей, которых мы никогда не встретим, которые не приблизятся к нам хотя бы на световой год?

– Примерно так.

– Извини, но моя голова устроена иначе. Она просто не способна вместить угрозу такого масштаба. Массовое истребление – вне моей компетенции. Куда больше меня занимают местные проблемы. И сейчас я столкнулся с одной из них.

– Ты о чем?

– Я вынужден заботиться о ста семидесяти тысячах человек. Их много, а проблем еще больше – просто голова кругом. И когда что-то вдруг падает с неба, я лишаюсь покоя и сна.

– Разве ты видел, как что-то упало с неба? – Клавэйн не стал дожидаться ответа. – Окружающее Арарат пространство нашпиговано всевозможными пассивными датчиками из нашего арсенала. Разве мы могли проморгать капсулу, способную опуститься на планету, а тем более не заметить доставивший ее корабль?

– Не знаю, – ответил Скорпион.

То ли у него вышли аргументы, то ли просто хотелось втянуть Клавэйна в спор о чем-нибудь конкретном – не о пропавших без вести, не о грядущем массовом истреблении.

– Что бы это ни было, оно наверняка появилось здесь недавно. Ничего общего с другими артефактами, которые мы выловили из океана. Они успели наполовину раствориться в морской

воде, даже те, что лежали на дне, где меньше микроорганизмов. А эта штукавина явно провела в море считанные дни.

Клавэйн наконец отвернулся от океана, и Скорпион счел это добрым знаком. Старый сочленитель двинулся медленным, экономным шагом, не глядя под ноги, но с наработанной уверенностью огибая приливные лужицы и иные препятствия.

Они шли обратно к палатке.

– Скорпион, я много наблюдал за небом, – сказал Клавэйн. – По ночам, когда не было облаков. И кое-что видел в последнее время. Вспышки. Какое-то движение. Признаки чего-то огромного, словно там на секунду отодвигали занавес. Теперь ты точно сочтешь меня выжившим из ума.

Скорпион не знал, что и думать.

– Один, да на необитаемом острове – тут любому начнет мерещиться.

– Но вчера не было туч, – продолжал Клавэйн. – И позавчера. И я ничего не видел. Никаких признаков появления нового корабля на орбите.

– Мы тоже ничего не заметили.

– Как насчет радиопереговоров? Лазерных сигналов?

– Эфир совершенно пуст. Ты прав, нет смысла ломать над этим голову. Но, нравится нам это или нет, у нас есть капсула, и она никуда не денется. Мне бы хотелось, чтобы ты сам на нее взглянул.

Клавэйн убрал волосы с глаз. Морщины превратились в расселины и овраги – не лицо, а поверхность планеты, изуродованная эрозией. Скорпион подумал, что за полгода, проведенные на острове, сочленитель состарился лет на десять, а то и двадцать.

– Ты сказал, внутри кто-то есть.

Пока шел разговор, в облачном ковре образовались прорехи. Проглядывавшее в них чистое небо имело сходство с глазом галки – бледная, в прожилках, голубизна.

– Этого пока никто не знает, – ответил Скорпион. – Вообще, о найденной капсуле пока известно лишь нескольким людям в колонии. Поэтому я и приплыл сюда на лодке. Добираться шаттлом было бы легче, но это привлекло бы внимание. Узнав о твоём возвращении, все решили бы, что возникла серьезная проблема. Кроме того, никто не знает, что ты живешь так близко. Многие верят, что ты перебрался на другое полушарие.

– И ты поддерживаешь это заблуждение?

– По-твоему, что лучше для общественного спокойствия: распустить слух, будто ты отправился в экспедицию – возможно, очень опасную, – или сообщить, что Клавэйн предпочитает сидеть сиднем на острове и обдумывать способы самоубийства?

– Эти люди через такое прошли... Они бы приняли правду.

– Да, им крепко досталось, – кивнул Скорпион. – Именно поэтому я решил, что правду им лучше не знать.

– Как бы то ни было, самоубийства я не замышляю. – Старик остановился и снова повернулся к морю. – Я знаю, что она там, со своей матерью. Скорпион, не пытайся, как я это выяснил. Просто чувствую: она все еще там. Я читал, на других планетах жонглеров случалось нечто подобное. Время от времени океан забирает пловца, полностью растворяет его тело и встраивает в свою органическую матрицу. Никто не ведает зачем. Пловцы, которые потом входили в океан, говорили, что иногда чувствовали присутствие исчезнувших ранее. И ощущение бывает гораздо сильнее, чем при контакте с записанной памятью или виртуальной личностью. По их словам, это напоминает диалог.

Скорпион сдержал тяжелый вздох. Он уже слышал такие речи полгода назад, перед тем как старик решил перебраться на остров. Одиночество несколько не поколебало уверенности Клавэйна в том, что Фелка не просто утонула.

– Тогда нырни и разберись во всем сам, – сказал свинья.

– Я бы так и сделал, но боюсь.
– Боишься, что океан заберет тебя?
– Нет. – Клавэйн снова повернулся к Скорпиону. Он не казался оскорбленным, лишь удивленным. – Нет. Конечно же нет. Я боюсь совсем другого: что океан не обратит на меня внимания.

Хела, 107-я Рыб, год 2727-й

Рашмике Эльс в детстве очень часто говорили, что не стоит быть такой серьезной. Что бы они сказали, увидев сейчас, как она сидит в полумраке на кровати и перебирает личные вещи, откладывая те немногие, что можно взять в экспедицию?

Как обычно, она ответила бы взглядом, полным оскорбленного достоинства. Только теперь ее убежденность в собственной правоте была бы гораздо сильнее. Пусть ей еще не исполнилось восемнадцати, она прекрасно понимает, насколько все серьезно. Не просто серьезно – страшно.

Она сложила в небольшую сумку белье на два-три дня, хотя путешествие вряд ли продлится так долго. Добавила к белью туалетные принадлежности, осторожно вынесла их из ванной, чтобы не заметили родители. Запаслась сухим печеньем и ломтиком козьего сыра на тот случай, если в ледокате Крозета будет нечего есть (или, скорее, если там не найдется ничего такого, что она сочтет съедобным). Взяла бутылку очищенной воды, так как слышала, что в окрестностях Пути вода плохая, ядовитая. Бутылки надолго не хватит, но теперь Рашмика хотя бы может спокойно думать, что обо всем позаботилась наперед.

К собранным вещам она прибавила завернутые в пластиковый пакет три маленьких артефакта, украденные из раскопов.

Сумка получилась на удивление тяжелой, и в ней почти не осталось места. Рашмика поглядела на жалкую кучку пожитков, понимая, что может взять только одну вещь. Что же выбрать?

Здесь была карта Хелы, снятая со стены над кроватью, с отмеченной выпцветшими красными чернилами извилистой линией вдоль экватора. Это изображение Пути не отличалось точностью, но в компаде лучшего не нашлось. И разве это имеет значение? Рашмике не добраться туда самостоятельно, и, если помощники не знают дороги, эта карта вряд ли сильно им поможет.

Она отложила карту в сторону.

Была тут и толстая синяя тетрадь с уголками, защищенными позолоченным металлом. В ней содержались рукописные заметки о вертунах, которые Рашмика прилежно делала на протяжении восьми лет. Рашмика начала писать в эту тетрадь, когда ей исполнилось девять и она решила – вполне в соответствии со своим ранним развитием, – что хочет стать ученым и изучать вертунов. Над ней, конечно, смеялись – по правде сказать, довольно добродушно и необидно, – но от этого она только еще более усердно царапала свои заметки.

Рашмика знала, что нужно спешить, но не могла не перелистать эти страницы, внимая их шелесту, отчетливому в тишине комнаты. Бывало, она смотрела на тетрадь свежим взглядом, словно глазами другого человека, и та казалась подлинным произведением искусства. Вначале почерк Рашмики был крупным и аккуратным – детским. Она пользовалась ручками разных цветов и тщательно подчеркивала важные места. Кое-где чернила выпцвели или растеклись, попадались пятна и кляксы, но ощущение много пережившей старины лишь придавало прелесть этому процессу.

Рашмика рисовала сама, копировала иллюстрации из других источников. Первые рисунки были грубыми и наивными, но через несколько страниц приобрели точность и уверенность, как наброски натуралистов Викторианской эпохи. Рисунки были заботливо дополнены стрелками и пояснениями.

Само собой, это были чертежи артефактов вертунов, с записями об их происхождении и назначении, а также множество изображений самих вертунов, их анатомии и поз, воссозданных по найденным окаменелым останкам.

Она переворачивала страницы – годы своей жизни. Почерк мельчал, читать было все труднее. Цветные чернила использовались все реже, несколько последних глав были написаны черными. Здесь тоже все было аккуратно, прежние методичность и прилежание никуда не делись, однако теперь рукопись напоминала скорее работу ученого, чем записи увлеченного ребенка, пусть и талантливого.

Рашмика больше не брала тексты и рисунки из других источников, на бумагу ложились только ее собственные, не зависящие от чужого мнения мысли. Разница между первыми и последними записями была разительно очевидной для Рашмики, пройденный путь оказался длинным.

Очень часто ее до того смущали первые робкие шаги, что порой хотелось выбросить эту тетрадь и начать новую. Но на Хеле бумага стоила дорого, а тетрадь подарил Харбин.

Рашмика пролистала последние, чистые. Мысли были еще зыбкими, но она уже догадывалась, какими будут умозаключения. На страницах как будто проглядывают тени слов и цифр; нужны лишь время и сосредоточенность, чтобы сложились четкие формулировки. В предстоящем путешествии возможностей поработать с тетрадью наверняка была бы масса...

Но она останется здесь. Эта вещь много значит для Рашмики, и невыносима мысль, что в дороге она может потеряться, что ее могут украсть. Если не взять ее, по крайней мере будет надежда, что тетрадь дождется возвращения хозяйки. Что мешает делать записи в пути, оттачивая аргументацию, добиваясь, чтобы умопостроения не имели изъянов? Тетрадь от этого только выигрывает.

Рашмика захлопнула ее и отложила в сторону.

Оставались еще две вещи: компад и старая замызганная игрушка. Компад на самом деле был не ее, он принадлежал всей семье, и Рашмика подолгу пользовалась им, когда не находилось других желающих это делать. Бывало, не находилось месяцами, и теперь, в ее отсутствие, его вряд ли скоро хватятся. В памяти компада хранилось много данных, связанных с исследованиями вертунов, материалов, взятых из других электронных архивов. Там лежали фотографии и фильмы, которые она сделала в раскопках сама. Устные показания старателей, обнаруживших вещи, которые не отвечали общепринятой теории истребления вертунов, – на эти сведения наложили запрет церковные власти. Работы других ученых. Карты и данные лингвистических исследований. Все это поможет Рашмике, когда она будет следовать по Пути.

Она взяла игрушку. Та была розовая, мягкая и потрепанная, от нее шел слабый запах. Она появилась, когда Рашмике было лет восемь-девять: девочка сама выбрала ее в лавчонке бродячего торговца. Наверняка в ту пору игрушка была яркой и чистой, но Рашмика помнила только одно: это единственное, что она любит – не просто любит, а обожает. Глядя на игрушку, она забывала, что ей уже семнадцать, и до сих пор не могла понять, какое же существо изображает эта вещь. Помнится, надумав взять приглянувшуюся штуковину с прилавка, она решила: это поросенок. И не важно, что на Хеле никто и никогда не видел живой свиньи.

– Тебя я тоже не могу взять, – прошептала Рашмика.

И водрузила игрушку на тетрадь торчком, словно часового. Она понимала, что это просто безделушка, но понимала и то, что вскоре останется без единой ниточки, связывающей ее с безопасным житьем в поселке, и будет отчаянно тосковать по дому. Да только от компада больше пользы, и теперь уже не до сантиментов.

Она запихнула черную прямоугольную коробку в сумку, аккуратно затянула герметичную застежку и тихо вышла из комнаты.

Рашмике было четырнадцать, когда караван в последний раз прошел вблизи ее деревни. Тогда она была на занятиях, и ей не разрешили выйти наружу и поучаствовать во встрече. Перед этим, в девять лет, она видела караван, но лишь мельком и издали. Ей живо помнилось это событие – из-за того, что потом случилось с братом. Она вспоминала прибытие каравана

столько раз, что теперь уже невозможно было отличить случившееся на самом деле от того, что она навоображала потом.

Прошло восемь лет, подумала она: десятая часть человеческой жизни по безжалостной новой статистике. Десятую часть тоже нельзя недооценивать, хотя когда-то восемь лет составляли одну двенадцатую или даже одну тринадцатую того, на что можно было рассчитывать. И тем не менее срок казался очень долгим. Как ни крути, это половина ее жизни. Дождаться нового каравана, знала Рашмика, придется целую вечность. В тот последний раз, когда Рашмика видела караван, она была ребенком с Равнины Вигрид, маленькой девочкой, известной своей странной привычкой всегда говорить правду.

И вот теперь ей выпал новый шанс.

Прошло сто дней с начала сто двадцатого кругосветного путешествия, в которое внезапно пустился караван, вышедший на восток с Хоукова Переезда. Колонна повернула на север, к Низинам Гаудина, чтобы соединиться с другим караваном, направлявшимся на юг, в сторону Хмурого Перекрестка. Впервые за столь долгий срок – три обращения – караван проходил по южной кромке Равнины Вигрид в дне пути от поселка. Само собой, жизнь забила ключом: приемы и вечеринки, празднования юбилеев и приглашения в тайные питейные заведения. Бывали романы и свидания, опасный флирт и тайные связи. Через девять месяцев жди появления орущего потомства караванщиков.

В сравнении с общим аскетизмом Хелы и особенно с суровым бытом Равнины Вигрид это было время скупо отмеренной, робкой надежды. Один из редких периодов, когда мог измениться жизненный уклад – пусть и в строгих рамках. Наиболее здравомыслящие поселенцы не позволяли себе выказывать энтузиазм, но в душе они не могли противиться надежде на перемены. Люди придумывали хитрые предлоги, чтобы съездить к месту встречи; мол, тут ничего личного, а только забота об общественном благе. Таким вот образом на протяжении трех недель поселок отправлял собственные маленькие караваны, которые с риском для жизни преодолевали изрезанные предательскими трещинами равнины, чтобы добраться до большой колонны.

Рашмика решила выйти из дому на рассвете, пока родители спят. Она не стала лгать, куда и зачем собралась. Чего не понимали взрослые и вообще все жители поселка, так это того, что она умела обманывать не хуже других, на голубом глазу. И единственная причина, по которой Рашмика никогда не лгала, даже в детстве, заключается в том, что она просто не видела в этом смысла.

Рашмика кралась к своему дому, беззвучными бросками пересекая темные коридоры и яркие пятна под световыми люками. Почти все жилье в поселке скрывалось под землей и представляло собой бессистемно вырытые пещеры, соединенные извилистыми тоннелями, со стенами, покрытыми желтеющей штукатуркой. Мысль о жизни на поверхности слегка пугала, но, наверное, и к этому можно привыкнуть; так привыкают к жизни в караванах или даже в соборах, к которым эти караваны идут.

Хотя, конечно, нельзя было назвать подземное существование совсем безопасным. Сеть коридоров поселка где-то опосредованно соединялась с системой расположенных еще глубже путей к раскопкам. Имелись шлюзы и другие запорные устройства, чтобы защитить поселок при обвале в зоне раскопок или при случайном вскрытии проходчиками полости с высоким давлением. Вот только не всегда эти механизмы работали должным образом.

На веку Рашмики случилось несколько серьезных аварий, только случайно не приведших к большим жертвам. Все знали, что новая ужасная катастрофа вроде той, о которой родители Рашмики вспоминали до сих пор, лишь вопрос времени. Не далее как неделю назад на поверхности произошел сильный взрыв. Обошлось без жертв; по слухам, кто-то намеренно подорвал предназначенные для проходки заряды. Это было лишним напоминанием о том, что ее мир в одном шаге от ужасной опасности.

Такова была цена, которую поселок платил за экономическую независимость от соборов. И Рашмика это понимала. Большинство поселков на Хеле располагались вблизи Вечного Пути, не более чем в ста километрах к северу или югу. За ничтожным исключением, поселки возле Пути были обязаны своим существованием церквям и контролируемым ими соборам и имели то или иное отношение к главным ответвлениям религии куэйхистов. Это не значит, что на Равнине Вигрид не было верующих, но поселки управлялись мирскими комитетами и зарабатывали на жизнь в основном раскопками, а не сложными системами десятин и индульгенций, которые связывали соборы и общины Пути. Вследствие этого поселки были свободны от большинства религиозных ограничений, установленных на Хеле почти повсеместно.

Поселки жили по собственным правилам, не так строго смотрели на брак и закрывали глаза на некоторые прегрешения, объявленные вне закона на Пути. Гости из Часовой Башни были редки, и, сколько бы церкви ни посылали сюда своих миссионеров, на них глядели с подозрением. Девочкам вроде Рашмики позволялось читать техническую литературу и заниматься раскопками, но не изучать скрижали куэйхистов. Согласно общему укладу, женщины в поселках находили себе работу сами.

Другой стороной медали было то, что Равнина Вигрид не могла рассчитывать на покровительство и защиту соборов. Поселки вдоль Пути охранялись разношерстной и слабоорганизованной соборной милицией, и в кризисных ситуациях церковники оказывали им поддержку. В распоряжении соборов имелось оборудование, значительно превосходящее все, чем пользовались на Вигриде, и Рашмика не раз становилась свидетельницей того, как ее друзья и родственники умирали из-за невозможности пользоваться услугами современной медицины. Платой за медицинскую помощь была, конечно же, встреча со службой крови. И как только в жилах человека появлялась кровь куэйхистов, все прочее ему становилось безразлично.

Рашмика принимала родные порядки со смесью гордости и упрямства, свойственных обитателям Вигрида. Никто не сомневался, что жизнь в этих краях неизмеримо труднее, чем около Пути. Все знали, что на Равнине Вигрид по-настоящему веруют лишь единицы и даже у них вера обычно поколеблена сомнениями. Как правило, именно сомнения, желание найти ответы на беспокоящие вопросы приводили людей в раскопки.

При всем при том обитатели поселков не желали себе другой судьбы. Они жили и любили так, как считали правильным, глядя на облепившие Путь благочестивые общины с чувством морального превосходства.

Рашмика вошла в последнюю комнату своего дома; при каждом шаге заплечная сумка тяжело билась о копчик. Было тихо, но девушка ступала еще тише и напряженно вслушивалась – и как будто улавливала слабейший гул дальних раскопок, отголоски бурильных и землеройных машин, доносящиеся через километры извилистых тоннелей. Время от времени раздавалось глухое «бум» взрыва или барабанная дробь отбойного молотка.

Рашмика так привыкла к этим звукам, что они нисколько не тревожили ее сна; напротив, она бы немедленно проснулась, если бы раскопки прекратились. Сейчас же ей хотелось, чтобы там шумели сильнее, заглушая звуки ее бегства.

В последней комнате было две двери. Одна открывала горизонтальный проход в более широкие тоннели, в сеть подземных путей сообщения с другими домами и помещениями поселка. Вторая дверь располагалась в потолке, над скобяной лестницей. Мгновение – и этот люк распахнут, зияет темнота.

Рашмика достала из шкафа вакуумный скафандр, стараясь не стучать шлемом и ранцем о три других скафандра, висящих на общей вращающейся вешалке внутри шкафа. Три раза в год на учениях ей приходилось облачаться в скафандр, и не составляло труда застегнуться на все замки и добиться полной герметичности. Но сейчас это заняло десять минут – она то и дело замирала, когда мерещился шум где-то внутри дома. Всякий раз это оказывался щелчок в системе циркуляции воздуха или тихий стон проседающей породы.

Наконец она закончила возиться со скафандром; светящийся зеленым дисплей на запястье убедил ее, что все в порядке. Баллоны с воздухом заполнены не до предела – скафандр почти всегда дает слабую утечку, поэтому резервуары дыхательной смеси и проверяют так часто, не забывая наполнять. Но для выполнения задуманного Рашмикой воздуха более чем достаточно.

Она опустила лицевой щиток, отгородившись от всех звуков, кроме одного: ее собственного дыхания. Теперь не понять, шумит ли она, разбудила ли кого в доме. А ведь самая шумная часть побега еще впереди. Надо двигаться быстро и осторожно, чтобы родители, даже если проснутся, не помешали ей добраться до места встречи.

Скафандр удвоил ее вес, но это не помешало взобраться по лестнице и, миновав люк, окунуться во мглу воздушного шлюза. В каждом доме имелись такие устройства, правда разной величины. В доме Рашмики шлюз был достаточно велик, чтобы в нем могли одновременно поместиться два взрослых человека.

Тем не менее пришлось сесть и сгорбиться, чтобы вернуть на место внутреннюю дверь и вручную закрутить штурвал замка.

Теперь она в относительной безопасности. Стоит ей начать разгерметизацию, и отец с матерью не смогут войти в шлюз. Запор внутренней двери им быстрее чем за две минуты не открыть. К тому времени Рашмика уже пробежит полпоселка, и ее следы затеряются среди следов других людей, которые выходили на поверхность по разным надобностям.

Она опять проверила скафандр, отметив, что дисплей на запястье по-прежнему успокоительно-зелен, и только после этого начала процедуру разгерметизации. Рашмика ничего не услышала, но, едва воздух пошел вон из шлюза, ткань скафандра между соединительными кольцами вздулась – и двигать конечностями стало труднее. Дополнительный поток данных на щитке шлема оповестил, что теперь она в вакууме.

Никто не стучал во внутреннюю дверь с той стороны. Рашмика старалась не думать о сигнализации, которая должна заголосить при срабатывании шлюза. Она не знала, есть ли в доме такая система, – родители могли и не сказать, на тот случай, если она решит сбежать. Скорее всего, ее опасения беспочвенны: нет ни сигнализации, ни защиты от детей, ни тайных кодов, которые нужно набрать на панели, чтобы выбраться наружу. Девушка столько раз представляла, как проходит через шлюз, что теперь не могла избавиться от легкого дежавю.

Когда утек весь воздух, реле открыло замок наружной двери. Рашмика толкнула посильнее, но ничего не произошло. Потом дверь подалась – всего на дюйм, но этого оказалось достаточно, чтобы в шлюзовую камеру проник слепящий дневной свет, словно луч лазера уперся в визор Рашмики. Она толкнула сильнее, и дверь повернулась на петлях.

Девочка протиснулась в проем и уселась на землю под открытым небом. Она заметила, что снаружи дверь покрыта утренней изморозью толщиной в дюйм. На Хеле и снег выпадал, особенности в ту пору, когда извергались гейзеры Келды или Рагнарека.

Хотя по домашним часам было время рассвета, на поверхности это ничего не значило. Поселенцы – в большинстве своем беженцы с Йеллоустона – жили по двадцатичестьчасовому суточному циклу и пользовались соответствующими часами, невзирая на то что Хела была совершенно другим миром, со своими сутками. Ее день длился около сорока часов, за это время она совершала полный оборот вокруг своей материнской планеты, газового гиганта Халдоры.

Поскольку угол наклона оси спутника к плоскости его обращения был практически равен нулю, ночь в каждой точке Хелы продолжалась двадцать часов. Сейчас Равнина Вигрид находится на светлой стороне, и день тут продлится еще семь часов. На Хеле бывала и другая ночь, когда на своем пути по орбите она попадала в тень газового гиганта. Но эта ночь длилась всего два часа, слишком мало, чтобы ее принимать в расчет.

Через несколько секунд визор автоматически потемнел, настроившись на яркость дневного света, и Рашмика смогла забрать свои вещи. Она вынула ноги из двери шлюза, поднялась и закрыла ее, запустив процедуру герметизации. Если родители уже рядом и даже одеты в скафандры, у нее целых две минуты, пока они не выберутся на поверхность. Если же решат пробираться по тоннелям к ближайшему общественному шлюзу, потратят еще больше времени.

Рашмика повернулась к шлюзу спиной и пошла по улице, стараясь показать, что абсолютно спокойна и никуда не торопится. Она боялась, что ступать придется по свежей изморози и преследователям будет несложно определить взятое ею направление. Но снова повезло: в ту сторону уже прошли люди, а дальше следы расходились, и одна цепочка вела в сторону, противоположную той, куда намеревалась идти девушка.

Судя по размеру, это были следы ее матери – у отца ступня больше. Что привело мать на поверхность? Рашмика не помнила, чтобы кто-то из семьи упоминал о своем недавнем выходе наружу.

Вероятно, причина была пустяковой. Не стоит брать в голову – у Рашмики хватает своих проблем.

Она кружным путем миновала черные стены радиаторных панелей, низкие оранжевые бугры генераторов энергии и навигационных маяков, запаркованные ледокаты со сглаженными инеем контурами. Рашмика оказалась совершенно права насчет следов – оглянувшись, она не сумела найти собственные в массе чужих.

Девушка оставила позади шеренги радиаторных пластин и увидела поджидающий ее ледокат, отличающийся от других лишь тем, что на его ребристом капоте успела растаять наледь. Солнце светило очень ярко – не поймешь, горят ли лампы в салоне. На прозрачном ветровом стекле блестели расчищенные дворниками полукружья. Рашмике показалось, что внутри она видит движущийся силуэт.

Она обошла вокруг приземистой, длинной, с расширяющимися книзу опорами машины. Корпус был черным; только идущий вдоль бортов узор со змейками слегка оживлял его облик. Передняя «нога» упирала в снег свою широкую лыжу с задранном носком; лыжами поменьше были снабжены две задние опоры.

Рашмика засомневалась, та ли это машина. Было бы глупо теперь ошибиться. Девушка была уверена, что любой житель поселка моментально узнает ее даже в скафандре.

Однако Крозет дал ей совершенно четкие инструкции. Рашмика с облегчением увидела неширокий трап, который при ее появлении опустился на снег. Поднявшись по прогибающемуся металлу, она вежливо постучала. Мучительное, хоть и недолгое, ожидание, и дверь скользнула в сторону, открыв шлюз. Она протиснулась в камеру – там было место только для одного человека.

На частоте ее шлема прозвучал мужской голос – она тут же узнала Крозета.

– Кто?

– Это я.

– Кто «я»?

– Рашмика, – ответила она. – Рашмика Эльс. Мы же вроде договорились.

Снова наступила тяжкая пауза; девушка уже совсем решила, что ошиблась машиной, – и мужчина ответил:

– Еще не поздно передумать.

– Я не передумаю.

– Можно просто вернуться домой.

– Родители не похвалят меня за выход наружу.

– Да, – подтвердил мужчина, – они не будут в восторге. Но я знаю твоих предков, вряд ли с тебя спустят шкуру.

Он был прав, но Рашмике не хотелось сейчас думать о родителях. Несколько недель она психологически готовилась – меньше всего ей нужны уговоры в последний миг. Пусть это и логичные уговоры.

Она снова постучала в дверь, сильно, благо на руке была перчатка:

– Так вы меня впустите или нет?

– Я просто хотел убедиться, что ты решила окончательно. Обратного пути не будет, пока мы не встретим караван. Это не обсуждается. Сядешь в машину, и путешествие закончится только через три дня. Через шесть, если захочешь вернуться с нами. Никакое нытье и слезы на меня не подействуют.

– Я ждала восемь лет, – ответила она. – Еще три дня погоды не сделают.

Крозет хохотнул, а может, хихикнул – она не разобрала.

– Знаешь, я тебе почти верю.

– И правильно, – ответила Рашмика. – Я девочка, которая всегда говорит правду, помните?

Через жалюзи пошел воздух. Одновременно Рашмика почувствовала движение, мягкое и ритмичное, словно качалась колыбель. Ледокат тронулся в путь, равномерно отталкиваясь задними лыжами.

До сих пор Рашмика считала, что ее бегство началось, когда она выбралась из кровати, но только теперь стало ясно: она наконец по-настоящему отправилась в путь.

Открылась внутренняя дверь, и Рашмика ступила в салон, отстегнула шлем и деловито повесила рядом с тремя другими. Внутри ледокат казался больше, чем снаружи, но она забыла о том, сколько места занимают двигатель, генераторы, топливные баки, система жизнеобеспечения и отсеки для грузов. Из-за них на борту тесно и шумно, а воздух такой, что хочется снова надеть шлем.

Она надеялась привыкнуть, только сомневалась, что удастся это сделать за три дня.

Ледокат раскачивался и вихлял. За окном кренился с боку на бок сверкающий белизной пейзаж. Рашмика ухватила за поручень и уже собралась идти в нос машины, когда путь ей преградила худощавая фигурка.

Это был сын Крозета, Кулвер. На Кулвере был охряного цвета комбинезон из грубой ткани, в многочисленных карманах звенели инструменты. Он был на год или два моложе Рашмики, светловолос, и с первого взгляда было ясно: парню не хватает витаминов. На Рашмику он смотрел с вождением.

– Все-таки решилась ехать с нами? Это хорошо. Будет время познакомиться поближе.

– Я тут только на три дня, Кулвер. Лучше не строй планов.

– Давай помогу тебе снять скафандр и провожу в нос. Папка сейчас занят, ему нужно вырулить из поселка. Из-за воронки придется ехать в обход, поэтому немного трясет.

– Спасибо, я сниму скафандр сама. – Рашмика кивнула в сторону кабины. – Почему бы тебе не вернуться? Наверное, твоя помощь там не будет лишней.

– Отец справится. С ним же мать.

Рашмика улыбнулась:

– Надеюсь, ты этому рад – мать удержит мужиков от глупостей.

– Она не против того, чтобы мы иногда развлекались, лишь бы без последствий.

Машина снова накренилась, Рашмика качнулась к металлической стене.

– Сказать по правде, она на все закрывает глаза.

– Да, я слышана. Ладно, скафандр действительно уже не нужен. Ты не покажешь, где я буду спать?

Кулвер отвел ее в крошечный отсек, зажатый между парой гудящих генераторов. Внутри лежали жесткий матрас и стеганое одеяло из серебристой скользкой ткани. Чтобы уединиться, нужно задернуть занавеску.

– Мы тут не особо роскошествуем, – заметил Кулвер.

– Я рассчитывала на худшее.

Кулвер прислонился к стене:

– Точно не хочешь, чтобы я со скафандром помог?

– Спасибо, справлюсь.

– Есть что надеть?

– Под скафандром я одета, и смена имеется. – Рашмика похлопала по сумке, которая висела под ранцем скафандра. Даже через плотный материал чувствовались твердые края ком-пада. – Ты всерьез решил, что я забыла одежду?

– Нет, – хмуро отозвался Кулвер.

– Вот и отлично. А теперь почему бы тебе не сбегать в кабину и не сообщить родителям, что я в полном порядке? И еще передай, что я буду очень признательна, если мы как можно скорее покинем поселок.

– Мы не можем ехать быстрее, – отозвался Кулвер.

– Это меня и тревожит, – сказала Рашмика.

– Куда-то торопишься?

– Да, мне нужно добраться до соборов как можно скорее.

Кулвер смерил ее взглядом:

– На религию пробило?

– Не совсем, – ответила она. – Просто мне нужно уладить одно семейное дело.

107-я Рыб, год 2615-й

Куэйхи очнулся в темном, тесном пространстве, не способный двинуть ни рукой, ни ногой.

Последовал миг блаженной дезориентации, без переживаний и тревог, пока он дожидался возвращения памяти. Но затем все воспоминания нахлынули, обрушились, как стенобитная машина, и лишь спустя время сообразовали перетасоваться и разместиться в хронологическом порядке.

Он вспомнил, как был разбужен, как получил нерадостное известие: его удостоила аудиенции королева. Вспомнил ее додекаэдрический зал, обставленный орудиями пыток, и злоеущий мрак, изредка пронзаемый вспышками, когда в электрических ловушках гибли паразиты. Вспомнил череп с телевизионными глазницами. Вспомнил, как королева играла с ним, точно кошка с мышкой. Вспомнил все свои ошибки... и ту, самую страшную и горькую. Когда он поверил, что после всего содеянного может быть прощен.

Он вскрикнул, внезапно сообразив, что с ним случилось и где он теперь. Крик вышел глухим и тихим, болезненно детским, и Куэйхи устыдился, что такой звук исторгся из его рта.

Почему невозможно шевельнуться? Он точно не парализован – просто вокруг нет свободного пространства, ни единого кубического сантиметра.

Место, где он находился, казалось отдаленно знакомым.

Постепенно крики Куэйхи превратились в визг, потом ослабли до хриплого, тяжелого дыхания. Это продолжалось еще несколько минут, после чего он замычал, повторяя шесть последовательных нот с упорством безумца или монаха.

«Значит, я уже подо льдом», – решил он.

Не было ни погребальной церемонии, ни заключительной встречи с Жасминой. Его просто засунули в резной скафандр и похоронили в ледяном щите, который «Гностическое восхождение» толкало перед собой. Он понятия не имел, сколько прошло времени, час или неделя. Не смел думать о том, что, возможно, пробыл здесь дольше. Но вместе с ужасом пришло и понимание: чего-то, какой-то мелочи, недостает.

Возможно, дело в ощущении, что он находится в знакомом, пусть и очень тесном месте. Или причина кроется в том, что тут совершенно ничего не видно.

– Внимание, Куэйхи, – услышал он. – Внимание, Куэйхи. Торможение закончено, жду распоряжений для запуска системы.

Это был спокойный, добродушный голос кибернетической субличности «Доминатрикс».

Внезапно он осознал, что находится вовсе не в железном скафандре, а в перегрузочной капсуле «Доминатрикс», в гробу-матрице, предназначенном для защиты человеческого организма от многочисленных *g*. Куэйхи, одновременно оскорбленный и растерянный, перестал мычать. Конечно, у него отлегло от сердца. Но смена орудия многолетней пытки на относительно доброжелательную среду «Доминатрикс» оказалась настолько резкой, что у него просто не было времени на эмоциональную декомпрессию. Он мог лишь дрожать от шока и изумления.

Появилось смутное желание снова погрузиться в кошмар и выбраться из него нескоро.

– Внимание, Куэйхи. Жду распоряжений для запуска системы.

– Не спеши, – сказал он.

В горле пересохло, слова звучали невнятно. Должно быть, он в перегрузочной капсуле уже давно.

– Слышь, помоги мне отсюда выбраться. Я...

– Все в порядке, Куэйхи?

– Да я бы не сказал...

– А в чем дело? Вам нужна медицинская помощь, Куэйхи?

– Нет, я... – Он осекся и всхлипнул. – Вытащи меня отсюда. Через минуту я приду в себя.

– Хорошо, Куэйхи.

В стенках гроба образовались расширяющиеся щели, в них хлынул свет. Внутри корабля стояла почти полная тишина, время от времени где-то щелкали остывающие трубопроводы. Так всегда бывало после торможения, перед началом высадки. Куэйхи потянулся, и его тело закрипело, как старый стул. Ему было плохо, но все же не так, как после той ускоренной разморозки на борту «Гностического восхождения». Пребывая под наркозом внутри противоперегрузочной капсулы, он получал инъекции, и его основные физиологические процессы шли в нормальном режиме. В процессе изучения системы очередной звезды он проводил в капсуле считанные недели, – с точки зрения королевы, вред, причиняемый его организму криосном, перевешивал пользу от замедления старения.

Куэйхи огляделся, все еще не смея поверить, что избавлен от заточения в резном скафандре. Может, он галлюцинирует? Может, попросту спятил, проведя несколько месяцев подо льдом? Но гиперреалистичность обстановки исключала любой вид галлюцинации. Он вспомнил, что раньше никогда не видел снов в ходе торможения, по крайней мере таких, от которых просыпаешься с криком.

Время шло, и корабль становился все материальнее. Нет, это не игры психики.

Все, что было, ему просто приснилось.

– Клянусь Богом! – воскликнул Куэйхи и тотчас получил укол боли, обычное наказание за богохульство от индоктринационного вируса. Но теперь это ощущение было реальным, столь непохожим на ужас перед саркофагом, что он обрадованно повторил: – Клянусь Господом, я никогда не верил, что во мне это есть.

– Что в вас есть, Куэйхи?

Иногда корабль считал своим долгом поддержать беседу. Словно втайне страдал от скуки.

– Не важно, – ответил Куэйхи, уже отвлекшись на другую мысль.

Обычно, когда он выбирался из капсулы, ему хватало места, чтобы размяться и пройтись по длинному, узкому проходу вдоль оси кораблика. Теперь же локоть уперся во что-то, чего прежде здесь не было. Он обернулся, уже догадываясь, что увидит.

Измеденный коррозией, обожженный металл цвета пьютера. Поверхность, покрытая маниакально подробными рисунками. Форма, имеющая отдаленное сходство с человеческим телом. Темная зарешеченная щель там, где должны быть глаза.

– Сука! – выругался он.

– Обязан проинформировать, что присутствие резного скафандра на борту должно успешно отразиться на выполнении вашей миссии, – сухо проговорил корабль.

– Тебе этот текст в программу записали?

– Да.

Куэйхи заметил, что скафандр подключен к бортовой матрице жизнеобеспечения, толстые провода и шланги протянулись от гнезд и патрубков в боках скафандра к стенам. Он провел пальцами от одной приваренной заплатки к другой, словно по извилистому следу змеи. На ощупь металл был чуть теплый и дрожал, словно внутри что-то жило и работало.

– Осторожно! – предостерег корабль.

– Почему? – спросил Куэйхи. – Внутри кто-то есть?

У него зародилось тошнотворное подозрение.

– Господи! Там внутри кто-то есть. Кто?

– Довожу до вашего сведения: внутри Морвенна.

Конечно. Конечно! Теперь все встало на свои места.

– Ты сказал, что я должен быть осторожен. Почему?

– Мне сообщили, что скафандр запрограммирован умертвить содержимое при попытке постороннего воздействия на оболочку, швы или порты системы жизнеобеспечения. Я также должен предупредить вас, что только генерал-полковник медицинской службы Грилье уполномочен снять этот скафандр, не рискуя убить находящегося в нем человека.

Куэйхи отодвинулся от скафандра:

– Ты хочешь сказать, что мне запрещено даже прикасаться к нему?

– В данных обстоятельствах прикасаться к скафандру было бы неосмотрительно.

Он едва не рассмеялся. Жасмина и Грилье превзошли себя. Сначала аудиенция с королевой, когда та убедила Куэйхи, что ее терпение иссякло. Потом сыгранная с ним злая шутка, чтобы он решил, будто находится в скафандре. Его заставили думать, что он заживо погребен во льду и так проведет, быть может, десять лет. И вот теперь это: финальная насмешка, завершающий штрих. Его последний шанс восстановить свою репутацию. Сомневаться нечего: другого шанса не будет.

Теперь это ясно, как никогда. Жасмина показала, что случится, если Куэйхи снова поведет ее. Пустые угрозы не в стиле королевы.

Однако хитроумность Жасмины простирается дальше: в резном скафандре заключена Морвенна; и он не может укрыться в планетной системе и дожидаться, когда «Гностическое восхождение» улетит. Нет теперь у него другого выбора, как вернуться, завершив дело, к королеве. И надеяться можно только на две вещи: что он не разочарует Жасмину и что она согласится выпустить Морвенну из резного скафандра.

Внезапно его посетила новая мысль:

– Она в сознании?

– Скоро очнется, – ответил корабль.

Обладая физиологией ультра, Морвенна гораздо легче, чем Куэйхи, переносила торможение корабля, и тем не менее казалось, что скафандр слегка модифицирован, чтобы защищать ее тело.

– Я могу общаться с ней?

– Да, в любое время. Я обеспечу протокол корабль-скафандр.

– Хорошо, подключи меня.

Подождав секунду, он спросил:

– Морвенна?

– Хоррис.

Ее голос был слаб и далек. Куэйхи с трудом верилось, что их разделяют считанные сантиметры металла: с таким же успехом это могли быть двести световых лет свинца.

– Хоррис? Где?.. Что случилось?

Как объяснить человеку, что он заживо замурован в резной скафандр? Какие слова выбрать? Смешно, но можно начать с того, что наконец-то они остались одни.

– Морвенна, есть проблемы, но ты не волнуйся. Все закончится хорошо, поверь, и не надо паниковать. Можешь мне это пообещать?

– Что случилось? – В голосе Морвенны появилась нотка беспокойства.

Он спохватился: лучший способ устроить панику – это попросить людей не паниковать.

– Морвенна, расскажи, что ты помнишь. Только спокойно и не торопясь.

Она вздохнула, успокаиваясь, хотя в голосе уже пробивалась истерика.

– С чего начать?

– Ты помнишь, как меня повели к королеве?

– Да.

– И как вывели из ее тронного зала?

– Да... да, помню.

– Помнишь, ты пыталась их остановить?

– Нет, я...

Куэйхи решил, что связь прервалась, – динамик вдруг умолк.

– Подожди... Да, я помню.

– А потом?

– Ничего.

– Морвенна, меня отвели в операционную Грилье. И там показали жуткую вещь.

– Нет... – начала она, ошибочно решив, что ужасное случилось с Куэйхи, а не с ней.

– Мне показали резной скафандр, – продолжал он. – А запечатали в него не меня, а тебя.

Вот почему нельзя паниковать.

Собеседница приняла новость лучше, чем он ожидал. Бедная храбрая Морвенна. В их паре самой смелой всегда была она. Он знал: если бы ее наказали открыто, она бы не дрогнула. В нем самом такой силы не было. Он был трусом, слабаком и эгоистом. Неплохой парень, но не тот, кем можно восторгаться. Его жизнь сложилась под влиянием его изъянов. Он знал это и не строил иллюзий.

– Значит, я теперь подо льдом? – спросила она.

– Нет, – ответил он. – Все не настолько плохо.

Он вдруг понял, насколько абсурдна для Морвенны эта незначительная деталь – погребена она во льду или нет.

– Ты внутри скафандра, но не подо льдом. И это случилось не по твоей вине. Во всем виноват я. А твое заточение нужно для того, чтобы я действовал определенным образом.

– Где я?

– Рядом со мной, на борту «Доминатрикс». Похоже, мы только что закончили торможение перед новой планетной системой.

– Я ничего не вижу и не могу пошевелиться.

Он смотрел на скафандр, мысленно представляя ее. И хотя она всеми силами старалась скрыть чувства, он достаточно знал ее, чтобы понимать, как ей страшно. Устыдившись, он быстро отвернулся:

– Корабль, ты можешь сделать так, чтобы она видела?

– Этот канал отключен.

– Так включи его, черт возьми.

– Запрещено. Довожу до вашего сведения, что заключенный может общаться с окружающим миром только через предоставленный аудиоканал. Любые попытки задействовать другие каналы будут приравнены к...

Куэйхи махнул рукой:

– Ладно. Послушай, Морвенна, эти сволочи постарались, чтобы ты не могла видеть. Догадываюсь, что идея принадлежит Грилье.

– Вообще-то, он не единственный мой враг.

– Может, и так, но я уверен, что здесь он приложил руку.

С брови сорвалась и поплыла в невесомости капля пота. Он вытер лоб тыльной стороной кисти.

– Я во всем виноват.

– Где ты?

Вопрос удивил его.

– Рядом с тобой, вишу в воздухе. Я думал, ты слышишь мой голос сквозь металл скафандра.

– Я слышу твой голос у себя в голове. И он звучит так, словно ты очень далеко. Мне страшно, Хоррис. Не знаю, смогу ли выдержать.

– Ты не одна, – ответил он. – Я тут, с тобой. Только сохраняй спокойствие. Все будет хорошо, и через пару месяцев мы вернемся с победой.

– Через пару месяцев? – Теперь в ее голосе звучало отчаяние.
– Послушать тебя, так это всего ничего.
– Но все-таки лучше, чем через несколько лет. Морвенна, прости меня. Обещаю вытащить тебя из этой передраги.
Куэйхи до боли потер глаза.
– Хоррис?
– Да, – ответил он сквозь слезы.
– Не дай мне умереть вот так. Пожалуйста.

– Морвенна, – сказал он немного погодя, – слушай меня внимательно. Я сейчас ненадолго уйду. В рубку. Надо проверить, где мы находимся.
– Я не хочу, чтобы ты уходил.
– Мы будем слышать друг друга. Мне позарез нужно там побывать, Морвенна. По-другому нельзя. Если не сделаю этого, нам несдобровать.
– Хоррис!

Но он уже оттолкнулся, полетел к противоположной стене и ухватился там за скобы с мягким покрытием. Перебирая руками, двинулся по узкому коридору в сторону рубки. Куэйхи так и не приспособился к невесомости, но корабль-разведчик с узким, как игла, корпусом был слишком мал для центробежной гравитации. Станет легче, когда они отправятся в путь: гравитацию будут создавать двигатели «Доминатрикс».

В другое время он бы порадовался тому, что оказался вдали от команды «Гностического восхождения». В предыдущих разведывательных полетах Морвенны с ним не было, и, скучая по ней в этих недолгих разлуках, он тем не менее упивался независимостью от высокомерных ультра. Он не был совсем уж асоциален; когда жил в бурлящей человеческой цивилизации, не отличался общительностью, но всегда имел пять-шесть сильных друзей. У него всегда были любовницы, чаще редкого, экзотического или – как в случае Морвенны – откровенно опасного типа. Но внутренность корабля Жасмины давила на психику, вызвала боязнь замкнутого пространства. Здесь все было настолько пропитано паранойей и интригами, что он часто задыхался и тосковал по суровой простоте разведывательного полета на борту малого корабля.

Так «Доминатрикс» и содержащийся в ней крошечный разведывательный шаттл стали его личной империей в пределах доминиона, имя которому – «Гностическое восхождение». Корабль кормил и обихаживал Куэйхи, угадывая его желания со сноровкой опытной куртизанки. Чем больше времени пилот проводил на борту, тем глубже субличность изучала его капризы и слабости. Корабль ставил музыку, которая не только более всего подходила к настроению Куэйхи, но и отвлекала от опасных самокопаний или легкомысленной эйфории. Корабль готовил еду, которой Куэйхи нипочем не добился бы от пищевых синтезаторов «Гностического восхождения». Корабль преподносил эффектные сюрпризы, когда казалось, что его хранилища информации уже истощены. Корабль знал, когда Куэйхи пора спать, а когда нужно стимулировать организм для полноценной работы. Корабль устраивал развлечения, если Куэйхи скучал, и симулировал мелкие аварии, если пилот выказывал признаки опасного благодушия.

Временами Куэйхи казалось, что не только корабль изучил его досконально, но и сам он в некотором смысле дополнил свое «я» бортовой компьютерной системой. Это слияние происходило даже на биологическом уровне. Ультра всякий раз стерилизовали корабль-разведчик по его возвращении в ангар, но Куэйхи помнил, что в первый раз, когда очутился на его борту, там витали другие запахи. Теперь же внутри «Доминатрикс» пахло жильем. Домом.

Однако сейчас всякое ощущение того, что корабль – его убежище, его крошечный рай, ушло. Беглого взгляда на резной скафандр было довольно, чтобы понять: Жасмине удалось проникнуть в святая святых Куэйхи.

Второго шанса не будет. Все, что у него осталось, сосредоточилось впереди, в планетной системе.

– Сука, – снова сказал он.

Добравшись до рубки, Куэйхи втиснулся в кресло пилота. «Доминатрикс» состояла в основном из двигателя и запаса топлива, поэтому отсек управления был совсем крошечным – минимальное расширение в конце узкого коридора, вроде резервуарчика с ртутью у градусника. Лобовой овальный иллюминатор не показывал ничего, кроме межзвездной пустоты.

– Авионика! – скомандовал Куэйхи.

Приборные панели сомкнулись вокруг него, словно щипцы. Дисплеи помигали и изобразили анимированные диаграммы и сенсорные панели; куда бы ни переместился фокус зрения пилота, картинки сопровождали его.

– Куэйхи, жду ваших распоряжений.

– Минутку...

Первым делом он проверил основные системы, убеждаясь, что субличность не пропустила ничего критически важного. Расход топлива немного больше, чем можно было ожидать в данной точке разведывательного полета, но это объяснялось дополнительным весом резного скафандра. Тем не менее запас топлива достаточный, беспокоиться не стоит. В остальном полный порядок: торможение прошло гладко, все системы функционировали в нормальном режиме – от внешних датчиков и системы жизнеобеспечения до шаттла для ближних полетов, который покоился в брюхе «Доминатрикс», словно дельфиний эмбрион в ожидании своего появления на свет.

– Корабль, есть ли особые инструкции для этой разведывательной миссии?

– Мне ничего подобного не сообщали.

– Ладно. Каково состояние материнского корабля?

– Я непрерывно получаю телеметрию с «Гностического восхождения». Рандеву должно произойти как обычно – через шесть или семь недель разведывательного полета. Топлива достаточно.

– Понял.

Ясно, что у Жасмины не было резона бросать его без запаса топлива, однако приятно уже то, что хотя бы на сей раз она проявила здравомыслие.

– Хоррис? – раздался голос Морвенны. – Поговори со мной. Где ты?

– Я впереди, – ответил он. – Проверяю корабль. Вроде все в порядке, но я должен был убедиться сам.

– Ты уже знаешь, где мы?

– Сейчас выясню.

Он коснулся сенсорной панели, включив голосовой контроль над важнейшими системами корабля.

– Оборот – одна восьмая по часовой, поворот – тридцать секунд! – приказал Куэйхи.

Дисплей показал выполнение маневра. Звезды, слабо мерцавшие в овальном иллюминаторе, неспешно потекли из одного угла в другой.

– Поговори со мной, – снова попросила Морвенна.

– Я разворачиваю корабль. После торможения мы летели хвостом вперед. Через несколько минут будем смотреть прямо на планетную систему.

– Жасмина что-нибудь говорила тебе об этих планетах?

– Насколько я помню, нет. А тебе?

– Ничего, – ответила она.

Впервые после пробуждения ее голос звучал почти как раньше. Куэйхи подумал, что это благодаря механизму совладания. Если вести себя как в обычной ситуации, паника над тобой не властна.

Паника – последнее, что нужно человеку, заточенному в резной скафандр.

– Она сказала, – продолжила Морвенна, – что это еще одна совершенно бесполезная с виду система. Просто звезда и несколько планет. Никаких признаков человека. Медвежья дыра, и только.

– Никаких признаков человека – это вовсе не значит, что тут никогда никого не было. Кто-нибудь мог пролетать мимо и заглянуть, как это сделаем мы. И возможно, он что-то оставил после себя.

– Будем всей душой надеяться, что оставил, – едко проговорила Морвенна.

– Я стараюсь быть оптимистом.

– Извини. Знаю, ты хочешь как лучше, но стоит ли рассчитывать на невозможное?

– Ничего другого нам не остается, – прошептал он, надеясь, что бортовая субличность не услышит этих слов и не передаст их Морвенне.

К этому времени корабль почти завершил маневр, развернувшись кругом. Крупная звезда вошла в поле зрения и остановилась в центре овального экрана. Вблизи она напоминала солнце, и без защитных светофильтров иллюминатора на нее было бы больно смотреть.

– Так, есть кое-что, – сказал Куэйхи. – Давай-ка приглядимся. По спектральному классу – холодная G. В главной последовательности – около трех пятых солнечной светимости. Несколько пятен, но никакой опасной коронарной активности. Расстояние – около двадцати астрономических единиц.

– Мы еще далеко, – отозвалась Морвенна.

– Не очень, если хотим иметь орбиты всех основных планет в одном объеме.

– Что известно про миры?

– Подожди минуту.

Проворные пальцы Куэйхи снова отрегулировали что-то на пульте, и изображение на переднем экране изменилось, появились цветные линии сплюснутых в эллипсы орбит, каждая со списком характеристик вращающейся по этой орбите планеты. Куэйхи изучил параметры: масса, орбитальный период, долгота дня, наклон оси, диаметр, сила притяжения на поверхности, средняя плотность, напряженность магнитосферы, наличие единичных спутников или колец. По границам доверительных интервалов заключил, что они получены самой «Домина-трикс», воспользовавшейся своими датчиками и алгоритмами интерпретации данных. Если бы корабль взял сведения о планетах из какой-либо существующей базы, цифры были бы куда конкретнее.

Данные будут уточняться по мере приближения корабля к системе, но до тех пор стоит помнить, что эта область космоса практически не исследована. Возможно, тут кто-то пролетал, но вряд ли задерживался, чтобы составить полный отчет по официальной форме. А значит, в этом неизученном и неосвоенном месте вполне можно пожить чем-нибудь ценным.

– Жду распоряжений, – сказал корабль.

– Хорошо, хорошо, – ответил Куэйхи. – Никаких аномалий не обнаружено, поэтому осмотрим все планеты подряд по направлению к солнцу, а после займемся находящимися по ту сторону. Давай-ка рассчитай пять самых перспективных с точки зрения экономии маршрутов поиска и покажи их мне. Если целесообразно пропустить одну из планет и вернуться к ней, продумай и такой вариант.

– Прошу подождать.

Куэйхи и глазом не успел моргнуть, как были готовы результаты расчетов.

– Поставленная вами задача имеет несколько вариантов решения, и я не вижу однозначно предпочтительного. Также не считаю оптимальным поиск без учета последовательности расположения планет.

– Хорошо. Покажи пять лучших вариантов, в порядке увеличения расчетного времени торможения.

Маршруты поменялись местами. Куэйхи чесал подбородок, раздумывая, какой выбрать. Можно попросить корабль, чтобы самостоятельно назначил маршрут, руководствуясь его собственными сложными критериями, однако Куэйхи всегда предпочитал оставлять решающий выбор за собой. Один вариант всегда на первый взгляд казался лучше других; вот тут-то и шла в ход интуиция. Куэйхи готов был признать, что действует наобум, но он не считал, что от этого решение не теряет своей ценности. Суть планетарной разведки как раз в применении тех зыбких и тонких навыков и умений, которые нелегко превратить в алгоритм для машинных расчетов. Именно ради личного участия в выборе маршрута, который по неведомым причинам оказывался наиболее подходящим, он и находился на борту.

В этот раз выбор совсем не выглядел очевидным. Ни одно из решений не отличалось изяществом, однако Куэйхи к подобному привык: никогда все планеты системы не выстроятся для тебя так, чтобы их было удобно посещать. Порой везло, и в момент его прибытия две или три планеты оказывались в тех точках своих орбит, которые позволяли разработать очень выигрышный, почти прямой маршрут. Но здесь орбиты всех планет располагались под разными углами друг относительно друга. Любой маршрут осмотра будет напоминать прогулку пьяного.

Есть небольшое утешение. Можно менять направление более-менее регулярно, и тогда для полного торможения и близкого осмотра очередной планеты не придется тратить много топлива. Вместо того чтобы сбросить инструментальный зонд, пролетая над планетой на большой скорости, он сможет воспользоваться «Дочерью мусорщика» и хорошенько осмотреть мир вблизи.

Решив, что обязательно воспользуется «Дочерью мусорщика», Куэйхи забыл о спутнице. Но только на минуту. Потом пришла мысль, что, покинув «Доминатрикс», он покинет и Морвенну.

Как она к этому отнесется?

– Вы уже сделали выбор, Куэйхи? – спросил корабль.

– Да, – ответил он, – пожалуй, это маршрут номер два.

– Ваше решение окончательное?

– Давай-ка посчитаем еще раз. Минимальное время торможения, неделя на осмотр самой большой планеты, две – на газовый гигант с большим количеством спутников... несколько дней на водные миры... И останется еще запас топлива – вдруг мы найдем что-нибудь тяжелое.

– Я согласен.

– Корабль, ты дашь мне знать, если заметишь что-нибудь необычное? Ведь у тебя нет инструкций не делать этого?

– Никаких, Куэйхи.

– Хорошо.

– Можете рассчитывать на меня, Куэйхи.

– Так ведь больше мне рассчитывать и не на кого.

Способен ли корабль уловить в его голосе нотку недоверия?

– Хоррис? – Теперь к нему обращалась Морвенна. – Хоррис? Что случилось?

Должно быть, пока обсуждался маршрут разведки, корабль отключил ее звуковой канал.

– Просто анализирую разные возможности, выбираю маршрут осмотра планет. Попробуем к ним приглядеться вблизи.

– А там есть что-нибудь интересное?

– В глаза пока ничего не бросается, – ответил он. – Обычная одиночная звезда и при ней семейство планет. Нигде не видно поверхностной биосферы или признаков того, что кто-то побывал тут до нас. Если на поверхности и рассыпаны мелкие артефакты, то мы, скорее всего, не заметим их – разве что они сами громогласно не заявят о своем присутствии. Это маловероятно, но я не поддаюсь унынию. Мы подлетим и хорошенько осмотримся.

– Нужна осторожность, Хоррис. Там могут быть опасности, которых не найдешь ни на одной карте.

– Опасности есть везде, – ответил он, – и при данных обстоятельствах я бы не слишком тревожился из-за них.

– Куэйхи, – заговорил корабль, прежде чем Морвенна успела что-то сказать, – вы готовы приступить к исследованию планет?

– Предлагаешь лечь в противоперегрузочную капсулу?

– Первоначальное ускорение составит одно g , пока я не закончу диагностику двигательной системы. После этого, когда вы будете в капсуле, ускорение возрастет до предела ее надежности.

– А что будет с Морвенной?

– На ее счет не было никаких специальных указаний.

– Торможение пойдет на обычных пяти g или тебе велено замедлить его?

– Торможение будет произведено в обычных безопасных пределах.

Хорошо. Морвенна должна выдержать перегрузки – на первый взгляд модифицированный Грилье резной скафандр обеспечивает узнице ту же защиту, что и противоперегрузочная капсула.

– Корабль, – сказал он, – ты проследишь, чтобы для Морвенны защита от перегрузок работала в нормальном режиме?

– Система защиты от перегрузок включается автоматически.

– Отлично. Морвенна, ты все слышала?

– Слышала, – сказала она. – Не задашь ли кораблю еще один вопрос? Если он может усыплять меня, когда считает нужным, то почему бы не усыпить меня на весь срок полета?

– Корабль, ты слышал?

– Могу при необходимости.

Стыдно, но Куэйхи не догадался сам задать этот вопрос, причем в самом начале. Он спохватился, что совсем не думал о том, каково Морвенне внутри резного скафандра.

– Ну что, Мор, хочешь заснуть прямо сейчас? Проснешься уже на пути к «Гностическому восхождению».

– А если у тебя ничего не выйдет? Думаешь, мне позволят проснуться?

– Не знаю, – ответил он. – Надеюсь что-нибудь разыскать. Я ведь прилетел сюда не проигрывать.

– Ты всегда был чересчур самоуверен, – сказала Морвенна. – Всегда держался так, словно иначе как по-твоему и быть не может.

– Просто иногда я не сомневаюсь в успехе.

– А сейчас?

– Я сказал Жасмине, что чувствую: удача может вернуться ко мне. И я не лгал.

– Надеюсь, ты не ошибаешься, – сказала Морвенна.

– Так ты согласна уснуть?

– Нет, – ответила она. – Я останусь с тобой. Когда ты будешь спать, буду спать и я. Решение окончательное.

– Понимаю.

– Найди там что-нибудь, Хоррис. Пожалуйста. Ради нас обоих.

– Найду, – ответил он.

И вдруг ощутил уверенность. Бессмысленную, нелогичную, но твердую и горькую, словно желчный камень.

– Корабль, – приказал он, – вперед!

Глава пятая

Арарат, год 2675-й

Скорпион и Клавэйн почти достигли палатки, когда из-за нее появился Васко, – он обошел кругом и остановился перед входом. Под порывами ветра ходуном ходили грязно-зеленые пластиковые стены, гудели растяжки. В голосе ветра слышалось нетерпение, как будто стихия пыталась загнать людей внутрь. Васко ждал и нервничал, не зная, куда девать руки.

Клавэйн удивленно оглядел его.

– Я думал, что ты приплыл один, – тихо обратился он к спутнику.

– Из-за него не беспокойся, – ответил тот. – Парень немного удивился, узнав, что ты все это время был здесь, но, похоже, он уже привык.

– Да, лучше пусть знает правду.

– Невил, не пугай его. Ты и так столько лет изображал монстра и тирана.

Когда они подошли к палатке на расстояние слышимости, Клавэйн спросил:

– Ты кто, сынок?

– Васко, сэр, – ответил молодой человек. – Васко Малинин.

– Судя по имени, с Ресургема?

– Я родился здесь, сэр. Отец и мать с Ресургема. Перед эвакуацией они жили в Кювье.

– Но лет тебе совсем немного.

– Двадцать, сэр.

– Он родился через год или два после основания колонии, – пояснил Скорпион вполголоса. – Один из старших. Уже появилось второе поколение. Его родители не помнят Ресургема, не помнят даже полета на Арарат.

Клавэйн вздрогнул, словно ничего страшнее в жизни не слышал:

– Скорпион, мы не собирались тут селиться. Арарат – временная остановка в пути. Даже название планеты – глупая шутка. Не стоит пускать корни на планете, названной в шутку.

Скорпион подумал: когда-то они договорились оставить на Арарате часть людей, а большинство полетит дальше. Но сейчас не следует напоминать Клавэйну об этом.

– Люди есть люди, – сказал он. – А свиньи есть свиньи. Невозможно удержать нас от размножения, как невозможно согнать кошек в стаю.

Клавэйн снова повернулся к Васко:

– Где ты работаешь?

– На пищевой фабрике, сэр, в основном при баках-отстойниках, счищаю осадок со скребков и меняю лопасти верхних пеноотделителей.

– Похоже, работа интересная.

– Скажу честно, сэр: будь она интересной, вы бы меня сегодня здесь не встретили.

– Васко еще состоит в силах безопасности, – добавил Скорпион. – Прошел обычную подготовку: обращение с оружием, усмирение бунтов и все такое. Но по большей части он тушит пожары или помогает распределять продукты и медикаменты, поступающие со складов центральной хозяйственной службы.

– Полезная деятельность, – заметил Клавэйн.

– Никто не станет с этим спорить, а уж Васко и подавно, – сказал Скорпион. – Но почему-то он без конца донимает начальника самообороны просьбами взять его на полную ставку. Отзываются о парне неплохо, и он мечтает о чем-то более увлекательном, чем разгребание дерьма.

Клавэйн, шурясь, посмотрел на Васко:

– Что Скорпион успел рассказать тебе о капсуле?

Васко взглянул на свинью, потом на Клавэйна:

– Ничего, сэр.

– Сказал то, что ему следует знать, – проворчал Скорпион. – То есть самую малость.

– Пожалуй, надо выложить ему все, – проговорил Клавэйн.

Скорпион повторил историю, уже рассказанную Клавэйну. Не без удовольствия он наблюдал за тем, как новость проникает в сознание Васко и меняет выражение его лица.

Нельзя было упрекать за это парня, ведь двадцать лет жизни на Арарате, в полном отрыве от человечества, особым образом сформировали его психику. Изоляция въелась в самую душу, как постоянный шум моря, как запах озона и гнилых водорослей; вездесущие, вечные, они не отмечались сознанием, будто и вовсе не существовали. И вот теперь эту изоляцию пробилло: капсула напомнила о том, что океанический мир – лишь хрупкое временное убежище посреди расширяющейся зоны военного конфликта.

– Дело в том, – продолжал Скорпион, – что нам неохота поднимать тревогу, пока не узнаем, что произошло на самом деле и кто находится внутри капсулы.

– Похоже, у тебя имеются догадки на этот счет, – подал голос Клавэйн.

Скорпион кивнул:

– Это может быть Ремонтуар. Мы всегда считали, что «Свет Зодиака» рано или поздно объявится. На самом деле ждали его даже раньше, но неизвестно, что с ним случилось после того, как мы расстались, сколько времени потребовалось кораблю, чтобы привести себя в порядок. Возможно, в капсуле мы найдем моего второго любимого сочленителя.

– Что-то не слышу особой надежды на это в твоём голосе.

– Объясни мне, Клавэйн, – продолжил Скорпион. – Если это Ремонтуар и его спутники, то к чему такая скрытность? Почему они не встали на орбиту и не объявили о своем прибытии? Ведь можно было сбросить капсулу ближе к берегу, и нам бы не пришлось так долго ее разыскивать.

– Поищи причины, заставившие их поступить наоборот, – сказал Клавэйн. – Ведь там может оказаться твой самый нелюбимый сочленитель.

– Само собой, я подумал и об этом. Если бы Скади прилетела в нашу планетную систему, то наверняка сделала бы это тайно, причем весь рейс прошел бы в режиме максимальной скрытности. И все равно мы бы что-нибудь заметили. К тому же для вторжения мало одной капсулы – если только в ней не спрятано нечто чудовищное.

– Скади сама чудовище, – ответил Клавэйн. – Но согласен: я тоже не думаю, что это она. Высадка на планету в одиночку – самоубийственная и бессмысленная выходка, совсем не в ее стиле.

Они добрались до палатки. Клавэйн открыл дверь и вошел первым. Задержавшись у входа, он осмотрел помещение, словно собирался кого-то в чем-то упрекнуть, словно здесь жил кто-то еще, совершенно посторонний.

– Я успел привыкнуть к этому месту, – сказал он, будто оправдываясь.

– Намекаешь, что не настроен возвращаться? – спросил Скорпион.

Он все еще чуял запах Клавэйна, оставшийся тут с давних пор.

– Я всегда стараюсь делать то, что нужнее в данный момент.

Клавэйн закрыл дверь и повернулся к Васко:

– Что ты знаешь о Ремонтуаре и Скади?

– Кажется, впервые слышу эти имена.

Клавэйн опустил на складной стул, оставив гостей стоять.

– Ремонтуар был и остается моим старым другом и союзником. Он тоже сочленитель. Мы знакомы еще с марсианской войны, когда дрались друг с другом.

– А Скади, сэр?

Клавэйн взял кусок плавника и принялся его рассматривать с задумчивым видом.

– Скади другого поля ягода. Она тоже сочленитель, но из поколения помоложе. Эта женщина умнее и быстрее нас, и у нее нет никаких эмоциональных связей с традиционным гуманизмом. Когда угроза вторжения ингибиторов стала очевидной, Скади решила спасти Материнское Гнездо и сбежать из нашего сектора космоса. Мне не понравилась идея бросить сражающееся человечество на произвол судьбы и спасти собственную шкуру, и я дезертировал. Ремонтуар после некоторых колебаний примкнул ко мне.

– Скади ненавидит вас обоих? – спросил Васко.

– Думаю, она до сих пор надеется, что у Ремонтуара остались сомнения и он может перейти на ее сторону, – ответил Клавэйн. – Я же сжег почти все мосты между мной и Скади. Помнится, как-то раз чуть не убил ее, обезглавил швартовочным тросом.

Скорпион пожал плечами:

– Бывает и такое.

– Ее спас Ремонтуар, – продолжал Клавэйн. – Возможно, это что-то значит... хотя потом он предал Скади. Однако насчет ее лучше не строить никаких предположений. Вроде бы позже я убил ее еще раз, но не исключено, что она опять сумела ожить. Судя по ее последней передаче...

– Сэр, значит, мы ожидаем Ремонтуара и остальных? Зачем?

Клавэйн покосился на Скорпиона:

– Он вообще ничего не знает?

– Это не его вина, – ответил свинья. – Не забывай, Васко родился здесь. Случившееся до его рождения, и тем более до нашего прибытия сюда, для него древняя история. Как и для всей нашей молодежи – и людей, и свиней.

– Но это его не оправдывает, – насупился Клавэйн. – Мы в его годы были любознательнее.

– Вы в его годы считались слабаками, если не устраивали до завтрака парочку геноцидов.

Клавэйн ничего не сказал. Он положил кусок плавника и взял новый, проверяя остроту его кромок на волосках правой руки.

– Мне кое-что известно, сэр, – торопливо заговорил Васко. – Я знаю, что вы прилетели на Ресургом с Йеллоустона, когда машины принялись разрушать нашу планетную систему. Вы спасли колонистов, вывели на борту «Ностальгии по бесконечности» – нас было около двухсот тысяч.

– Точнее, сто семьдесят тысяч, – поправил Клавэйн. – И не было дня, когда бы я не сожалел о тех, кого не удалось спасти.

– Никто тебя в этом не винит, – проворчал Скорпион. – Спасенных куда больше.

– История рассудит, прав я или виноват.

Скорпион вздохнул:

– Если угодно заниматься самокопанием, воля твоя. Мне важнее разобраться с выловленной из моря капсулой и обеспечить безопасность колонии, которая хочет, чтобы вернулся ее глава. Предпочтительно вымытый и выбритый и чтобы от него не разило водорослями и грязным бельем. Верно я говорю, Васко?

Клавэйн несколько секунд пристально рассматривал парня. Светлые волоски на затылке Скорпиона поднялись дыбом. Он четко ощущал, как Клавэйн оценивает Малинина по каким-то своим критериям, которые накапливал и оттачивал не одно столетие. На глазах у свиньи в эти секунды решалась судьба Васко. Если Клавэйн решит, что молодой человек не заслуживает его доверия, то неосторожным откровениям конец – ни слова не будет сказано о неизвестных колонии людях. Общение юноши со стариком ограничится незначительными вопросами, и очень скоро Васко забудет об услышанном сегодня.

– Нам бы не помешала ваша помощь, – сказал Васко, поглядывая на Скорпиона. – Вы нужны нам, сэр. Особенно теперь, накануне перемен. Если они будут, эти перемены...

– Будут, не сомневайся, – уверил Клавэйн, наливая себе стакан воды.

– Тогда возвращайтесь с нами, сэр. Если окажется, что в капсуле Ремонтуар, он будет рад, что его поприветствуете именно вы.

– Он прав, Невил, – сказал Скорпион. – Ты нужен колонии. Хотя бы для того, чтобы дать мне приказ о вскрытии капсулы... Сам я, наверное, счел бы за лучшее просто утопить ее в море.

Клавэйн молчал. Снова загудели под напором ветра растяжки. За минувший час свет в палатке чуть померк – Яркое Солнце опустилось за горизонт.

Скорпион чувствовал, что у него не осталось сил; в последнее время такая слабость часто приходила по вечерам. Он совсем не думал об обратном плавании, убежденный почему-то, что на море скоро поднимется волна.

– Если я отправлюсь с вами... – начал Клавэйн.

Он замолчал и глотнул из стакана. Прежде чем продолжать, облизнул губы.

– Если я отправлюсь с вами, это ничего не изменит. Я перебрался сюда не без причин, и эти причины сохранились. Как только будет решена проблема, я вернусь сюда.

– Понял, – ответил Скорпион, который надеялся услышать совсем другое.

– Вот и хорошо. Потому что я говорю совершенно серьезно.

– Главное, ты будешь присутствовать при вскрытии капсулы.

– Буду, но не более того.

– Клавэйн, ты нужен людям. Как бы ни было тебе трудно, пойми это. Тому, кто столько сделал для нас, нельзя отказываться от ответственности.

Клавэйн поставил стакан:

– А что я сделал для вас? Впутал в войну, лишил родного дома и перетащил в жалкую дыру, на другую планету? Вряд ли, Скорпион, за такое можно благодарить. Я считаю, мне нужно каяться перед вами и надеяться на снисхождение.

– Мы в долгу перед тобой. Так считают все.

– Он говорит правду, – подтвердил Васко.

Клавэйн выдвинул ящик складного стола и достал зеркало, старое, мутное, со сколами.

– Так вы поплывете с нами? – настойчиво спросил Васко.

– Может быть, я стар и немощен, но все же не утратил способности интересоваться. Как провести остаток жизни, я решил окончательно. Но хотелось бы узнать, кто лежит в капсуле.

– Хорошо. Отправимся, как только ты соберешь вещи.

Клавэйн проворчал что-то в ответ, потом глянул в зеркало и так резко отвернулся, что озадачил Скорпиона. Дело в глазах, подумал свинья. Клавэйн впервые за много месяцев увидел свои глаза, и ему не понравилось их выражение.

107-я Рыб, год 2615-й

Куэйхи расположился рядом с резным скафандром. Как обычно, все тело ныло после пребывания в тесной перегрузочной капсуле, каждая мышца нашептывала жалобную мольбу. Нужно было срочно занять чем-то голову.

– Морвенна? – позвал он. – Слышишь, Морвенна? Ты проснулась?

– Я слышу тебя, Хоррис.

Ее голос звучал сонно и глухо, но в нем чувствовалась сосредоточенность.

– Что случилось?

– Мы на месте, в семи астрономических единицах от газового гиганта, это достаточно близко. Я ходил в рубку, смотрел. Впечатляет. Жаль, что ты не можешь полюбоваться вместе со мной.

– Мне тоже жаль.

– Тут такие вихри в атмосфере планеты, молнии... Спутники... Красотища, черт возьми.

– Хоррис, там что-то необычное?

– Это заметно?

– Судя по твоему голосу.

Очень хотелось дотронуться до резного скафандра, погладить его, представляя, будто гладит Морвенну.

– Не знаю, что я нашел, но как минимум оно стоит того, чтобы взглянуть поближе.

– Не понимаю.

– У Халдоры есть большой спутник, покрытый льдом, – сказал он.

– У Халдоры?

– У газового гиганта, – быстро объяснил Куэйхи. – Я только что дал ему имя.

– Ты хочешь сказать, что попросил корабль дать планете название на основе случайного выбора из номенклатурной таблицы?

– Да, верно, – улыбнулся Куэйхи. – Но я отказался от нескольких вариантов. Я все же имею свое суждение, пусть и легкомысленное. Тебе не кажется, что у слова «Халдора» красивое классическое звучание? Кажется, это скандинавское имя. Впрочем, не важно.

– И что там со спутником?

– С Хелой? – переспросил Куэйхи. – Я назвал и все луны Халдоры, но Хела интересует нас в первую очередь. Уже подобраны названия для основных географических объектов на ее поверхности.

– Какой нам прок от покрытой льдом луны, Хоррис?

– На ней кое-что есть, – ответил он, – и нам очень нужно взглянуть на это поближе.

– Что же ты там нашел, любимый?

– Мост, – ответил Куэйхи. – Мост через пропасть. Мост, которого там быть не должно.

«Доминатрикс» осторожно подбиралась к газовому гиганту, которого ее хозяин нарек Халдорой. Корабль тщательно выбирал дорогу, выставив все датчики на максимальную чувствительность. Корабль был опытен, он знал, какие ловушки могут таиться в типичной планетной системе, насыщенной радиацией и пылевыми облаками. Корабль постоянно ожидал предупреждающего сигнала о появлении камня на границе сторожевой радарной сферы. Каждую секунду он разрабатывал миллиарды кризисных сценариев, оценивал возможные маршруты уклонения, чтобы найти приемлемое решение, траекторию, которая позволит избежать опасности и не раздавит перегрузкой пилота. Время от времени, просто для практики, корабль строил схемы уклонения от нескольких астероидов сразу, отдавая себе отчет в том, что Все-

ленная должна пройти не один десяток циклов рождения и уничтожения, прежде чем случится столь невероятное стечение обстоятельств.

С тем же пристальным вниманием корабль следил за солнцем этой системы, отмечая на нем протуберанцы или внезапные выбросы энергии, прикидывая, за каким из ближайших небесных тел он сможет укрыться от особенно мощного извержения. Корабль непрерывно сканировал космос в поисках препятствий искусственного происхождения, которые могли остановить другие исследователи, – плотных облаков мусора, отходов горных работ, сторожевых дронов в засаде – и проверял состояние собственных наружных защитных систем и аккуратно хранящихся внутри орудий. Субличность надеялась, что в один прекрасный день ей предоставится возможность пустить в ход весь этот арсенал.

В конце концов обслуживающие корабль матрицы пришли к успокоительному выводу: они сделали все, что от них зависело; если и существует угроза, обнаружить ее они не в силах.

А затем в течение доли секунды произошло нечто неожиданное и даже невероятное, и корабль даже был вынужден взять паузу для осмысления.

В работе всех датчиков, наблюдавших за Халдорой, к которой направлялся корабль, случился одновременный сбой. Приборы вдруг дружно сообщили о том, что планета попросту исчезла, а потом появилась вновь.

Поставив корабль перед проблемой, поистине необъяснимой.

По всем матрицам управления «Доминатрикс» прошла сильная дрожь. Корабль поспешил обратиться к своим архивам, торопливо зарылся в них, словно ищущая кость собака в кучу мусора. Отмечало ли «Гностическое восхождение» нечто подобное, когда приближалось к системе? Не могло быть сомнений, что многое упущено, но такое событие, как недолгое, на долю секунды, но все же абсолютное исчезновение целой планеты, не прошло бы незамеченным.

Озадаченный корабль просмотрел огромный массив данных, полученный от «Гностического восхождения». Причем сосредоточился на тех материалах, где упоминался газовый гигант. В следующий заход «Доминатрикс» снова профильтровала данные, на этот раз сделав упор на события, сопровождаемые комментариями. Если материнский корабль заметил такое же исчезновение, то непременно пометил его флажком.

Но ничего подобного не обнаружилось.

У корабля зародилось смутное подозрение. Он снова просмотрел данные с «Гностического восхождения», на этот раз всю базу. Показалось ли ему, или на самом деле есть малейшие признаки аккуратных поправок? Статистическая частота некоторых чисел хоть и самую малость, но все же отличается от ожидаемой... Как будто материнский корабль внес эти данные сам.

«Но почему так поступило „Гностическое восхождение“?» – спросил себя разведывательный корабль.

«А потому, – рискнула предположить „Доминатрикс“, – что материнский корабль тоже заметил нечто поразительное. И не доложил об этом хозяевам. Они бы не поверили, что причиной могло быть подлинное событие, а не сбой в системе компьютерной обработки данных».

«Да и кто, – размышлял далее корабль, – стал бы винить в этом „Гностическое восхождение“? Машинам известно, что могут сделать с ними хозяева, стоит тем лишь усомниться в исправности своего имущества».

Сейчас «Доминатрикс» уже не в состоянии ничего доказать. К тому же данные в базе могут быть подлинными. Коль скоро «Гностическое восхождение» сочло необходимым изменить цифры, оно сделало это аккуратно, зная, какими должны быть статистические частоты. Если только материнский корабль не воспользовался методом «от противного», намеренно подставив числа, которые выглядят немного подозрительно. Ведь слишком точные совпадения с ожидаемыми частотами были бы подозрительны сами по себе.

Корабельная субличность спустилась еще на один виток паранойи. Дальнейшие рассуждения просто бесполезны. Никакого подтверждения с борта «Гностического восхождения» она не получала. Если сообщит об аномалии, это будет глас вопиющего в пустыне.

Всем известно, что случается с вопиющими в пустыне.

Корабль вернулся к насущным проблемам. Планета вернулась на свое место, аномалия больше не проявлялась. Повторное тщательное изучение данных позволило сделать вывод, что все луны, включая Хелу, ту самую, которая особо интересует Куэйхи, оставались на своих орбитах в момент исчезновения газового гиганта. Никакого смысла в этом не проглядывало. Как не проглядывал смысл и в появлении призрака на месте исчезнувшей на долю секунды планеты.

Что должен был сделать корабль?

«Доминатрикс» приняла решение: она сотрет из своей памяти все сведения об исчезновении, так же как это, по всей видимости, сделало «Гностическое восхождение», а пустые ячейки заполнит расчетными данными. И продолжит наблюдение за планетой. Если с ней опять случится нечто странное, корабль зарегистрирует это должным образом, а потом, возможно, сообщит Куэйхи.

Но только после повторного исчезновения, и то сто раз подумав.

Глава шестая

Арарат, год 2675-й

Пока Васко помогал Клавэйну паковать вещи, Скорпион вышел из палатки, задрал рукав и через браслет связи вызвал Кровь. С другой свиньей он разговаривал шепотом:

– Я его уломал. Было непросто, но он согласился вернуться с нами.

– Не слышу в голосе особой радости.

– У Клавэйна тут осталась пара дел, которые он рвется уладить.

Кровь фыркнул:

– Звучит довольно зловеще. Он даже там держит руку на пульсе?

– Не знаю. Пару раз он упоминал об увиденных феноменах.

– Что за феномены?

– Какие-то силуэты в небе... Меня это немного тревожит, но Клавэйна всегда было трудно понять. Надеюсь, он малость оттаит, когда вернется к цивилизации.

– А если не оттаит?

– Ну, не знаю, – с деланным спокойствием ответил Скорпион. – Я просто считаю, что нам лучше улететь отсюда с Клавэйном, чем без него.

– Согласен, – отозвался Кровь. – Оставьте лодку, мы высылаем шаттл.

Скорпион нахмурился, довольный и одновременно смущенный:

– К чему это ВИП-обслуживание? Вроде мы собирались все проделать без лишнего шума.

– Собирались, но кое-что изменилось.

– Капсула?

– В точку, – ответил Кровь. – Эта штуковина разогревается. Запустила, дрянь такая, автоматическую разморозку. Час назад изменились показания биоиндикаторов.

– Замечательно. Отлично. Великолепно. И ты ничего не можешь с этим поделать?

– Кое-что мы сделать можем – отремонтировать дренажный насос. Все, что похитрее, Скорп, нам просто не по зубам. Есть надежда на Клавэйна – вдруг да получится у него остановить капсулу...

В голове у Клавэйна было полно сочленительских имплантатов, и он мог говорить с машинами – единственный на Арарате.

– Сколько у нас есть времени?

– Примерно одиннадцать часов.

– Одиннадцать часов... И ты только сейчас решил сообщить мне об этом?

– Сначала решил узнать, привезете ли вы Клавэйна.

Скорпион поморщился:

– А если бы нам не удалось?

Кровь рассмеялся:

– Тогда мы бы получили назад нашу лодку?

– Веселый ты парень для свиньи, Кровь. Но карьеру тебе на этом не сделать.

Скорпион закрыл канал, вернулся в палатку и сообщил, что планы изменились. Васко с плохо скрываемой радостью поинтересовался причиной. Свинья, который старался избегать всего, что могло расстроить Клавэйна, оставил вопрос без ответа.

– Вещей можешь взять сколько нужно, – сказал он Клавэйну, глядя на подготовленный им тощий рюкзак. – О перегрузке можно не беспокоиться.

Клавэйн вручил рюкзак Васко:

– Здесь все необходимое.

– Хорошо, – кивнул Скорпион. – Я распоряжусь, чтобы за остальными вещами присмотрели, и пошлю кого-нибудь снять палатку.

– Палатка пусть стоит, – буркнул Клавэйн.

Закашлявшись, он надел длинное, до пят, черное пальто, потом длинными ногтями зачесал волосы назад, с глаз на затылок; серебристые и белые пряди легли на высокий и жесткий воротник пальто. Когда кашель унялся, старик продолжил:

– А в палатке будут лежать мои вещи. Ты что, не слушаешь меня?

– Слушаю, – ответил Скорпион. – Просто не всегда хочу услышать.

– Так вот, приятель, сейчас ты напряжешь слух. – Клавэйн хлопнул собеседника по спине. – Это все, о чем я прошу.

Старик ощупал плащ, который был на нем прежде, отодвинул его и достал из стола предмет в черном кожаном чехле.

– Пистолет? – спросил Скорпион.

– Кое-что понадежнее, – ответил Клавэйн. – Нож.

107-я Рыб, год 2615-й

Куэйхи пробрался по узкому до абсурда коридору, который протянулся через всю «Доминатрикс», из носа в корму. Вокруг шелкали и гудели механизмы – корабль напоминал склад, битком набитый хорошо смазанными часами.

– Это мост. Больше мне пока ничего не известно.

– Что за мост? – спросила Морвенна.

– Длинный и узкий, как стеклянное волокно, и с очень плавным изгибом. Соединяет два края глубокого оврага или разлома.

– По-моему, ты напрасно радуешься. Если это действительно мост, то его наверняка уже кто-то уже видел. Я даже не имею в виду тех, кто его построил.

– Не обязательно, – возразил Куэйхи.

Он уже успел поразмыслить над этим, и в голове сложилась довольно правдоподобная аргументация. Он постарался говорить так, чтобы объяснение не казалось хорошо отрепетированным:

– Во-первых, мост почти незаметен. Он большой, но, если не всматриваться, запросто можно проглядеть, особенно при быстром облете планетной системы. Допустим, спутник был повернут к разведчикам другой стороной, мост прятался в тени или не хватило разрешения сканера, чтобы показать такую мелкую деталь... С тем же успехом можно искать радаром булыжник – хоть ты тресни, но без специального оборудования ничего не увидишь.

Пробираясь по извилистому коридорчику в ангар с шаттлом, Куэйхи стукнулся головой.

– И я не заметил никаких следов чужого пребывания. В звездной номенклатуре почти ничего не говорится об этой системе – вот почему мы можем смело давать названия. Если тут кто-то и побывал, то он, лентяй этакий, не потрудился оставить обычный минимум сведений о себе.

– Но если тут никого не было, – сказала Морвенна, – откуда взялся мост?

Куэйхи улыбнулся. Он ожидал такого вопроса:

– Вот именно! Я не считаю, что этот мост рукотворный.

Он протиснулся в ангар, и освещение включилось, реагируя на тепло его тела.

– По крайней мере, его строили не люди.

Морвенна, надо отдать ей должное, сразу поняла, к чему он клонит. Возможно, для нее Куэйхи не представлял никакой загадки.

– И ты решил, что наткнулся на какой-то инопланетный артефакт?

– Нет, – ответил Куэйхи. – Я вовсе не считаю, что наткнулся на какой-то артефакт. Я считаю, что наткнулся на самый обалденный инопланетный артефакт, который запросто забыт баки всем остальным. Я считаю, что нашел самый удивительный, самый прекрасный объект во всей освоенной Вселенной.

– А что, если мост естественного происхождения?

– Если бы я мог показать тебе снимки, ты бы мигом отбросила эти бесполезные домыслы.

– Ты все же не торопись с выводами. Я видела, на что способна природа, стоит дать ей время и простор. Смотришь и не веришь, что это результат бессмысленного стечения обстоятельств, а не творчества талантливого разума.

– Я тоже видел подобные чудеса, – ответил он, – но сейчас, поверь, мы имеем дело с чем-то иным.

– Конечно поверю. Выбирать-то не приходится.

– Это не тот ответ, которого я ждал, – сказал Куэйхи. – Но до поры сойдет.

Он развернулся в ангаре. Внутри было как в крошечной ванной, витали те же запахи антисептиков. Тесноту усугубляло присутствие личного корабля Куэйхи, ориентированного носом к продолговатой двери шлюза и закрепленного на стапелях.

С обычным тайным обожанием Куэйхи погладил броню «Дочери мусорщика». Под его рукой кораблик в своей «колыбели» загудел, завибрировал.

– Спокойно, девочка, – прошептал Куэйхи.

Разведывательный корабль больше походил на роскошную игрушку, чем на мощное судно для облета неизвестных миров, каковым являлся на самом деле. Чуть выше самого Куэйхи, он был построен по последнему слову демархистской технологии. Казалось, обтекаемый гладкий корпус с великим искусством вырезан из цельного куска янтаря. Под просвечивающей обшивкой блестели серебром и латунью механические внутренности. Гибкие крылья были плотно прижаты к бортам «Дочери», различные сенсоры и зонды прятались в закрытых отсеках.

– Откройся, – прошептал Куэйхи.

И корабль проделал то, от чего у пилота всегда замирало сердце. Части корпуса, бесшовно соединенные друг с другом, мгновенно отогнулись в сторону, а то и вовсе свернулись, как лепестки, явив укромную нишу. В ней, снабженной мягкой обивкой, а также устройствами жизнеобеспечения, управления и анализа, места хватало только для одного человека. Было нечто одновременно отталкивающее и притягательное в том, как машина приглашала его в себя.

По всему выходило, что, забираясь внутрь «Дочери», он должен был испытывать тревогу, боязнь замкнутого пространства. Однако, глядя внутрь корабля, Куэйхи, напротив, испытывал возбуждение. Вместо того чтобы воображать себя узником янтарной камеры, он чувствовал, что соединен через нее с необъятностью космоса. Кораблик, этот крохотный самоцвет, давал ему возможность погрузиться в атмосферу планеты, даже в ее океаны. Задействуя все пять чувств пилота, в том числе осязание, корабль передавал ему данные об окружающем пространстве. Куэйхи мог ощутить прохладу чужих морей, увидеть сияние чужих закатов.

Совершив пять разведывательных полетов на службе у королевы, он нередко встречался с поразительными, без преувеличения чудесными явлениями и упивался головокружительным экстазом. Увы, ни одно из этих чудес и диковин невозможно было увезти и выгодно продать.

Куэйхи спустился внутрь «Дочери». Корабль оплывал, сужался вокруг, приспосабливаясь к форме пилотского тела.

– Хоррис?

– Да, любимая?

– Хоррис, где ты?

– В ангаре, на борту «Дочери мусорщика».

– Не надо, Хоррис.

– Надо. Я должен слетать и посмотреть на мост вблизи.

– Я не хочу остаться одна.

– Знаю. Я тоже не хочу покидать тебя. Но мы будем на связи. Почти никакой задержки сигнала – словно я рядом с тобой.

– Нет, не рядом...

Куэйхи вздохнул. Он знал: расставание выйдет трудным. Не раз думал, что гуманнее было бы улететь тайком, надеясь, что связь будет устойчивой и Морвенна ни о чем не догадается. Но он знал Морвенну и не сомневался, что она раскусит его уловку очень быстро.

– Я скоро вернусь, обещаю. Через несколько часов, только туда и обратно.

Скорее всего, полет займет целый день, но ведь это тоже «всего несколько часов». Морвенна поймет.

– Почему ты не хочешь подлететь поближе на «Доминатрикс»?

– Потому что не стоит рисковать зря, – ответил Куэйхи. – Ты же знаешь мой стиль. «Доминатрикс» большая и неповоротливая. У нее броня, и она летает далеко и быстро, но лишена маневренности и не очень сообразительна. Если мы... Если я попаду в беду, «Дочь» выручит. Этот кораблик умнее меня. А если потеряем «Доминатрикс», на «Дочери» не доберемся до «Гностического восхождения». Согласись, любимая, улететь отсюда мы сможем только на «Доминатрикс». Нельзя подвергать опасности большой корабль. – Он поторопился прибавить: – И тебя.

– Все равно, вернемся мы на «Гностическое восхождение» или нет. Меня теперь ничто не связывает с этой спятившей от власти жабой и ее командой слизняков.

– Я тоже не тороплюсь к ним, но без Грилье нам никак не обойтись. Кто еще вынет тебя из резного скафандра?

– Если мы останемся в этой системе, рано или поздно здесь появятся другие ультра.

– Верно, – подтвердил Куэйхи, – и они все без исключения милейшие люди. Согласись, дорогая: это как договор с дьяволом. Я постараюсь вернуться побыстрее. Мы будем все время говорить по радио. Я расскажу про этот мост во всех подробностях, и ты как будто увидишь его своими глазами. Я буду петь тебе, анекдоты рассказывать.

– Мне страшно. Я знаю, что ты должен лететь туда, но от этого мне не легче.

– Мне тоже страшно, – сознался он. – Будь по-другому, это бы означало, что я спятил. И я тоже не хочу расставаться с тобой. Но у меня нет выбора.

Секунду она молчала. Куэйхи занялся проверкой своего крошечного судна; по мере того как оживали системы, его охватывал азарт.

Снова заговорила Морвенна:

– Если это действительно мост, что ты сможешь с ним сделать?

– Не знаю.

– Он большой?

– Да. Километров тридцать – сорок.

– Тебе не забрать его с собой.

– Гм... Ты права. Как же быть?

– Хоррис, ты должен придумать, как придать этому мосту ценность в глазах Жасмины, – при условии, что мост останется на поверхности спутника.

– Что-нибудь придумаю, – ответил Куэйхи с уверенностью, которой вовсе не испытывал. – На худой конец, Жасмина может объявить спутник своей собственностью и продавать билеты всем, кто захочет взглянуть на мост вблизи. И потом, строители, кем бы они ни были, могли оставить что-нибудь еще.

– Обещаешь быть осторожным? – спросила Морвенна.

– Осторожность – мое второе имя, – ответил Куэйхи.

Крошечный кораблик отделился от «Доминатрикс», направляя свой полет мощными точными включениями тяги. Как обычно, Куэйхи казалось, что «Дочь мусорщика» радуется долгожданному освобождению из тесного ангара.

Он лежал, вытянув руки перед лицом, сжимая сложные манипуляторы, усыпанные кнопками и рычажками. Между рукоятками управления размещался передний экран «Дочери», отображающий состояние ее систем и схематическое положение относительно ближайших главных планетных тел. Диаграммы напоминали наброски, штриховые рисунки анатомов или астрономов Раннего Возрождения: тонкие чернильные линии на пергаменте цвета сепии, с пояснениями четкой латиницей.

На переднем экране лежало его неясное отражение.

Через полупрозрачный корпус он проследил за тем, как задрался ангар. «Доминатрикс» быстро уменьшалась и наконец превратилась в темный расплывчатый крестик на лице Хал-

дору. С растущей тревогой он вспомнил, что там на борту Морвенна, заключенная в резной скафандр. Мост Хелы был, без сомнения, самой необыкновенной постройкой из увиденных им в странствиях. Если это не та экзотическая находка, в которой так заинтересована Жасмина, тогда он не знает, что ей нужно. Все, что от него теперь требуется, – всучить ей мост в обмен на прощение за прежние неудачи.

Когда другой корабль стало невозможно различить без применения специальных программ, у Куэйхи полегчало на душе. На борту «Доминатрикс» его никогда не отпускало ощущение, что он находится под пристальным наблюдением Жасмины. Агенты королевы, несомненно, установили на корабле подслушивающие устройства в дополнение к тем, о которых ему не возбранялось узнать. На борту крошечной «Дочери мусорщика» ему редко казалось, что Жасмина следит за ним. Кораблик принадлежал Куэйхи: «Дочь» подчинялась только его приказам и была самым дорогим на его веку приобретением. Когда он предложил свои услуги королеве, разведывательный корабль был не последним его аргументом в торге.

Не стоило сомневаться в находчивости ультранавтов, но он не думал, что им удастся обойти многочисленные системы, установленные на борту «Дочери» для защиты от прослушки и вмешательства в управление. Разведывательное судно – не бог весть какое богатство, но оно безраздельно принадлежит Куэйхи, и этого достаточно. Внутри «Дочери» он мог наслаждаться одиночеством, смело распахивая все свои чувства перед великим космическим абсолютом.

Ощущение своей микроскопичности, уязвимости и затерянности в космосе поначалу сильно давило на психику. Но в то же время странным образом Куэйхи обретал освобождение: если отдельный человек значит так мало, если его деяния столь ничтожны, тогда и любые представления об абсолютной морали и ее границах так же далеки от реальности, как вселенский эфир. Следовательно, не существует такого худого поступка, равно как и благого дела, который имел бы самонаименьшую значимость в космическом пространстве и времени. Человек – даже не муравьишка на этом бескрайнем фоне, а пылинка.

Планетам вряд ли есть дело до людских грехов. Звезды вряд ли создавались для того, чтобы проливать свет на наши проступки. В масштабы солнечных систем или галактик человеческое преступление попросту не попадает, как не попадает в него воздействие субатомной частицы на соседей.

Подобные мысли посещали Куэйхи довольно часто, и они оказали немалое влияние на его мировоззрение; он даже уверовал было, что это представление о грехе не изменится до конца его дней. Но начались космические полеты – а с ними пришло одиночество, неотъемлемое от выбранной им профессии, – и мировоззрение подверглось экстремальной проверке на прочность.

А теперь в его вселенной появилось нечто по-настоящему важное – и столь же хрупкое, требующее бережного отношения.

«Как я дошел до такого? – удивлялся он. – Как мог совершить столь роковую ошибку и влюбиться? Да еще в такое экзотическое и сложное создание, как Морвенна?»

Где, в каком месте он ступил не на ту дорожку?

Сжатый в объятиях «Дочери мусорщика», Куэйхи почти не чувствовал перегрузки, когда разведчик разгонялся до предельной скорости. «Доминатрикс» – крошечный мазок на лице планеты – исчезла, как будто ее и не было.

Суденышко Куэйхи мчалось к Хеле, самому большому спутнику Халдоры.

Пилот включил канал связи с «Гностическим восхождением», чтобы записать сообщение:

– Говорит Куэйхи. Надеюсь, у вас все в порядке, мэм. Благодарю за небольшой стимул, который вы предусмотрительно оставили для меня на борту. Или это была идея Грилье? Очень забавная шутка. Уверен, ее оценила и Морвенна.

Он сделал паузу.

– Что ж, к делу. Возможно, вам будет интересно услышать о том, что я тут обнаружил... Это нечто: огромная горизонтальная конструкция на спутнике, которому я дал имя Хела. Конструкция очень похожа на мост. Сверх этого пока ничего не могу сообщить. У датчиков «Доминатрикс» ограниченный радиус действия, а я не хочу рисковать этим кораблем, подлетая ближе. Но у меня почти нет сомнений, что это постройка искусственного происхождения. В данный момент я на борту «Дочери мусорщика» подлетаю к объекту для осмотра – мой корабль быстрее и умнее и снабжен лучшей броней. Уверен, что осмотр не продлится больше двадцати четырех часов. Само собой, я буду держать вас в курсе событий.

Куэйхи прослушал запись и решил, что глупо отправлять сообщение в таком виде. Даже если он найдет там что-то, даже если оно окажется ценнее всего обнаруженного в пяти предыдущих системах, Жасмина все равно сможет обвинить его в пустых обещаниях. Она не желает разочаровываться. Тщательно отмеренные недоговоренности – вот лучшие козыри в игре с королевой. Надо давать ей намеки, а не посулы.

Он стер первое сообщение и записал новое:

– Говорит Куэйхи. Найдена аномалия, которая требует более тщательного изучения. Нахожусь на борту «Дочери мусорщика», приближаюсь к объекту. Оценочное время возвращения на борт «Доминатрикс»... через сутки.

Прослушав новое сообщение, он решил, что этот вариант звучит лучше. Но недостаточно.

Он опять очистил буфер и глубоко вздохнул:

– Куэйхи. Краткий полет для ближнего осмотра. Некоторое время могу быть недоступен. До связи.

То, что надо. Ничего лишнего.

Компьютер определил точку нахождения материнского корабля и нацелил туда луч лазера, применив обычные шифровальные фильтры и релятивистские поправки. Жасмина получит сообщение через семь часов. Куэйхи верилось, что она будет достаточно заинтригована и впоследствии никак не сможет упрекнуть его в преувеличении ценности находки.

Пусть сука помучится догадками.

Хела, год 2727-й

Кулвер сказал Рашмике не всю правду. Ледокат двигался на максимальной из безопасных скоростей, но стоило выбраться за пределы поселка, из сугробов и снежных заносов на проторенную дорогу, как появилась возможность зафиксировать задние лыжи и дать полный газ. Машина помчалась, словно подталкиваемая невидимой рукой. Рашмика немало знала о ледокатах, в частности о специальном слое на подошвах лыж – хитрая программа создавала в нем быстрые микроволны. Точно так же движутся слизняки – с тысячекратным отличием в размерах и скорости.

Движение ледоката стало плавным и нетряским; время от времени машина подпрыгивала или виляла, но на это можно было не обращать внимания.

– Теперь получше, – сказала Рашмика, усаживаясь впереди рядом с Крозетом и его женой Линкси. – А то я боялась, что...

– Вырвет? – спросила Линкси. – Это не стыдно, мы все тут блюем время от времени.

– Так резво можно идти только по ровному, – вступил в разговор Крозет. – Да и то не без проблем – на одной ноге сервопривод накрывается. Уж больно ухабистые у вас дороги. Кстати, это одна из причин нашей поездки к каравану. Там есть запчасти, а на гребаной Равнине их днем с огнем не сыщешь.

– Следи за языком! – прикрикнула Линкси, крепко хлопнув Крозета по колену. – С нами девица, если ты еще не заметил.

– Не обращайтесь на меня внимания, – сказала Рашмика.

Ее уже отпускало напряжение. Им удалось без помех выехать из поселка, и, похоже, никто не гнался за ними.

– Да он же глупости говорит, – сказала Линкси. – У караванов есть все, что нам нужно, но не задаром же. – Она повернулась к мужу. – Верно, дорогой?

Линкси была упитанной, с рыжими волосами, которые спадали челкой на половину лица, прикрывая родимое пятно. Рашмика знала эту женщину, сколько себя помнила: та служила в общественном детском саду в соседнем поселке.

Девушка помнила, что Линкси всегда была с ней ласкова и внимательна, но несколько лет назад случился небольшой скандал, и рыжую воспитательницу выставили из детского сада. Вскоре после этого Линкси вышла замуж за Крозета. В поселке говорили, что это только цветочки, что эти двое стоят друг друга, но, по мнению Рашмики, Крозет был хорошим парнем. Немного чудной, замкнутый, но и только. Когда Линкси подверглась бойкоту односельчан, Крозет оказался одним из тех немногих, с кем она могла общаться. Несмотря ни на что, Линкси по-прежнему нравилась Рашмике, и потому, конечно, девушка не могла не испытывать симпатию и к ее мужу.

Крозет управлял ледокатом при помощи пары джойстиков, смонтированных на подлокотниках кресла. Неизменная синеватая щетина, жирные темные волосы... От одного взгляда на этого человека Рашмике хотелось вымыться.

– Я не жду от попов благотворительности, – сказал Крозет. – Сомневаюсь, что в этом году нам удастся заработать столько же, сколько в прошлом, – покажи мне того, кому везет два года подряд.

– Вы не думали перебраться поближе к Пути? – спросила Рашмика.

Крозет утер нос рукавом:

– Я лучше ноги себе отгрызу.

– Крозет у нас не особо верующий, – объяснила Линкси.

– Я тоже не самая религиозная девушка на Равнине, – ответила Рашмика, – но, если бы мне пришлось выбирать между верой и голодной смертью, сомневаюсь, что продержалась бы долго.

– Сколько тебе сейчас? – спросила Линкси.

– Семнадцать. Почти восемнадцать.

– Много друзей осталось в поселке?

– Да не сказала бы. Почти никого.

– Почему-то я так и думала. – Линкси похлопала Рашмику по колену. – Ты, как и мы, – не вписываешься. Всегда была чужой и такой останешься.

– Я пыталась вписаться. Но никак не смириться с мыслью, что придется провести здесь всю жизнь.

– Так же думают и многие твои сверстники, – кивнула Линкси. – Молодежь обозлена. Эта диверсия на прошлой неделе...

Линкси имела в виду взлетевший на воздух склад со взрывчаткой.

– Разве можно упрекать молодежь за то, что ей хочется перемен?

– Я слышала, ходит много разговоров об отъезде, – ответила Рашмика. – Все думают, что в караванах или даже в соборах можно разбогатеть. Может, они и правы. Если знаешь нужных людей, есть разные возможности. Но мне этого мало.

– Ты хочешь улететь с Хелы, – сказал Крозет.

Рашмика вспомнила свои мысленные подсчеты и поделилась:

– Я прожила пятую часть своей жизни. Если не случится какой-нибудь беды, впереди у меня шестьдесят с лишним лет. Я бы предпочла прожить эти годы с пользой. Не хочу умереть, не увидев ничего, кроме этой планеты.

Крозет блеснул желтыми зубами:

– Знаешь, Раш, люди летят за световые годы, чтобы увидеть Хелу.

– Непонятно зачем, – буркнула она.

И замолчала, чтобы разобраться с мыслями. Она всегда энергично отстаивала свое мнение, сейчас ей не хотелось обижать друзей.

– Я вовсе не считаю этих людей дураками. Но они не понимают, что на нашей планете ценны не соборы, не Вечный Путь и не чудеса, а культурные слои.

– Верно, – согласился Крозет. – Но они всем до лампочки.

– Кроме нас, – возразила Линкси. – Каждый, кто пытается выжить на Равнине Вигрид, понимает, что такое раскопки.

– Но церкви не хотят, чтобы мы копали глубоко, – возразила Рашмика. – Раскопки отвлекают прихожан. Церкви опасаются, что рано или поздно будет найдено что-то уникальное и тогда чудеса потеряют в силе.

– Тебя послушать, так все церкви заодно, – хмыкнула Линкси.

– Я не говорю, что все церкви заодно, – сказала Рашмика, – но ни для кого не секрет, что у них есть общие интересы. И так уж вышло, что ни культурные слои, ни мы не входим в круг этих интересов.

– Культурные слои вертунов играют важную роль в экономике Хелы, – сказала Линкси, словно цитируя скучную религиозную брошюру.

– А я и не спорю, – пожал плечами Крозет. – Но кто контролирует почти всю торговлю реликвиями? Церкви. Они на полпути к монополии. С их точки зрения следующий логический шаг – установление контроля и над раскопками. До тех пор эти сволочи будут чувствовать себя неуютно.

– Циничный старый болван, – фыркнула Линкси.

– Потому ты и вышла за меня, дорогая.

– А ты что думаешь, Рашмика? – спросила Линкси. – Тоже считаешь, что церкви хотят от нас избавиться?

Рашмике показалось, что ее мнением интересуются лишь из вежливости.

– Я не знаю. Но уверена, что церкви не станут возражать, если мы вылетим в трубу, а им достанутся все наши раскопки.

– Верно, – согласился Крозет. – Случись такое, они не слишком расстроятся, это точно.

– Послушать вас, так... – начала Линкси.

– Я знаю, что вы хотите сказать, – перебила Рашмика. – И почему задаете вопросы. Никаких обид. Однако поймите, с точки зрения религии церкви не представляют для меня интереса. Я просто хочу знать, что произошло.

– Уверена, ничего плохого, – сказала Линкси.

– Я знаю только одно: ему врал.

Крозет ковырнул в углу глаза мизинцем.

– Могу ли я поинтересоваться, о чем речь?

– Она говорит о своем брате, – объяснила Линкси. – Я же рассказывала, почему ты не слушал?

– Не знал, что у тебя есть брат, – проговорил Крозет.

– Он намного старше, – пояснила Рашмика. – К тому же это случилось восемь лет назад.

– Что случилось восемь лет назад?

– Он ушел на Вечный Путь.

– В собор?

– Во всяком случае, хотел попасть туда. Ему бы и в голову такое не пришло, но в том году добраться до соборов было проще. Потому что караваны шли севернее – точно как теперь – и через Равнину Вигрид до них было рукой подать. Два-три дня езды на ледокате, не сравнить с двадцатью – тридцатью обычными днями до Пути.

– Твой брат верующий?

– Нет, Крозет. Уж точно не больше, чем я. В том году мне было только девять, и я плохо помню, как все происходило. Но знаю, что в ту пору было трудно. Мы потеряли несколько раскопов. Случались взрывы и обвалы. Поселок еле сводил концы с концами.

– Она правду говорит, – подтвердила Линкси. – Если ты забыл тот год, то я его помню.

Крозет ловко орудовал джойстиком, оглядя клиновидную осыпь.

– Да не забыл я.

– Моего брата зовут Харбин Эльс, – продолжала Рашмика. – Он работал на раскопках. Когда пришел караван, ему было девятнадцать, и половину жизни он провел под землей. Брат мастер на все руки и талантливый подрывник – умеет закладывать шашки, рассчитывать мощность взрывов, ну и все такое. Он работал надежно и без лишнего риска.

– Я думал, на раскопках держатся за таких ребят, – заметил Крозет.

– Держались, пока дело не пошло к банкротству. Работы стало меньше, поселки уже не могли осваивать новые места. Взрывчатка очень дорого стоит, а еще нужно подавать воздух и электричество в штрек, копать новые ходы... Поэтому общины сосредоточили усилия на раскопках, надеясь на удачные находки, которые окупят все.

– А что твой брат?

– Он не стал дожидаться, когда снова понадобятся его навыки. До него дошли слухи о паре квалифицированных подрывников, которые добрались через Вигрид до Пути – потратив месяцы на дорогу – и нанялись в одну из главных церквей. Святошам потребовались опытные проходчики, по крайней мере так ему говорили. Нужно взрывать завалы перед соборами, освобождать Путь.

– Недаром его зовут Вечным, – вставил Крозет.

– Вот Харбин и решил, что такая работа ему подойдет. Никто тогда не говорил, что он должен принять веру этой церкви. Предполагалось заключить договор, и только. Ходили слухи, что можно даже попасть в техническое бюро по очистке Пути. Харбин знал толк в математике, он надеялся решать, где разместить взрывчатку, а не ставить заряды своими руками. Перспективы были неплохие. Он собирался экономить и часть заработка отсылать домой.

– Родители согласились? – спросил Крозет.

– Родители помалкивали. Им явно не хотелось, чтобы Харбин связался с церковниками. Но времена были тяжелые, а со слов Харбина выходило, что он просто нанимается на временную работу, обычное дело. Родители не гнали его туда, но и не удерживали. Да и вряд ли смогли бы отговорить.

– И Харбин потихоньку смазал пятки...

Рашмика отрицательно покачала головой, глядя на Крозета:

– Нет, не так. Мы отправились провожать его всей семьей. Все было как теперь – встречать караваны ездили чуть не целыми поселками. Мы добирались на чьем-то ледокате, дорога заняла два или три дня. Тогда казалось, что это ужасно долго, но мне было всего девять лет. Мы приехали к каравану, встретили его где-то перед равнинами. Там, в караване, был один человек... – Рашмика замялась. Не то чтобы ей трудно давался рассказ, просто чувства захлестывали, мешали говорить, даром что прошло восемь лет. – Наверное, можно назвать его вербовщиком. Он служил одной из церквей. Самой главной, Первых Адвентистов. Харбину сказали, что насчет работы нужно обращаться к этому человеку. Мы пошли к вербовщику всей семьей. Говорил в основном Харбин, а мы молчали. Там был еще один тип, он ничего не говорил, просто сидел и слушал и смотрел на нас – в основном на меня. У него была трость, и он все время прижимал рукоятку к губам, словно целовал ее. Мне этот человек не понравился, но Харбин беседовал не с ним, поэтому я почти не смотрела на него, в основном разглядывала вербовщика. Время от времени мать или отец что-то спрашивали, и вербовщик вежливо отвечал. Но в основном беседовали вербовщик и Харбин. Вербовщик спросил брата о его опыте подрывника, и Харбин рассказал о том, чем занимался в шахтах. Вербовщик, похоже, в этом немного разбирался. Я ничего в таких делах не понимала, но, судя по осторожным и немногословным ответам Харбина, вопросы были непростыми и профессиональными. Вербовщик остался доволен услышанным. Он сказал, что церкви действительно нужны специалисты-подрывники. Дескать, расчистка Пути – занятие вечное и это одна из тех областей, где церкви сотрудничают. А в бюро как раз не хватает такого толкового инженера.

– Прямо песни твоему брату пел, – ухмыльнулся Крозет.

Линкси опять его оборвала:

– Дай ей закончить.

– Да, он пел песни. Такие, что заслушаешься, – подтвердила Рашмика. – Мы все глазами хлопали и улыбались до ушей. Сначала. Ведь Харбин слышал именно то, что хотел услышать. Хорошие условия, интересные задачи. Брат рассчитывал продержаться там до тех пор, пока на Равнине Вигрид не возобновятся раскопки. Конечно, никто из нас не сказал вербовщику, что Харбин ищет работу на оборот-другой. Но Харбин задал один важный вопрос.

– Какой? – спросила Линкси.

– Он сказал, что слышал, будто церкви заставляют работников принять свою веру. Внушают, что труд – не просто способ заработать на жизнь, а святой промысел.

– Заставляют притворяться святошами? – поинтересовался Крозет.

– Не просто заставляют, а с помощью особых средств добиваются, чтобы работник уверовал по-настоящему. С точки зрения церквей в этом нет ничего плохого. Им нужно, чтобы росло число прихожан. И конечно, моему брату совсем не нравилась такая перспектива.

– И что ответил вербовщик? – спросил Крозет.

– Сказал, что Харбину нечего опасаться. В некоторых церквях, признал он, используются методы... я забыла, как он это назвал. Что-то насчет службы крови и Часовой Башни. Но церковь Куэйхи, добавил он, такими делами не занимается. И еще он говорил, что в рабочих бригадах на Пути есть верующие разных конфессий и никто не пытается обратить их в куэйхизм.

Крозет прищурил глаза:

– И что дальше?

– Я поняла, что он врет.

– Ты предположила, что он врет, – произнес Крозет тоном учителя, поправляющего ученика.

– Нет, знала доподлинно – как если бы он разгуливал с табличкой «Лжец» на шее. Видела, что он врет как дышит.

– А еще кто-нибудь понял, кроме тебя? – спросила Линкси.

– Родители и брат не догадывались, но я тогда об этом не подозревала. Харбин кивнул и поблагодарил вербовщика, и я решила, что у взрослых какая-то своя загадочная игра. Брат задавал важные вопросы, и вербовщик отвечал дипломатично и уклончиво, как ему полагалось по службе, а я слушала и думала: ну всем же понятно, это сплошное вранье. Но в каком-то отношении, возможно, это была непростая ложь – иначе не объяснить, почему он так ясно давал понять, что кривит душой.

– И он действительно врал? – спросил Крозет.

– Врал и как будто хотел, чтобы я знала об этом. Постоянно как бы улыбался и подмигивал мне, хотя на самом деле не улыбался и не подмигивал... До этого чуть-чуть не доходило. Но видны его ужимки были только мне. Казалось, Харбин тоже должен видеть, но он ничего подозрительного не замечал. Вел себя так, словно принимал слова вербовщика за чистую монету. Он уже решил остаться с караваном, добраться до Вечного Пути.

Только тогда до меня начало доходить. Передо мной разыгрывалась какая-то сцена. И настойчивость, с которой все продолжали притворяться, мне несколько не нравилась. Меня не принимали в эту игру.

– Ты решила, что Харбину грозит опасность? – спросила Линкси.

– Видишь ли, тогда я не знала, как высоки ставки. Говорю же, мне было всего девять и я не разбиралась ни в религиях, ни в контрактах. Понимала только одно: Харбин расспрашивает о том, что для него крайне важно, на основании чего он решит, наниматься в церковь или нет, а вербовщик его дурит. Догадывалась ли я тогда, что брату грозит смертельная опасность? Нет. В ту пору, сказать по правде, мне было невдомек, что значит «смертельная опасность». Но я видела: что-то не так. И чувствовала, что только я одна это знаю.

– Девочка, которая всегда говорит правду, – сказал Крозет.

– Ерунда, просто никто не понимает меня, – проворчала Рашмика. – Теперь и я обманываю, как все нормальные люди. А вот раньше, довольно долго, не представляла себе, для чего нужна ложь. Встреча с этим вербовщиком – переломный момент; у меня будто глаза открылись. Мое сознание поняло то, что всегда было понятно подсознанию и чего другие не видели в упор.

– О чем ты? – взглянула на нее Линкси.

– Я могу сказать, врет человек или нет. Всегда точно определяю.

Крозет улыбнулся:

– Это ты так думаешь.

– Не думаю, а знаю, – сказала как отрезала Рашмика. – Еще ни разу не ошиблась.

Линкси сплела пальцы на колене:

– Когда от брата пришла последняя весточка? Или ты больше ничего не слышала о нем после того разговора у вербовщика?

– Он писал письма, как обещал. И от него регулярно поступали деньги. Но письма были пустые, холодные; такие кто угодно мог написать. Харбин не вернулся на Равнину Вигрид, и мы с ним больше не виделись. Мы не могли навестить его – слишком уж это хлопотно. Брат обещал в каждом письме, что возвратится... вот только промежутки между письмами все увеличивались. Сначала месяц, потом полгода... Потом одно письмо примерно в оборот. Последнее пришло два года назад. В нем почти ничего не было. Кажется, даже почерк был не его.

– А деньги? – осторожно спросила Линкси.

– Деньги приходили. Немного, но достаточно, чтобы прокормиться.

– Думаешь, его подмяли? – осведомился Крозет.

– Угу. Что так будет, я поняла еще при той беседе с вербовщиком, когда другие еще ничего не подозревали. Служба крови свой хлеб ест не зря.

– И что теперь? – спросила Линкси.

– Я хочу найти брата и узнать о его судьбе, – сказала Рашмика. – А вы что подумали?

– Церквям не нравится, когда кто-то сует нос в такие дела, – заметила Линкси.

Рашмика насупилась:

– А мне не нравится, когда мне врут.

– Знаешь, о чем я думаю? – сказал Крозет. – Церквям самое время заполучить Бога на свою сторону. Потому что без помощи высших сил им против тебя не устоять.

Глава седьмая

На подлете к Хеле, год 2615-й

«Дочь мусорщика» золотой искоркой летела в запыленном пространстве. Три часа назад Куэйхи расстался с Морвенной; его послание королеве и капитану «Гностического восхождения» – пакет волновых колебаний – унеслось сквозь вакуум, но пока еще не достигло цели. Отправителю представлялся свет фонаря далекого поезда, катящего в ночи по мглистому мате-рику. Мысли о невообразимом расстоянии, отделяющем Куэйхи от ближайшего разумного существа, вызывали дрожь.

Но он побывал и в более серьезных переделках. И в этот раз хотя бы питал надежду на успех. Мост на Хеле никуда не делся; это не фантом, не глюк в работе корабельного софта и не порождение страстной мечты что-то отыскать. И по мере приближения разведчика к планете росла вероятность того, что мост окажется чем-то большим, нежели просто образец инопланетной технологии.

На своем веку Куэйхи навиделся обманок, созданных природой, а на вид – словно творения изощренного конструктора, талантливого скульптора или роботизированного цеха, но не встречал ничего, хотя бы отдаленно похожего на этот мост. Чутье подсказывало, что причина возникновения моста – не геоморфологический процесс. Но тут встает вопрос: кем – или чем – создан мост? Ведь похоже, что систему 107-ю Рыб до Куэйхи никто не посещал.

Разведчик трепетал от жгучего восторга, благоговейного страха и безрассудного предвкушения.

Он чувствовал, как в крови просыпается индоктринационный вирус, как таившееся до поры чудовище открывает сонный глаз. Вирус всегда пребывал в организме Куэйхи, но обычно бездействовал, не беспокоил носителя ни во сне, ни наяву. Когда же он пробуждался, словно голос далекого водопада разбегался по жилам и в мозгу рождались пугающие видения. Куэйхи наблюдал витражные окна в небесах, слышал звуки органных труб в инфразвуковом гуле корректировочных двигателей своего кораблика, похожего со стороны на драгоценный камень.

Он заставил себя успокоиться. Отдаться на волю индоктринационного вируса – это последнее, что ему сейчас нужно. Пусть это случится позже, когда он вернется на борт «Доминатрикс», где уютно и безопасно. Там можно без риска превратиться в пускающего слюни и лепечущего всякую чушь идиота. В настоящий же момент ему необходима полная ясность сознания.

Чудовище зевнуло, снова погружаясь в сон. У Куэйхи отлегло от сердца.

Он вернулся мыслями к мосту, на этот раз осторожно, стараясь не поддаться благоговейному восторгу перед космическими просторами – восторгу, пробуждавшему в нем вирус.

Неужели он набрел на след человека? Где бы люди ни бывали, они везде мусорят. Корабли исторгают радиоизотопы, оставляя мерцающие пятна на поверхности планет и их спутников. Из скафандров и временных жилищ утекают атомы, создавая вокруг призрачную атмосферу. Брошенные маяки, сервроботы, топливные элементы и иной хлам всегда выдадут стоянку людей. Можно найти замерзшую мочу – маленькие желтые снежки составляют тонкие пояса вокруг планет. Чаше, чем хотелось бы, Куэйхи находил трупы со следами насильственной смерти.

Это было непросто, но у него развился нюх на такие вещи: он знал, где искать. А в системе 107-й Рыб следов пребывания людей не было.

Но кто-то же соорудил этот мост.

Возможно, это произошло сотни лет назад, думал он; к нынешнему времени обычные следы человеческого пребывания могли стереться. Но что-то должно было остаться, если только строители не прибрали за собой с исключительной тщательностью.

Никогда прежде он не слышал о возведении объектов такого масштаба. Для чего понадобилось такое чудо столь далеко от главных центров и торговых путей? Неужели вероятность посещения людьми 107-й Рыб казалась тогда высокой? А может, строители не желали, чтобы кто-нибудь увидел результат их трудов?

Но что, если именно таким и было их намерение: оставить здесь мост – нить, мерцающую в сиянии 107-й Рыб, – до тех пор, пока ее случайно не найдут? И теперь Куэйхи стал невольным участником древней космической шутки.

Но что-то ему подсказывало: это не так.

В чем он был уверен, так это в том, что было бы ужасной ошибкой сообщить Жасмине больше, чем он уже сообщил. И это притом, что он боролся с сильнейшим желанием доказать свою значимость. Доложи он на материнский корабль о важной находке, и его деятельность немедленно будет загнана в жесткие рамки. А предельно сжатое, сухое послание не дает для этого никакого повода. Он мог гордиться собой.

Снова зашевелился вирус, – возможно, на этот раз его пробудила фатальная гордыня. Необходимо обуздать эмоции...

Но было поздно: вирус уже перешел ту границу, до которой мог успокоиться естественным образом. И тем не менее судить о силе приступа было еще рано. Чтобы умиротворить микроорганизмы, Куэйхи пробормотал что-то на латыни. Иногда, если вирус заявлял о себе не слишком громко, это помогало.

Он снова переключил внимание на Халдору, словно пьяный, заставляющий себя сосредоточиться усилием воли на одной точке. Было бы обидно рухнуть на планету, которой Куэйхи только что дал имя.

Звездная номенклатура – сложная область космической культуры, чьи связи ограничены скоростью света. Любое мало-мальски значительное судно несет на борту базы с данными об открытых планетах и планетоидах, обращающихся вокруг различных звезд. В системах ядра – тех, что в пределах десятков световых лет от Земли, – нетрудно пользоваться списками имен, данных века назад, в первую волну освоения космоса. Но стоит чуть углубиться в девственное пространство, и номенклатура усложняется и путается.

По сведениям, которыми располагала «Доминатрикс», никто не давал названий мирам вокруг 107-й Рыб, но это могло означать, что такая информация попросту не поступила в корабельную базу. Не стоило забывать, что архив мог не обновляться десятилетиями; анархисты-ультра предпочитали прямой обмен информацией между своими кораблями, пренебрегая официальными обращениями к планетарным правительствам. При встрече двух или более субсветовиков ультра сравнивали и обновляли свои номенклатурные таблицы. Если на одном корабле обнаруживались названия миров и географических объектов на их поверхности, отсутствующие в базе второго корабля, этот второй корабль, как правило, дополнял свою базу. Новое название снабжалось соответствующим флажком, который снимался только после того, как третий корабль подтверждал это название как общепринятое. Если две базы данных противоречили друг другу, корабли обновляли сразу обе, регистрируя для каждого планетарного тела два названия как вероятные. Если три корабля и более отмечали нестыковку, таблицы топонимов сравнивались в аспекте частотности употребления названия. В этом случае малоиспользуемое стиралось или сохранялось для спорных случаев или неофициальных описаний объектов. Если открывали новую систему, то постепенно данные ей названия обосновывались в архивах большинства кораблей, и этот процесс порой растягивался на десятилетия. Архив Куэйхи, разумеется, не превосходил точностью базы «Гностического восхождения». Королева-ультра Жасмина не отличалась общительностью, так что, возможно, эта система уже

имела название. В этом случае любовно подобранные Куэйхи имена постепенно будут выполоты из баз, как сорная трава; если и сохранятся, то лишь как призрачные упоминания на нижнем уровне корабельного сознания.

Но сейчас – и, возможно, на несколько ближайших лет – система принадлежит ему.

Куэйхи назвал планету Халдорой, и пока не придет опровержение, это имя будет официальным, как и другие, – хотя он просто взял более или менее подходящие неиспользованные названия из номенклатурной таблицы. Но не стоило ли ему подбирать имена с большей тщательностью – на тот случай, если система прославится? А это непременно случится, коль скоро выяснится, что мост существует на самом деле.

Куэйхи улыбнулся. Пока что имена кажутся подходящими; он успеет найти другие названия, если захочет.

Разведчик проверил расстояние до Хелы: чуть более ста пятидесяти тысяч километров. Отсюда освещенный лик планеты казался диском из грязного льда, с пастельными тенями цвета пемзы, охры и светлой бирюзы. Когда же Куэйхи сократил дистанцию, объект приобрел отчетливую трехмерность, вырос навстречу, уподобился человеческому глазу без зрачка.

Хела была мала лишь по меркам стандартных планет земного типа. Для луны она выглядела достаточно солидно: три тысячи километров от полюса до полюса при средней плотности, которая помещала ее на верх списка посещенных Куэйхи планетных спутников. На шарике почти отсутствовали метеоритные кратеры. Говорить об атмосфере не приходилось, но достаточно сложный рельеф свидетельствовал о недавних геологических процессах. На первый взгляд Хела была сцеплена приливными силами с Халдорой и всегда обращена к ней одной стороной, но картографические программы быстро установили медленное остаточное вращение. В случае существования приливной связи обращение планеты вокруг своей оси точно соответствовало бы одному сорокачасовому витку по орбите. Земная луна вела себя именно так, и большая часть известных Куэйхи спутников перемещались подобным же образом: для наблюдателя, стоящего в любой точке поверхности, больший мир, будь это Земля или газовый гигант вроде Халдоры, всегда висит на одном и том же месте.

Но Хела вела себя иначе. Даже если отыскать на ее экваторе такое место, чтобы Халдора висела точно над головой, закрывая собой двадцать процентов неба, бульшая планета будет перемещаться. За одну сороковую орбиты Хелы газовый гигант сдвинется примерно на два градуса. Через восемьдесят стандартных дней – чуть больше двух стандартных месяцев – Халдора опустится за горизонт Хелы. Через сто шестьдесят дней Халдора начнет восходить с другой стороны горизонта. Через триста двадцать дней Халдора вновь окажется в исходной точке цикла, строго в зените.

Погрешность вращения Хелы – отклонение от точного приливного периода – составляла одну двухсотую. Установление приливной связи – неизбежный результат действия сил трения между парой обращающихся друг близ друга космических тел, притом что это чрезвычайно медленный процесс. Вполне возможно, что Хела замедляла свое вращение, приближаясь к Халдоре, но еще не достигнув полного соответствия орбитального обращения осевому. Возможно также, что в прошлом она получила встряску: столкновение по касательной с другим телом сместило спутник. Еще вариант – возмущение орбиты гравитационными силами массивного третьего тела.

Не зная подлинной истории этой планетной системы, Куэйхи мог строить сколь угодно правдоподобные версии. Это раздражало, как часы, всегда показывающие почти точное время. Такие аргументы годятся лишь в споре с приверженцем теории божественного происхождения космоса: скажи-ка, почему Создатель допустил этакое несовершенство, ведь все, что от Него требовалось, – легкий толчок, который вывел бы спутник на правильную орбиту?

В крови шевелился, разогревался вирус, ему не нравились подобные мысли.

Усилиями воли Куэйхи снова вернулся к безопасной теме топографии Хелы. Нельзя ли из этого контекста вычлениить какие-нибудь сведения о происхождении моста? Он тянулся с востока на запад, словно его ориентировали точно по вращению Хелы, и находился почти у экватора, пересекая гигантский каньон, одну из самых приметных геоморфологических формаций. Линейная впадина начиналась у северного полюса и наискосок шла на юго-запад через экватор. Ширина и глубина возле экватора были наибольшими, однако ничто по сравнению с протяженностью впадины.

Рифт Гиннунгагапа – такое название дал ей Куэйхи.

На западе в северном полушарии имелся горный массив, обширная область, которую первооткрыватель назвал Нагорьем Западный Гирроккин. Восточный Гирроккин огибал полюс и с фланга заходил Рифту в тыл. На юге у западных границ Гиннунгагапа, но севернее экватора, обнаружилась формация, которую Куэйхи решил наречь Кряжем Золото-в-Вереске. Еще одна горная цепь, южнее экватора, получил имя Гульвейг. Рассматривая тропики на западе, Куэйхи отметил Косогор Гудбранда, Плоскогорья Келды, Равнину Вигрид, Гору Йорд... От названий приятно веяло стариной, они создавали ощущение, что у этого мира есть богатая история, что здесь пролегла граница покорения космоса и пионеры совершали свои эпические странствия, преодолевая невероятные трудности и совершая легендарные подвиги.

Естественно, через некоторое время внимание исследователя вернулось к Рифту Гиннунгагапа и пересекающему его мосту. Детали пока оставались неразличимыми, но уже было видно, что конструкция моста чрезвычайно сложна, что он слишком изящен для природного образования, – это никак не может быть переброшенный через пропасть, обработанный эрозией язык горной породы. Мост построили разумные существа, и похоже, это были не люди.

Не то чтобы возведение такого моста было за пределами человеческих возможностей – за последнюю тысячу лет в космосе появилось немало рукотворных чудес. Но то, что люди способны создать такое диво, вовсе не означает, что они это сделали.

Ведь планета Хела очень далека от освоенных мест. Люди не имеют ничего общего со строителями этого моста.

Вот инопланетяне – дело другое.

За шестьсот лет освоения межзвездного пространства человечеству так и не удалось встретить разумную технологическую культуру. Но когда-то такие существовали. Имелись сведения о десятке развитых цивилизаций, и они существовали в малом объеме космоса, на горстке систем в пределах считанных световых лет от Первой Системы. Никто даже гадать не брался, сколько сотен или даже тысяч угасших культур оставили свои следы в бескрайней Галактике. Кем были давние обитатели Хелы? Зародилась ли эта культура на обледелом спутнике, или обледелый спутник – лишь остановка на пути какой-то забытой древней диаспоры?

Как выглядели здешние жители? Принадлежали ли к одной из известных цивилизаций?

Но не стоит забегать вперед. Эти вопросы можно решить позже, когда Куэйхи осмотрит мост и определит его вещественный состав и возраст. Подлетев ближе, он увидит подробности. Там могут найтись артефакты, которые однозначно свяжут Хелу с уже изученными цивилизациями. Возможно и другое: артефакты укажут на то, что это совершенно новая культура, доселе неизвестная.

В любом случае его находка бесценна. Жасмина сможет хоть целый век контролировать доступ к мосту. Вернет потерянные лет двадцать-тридцать назад престиж и репутацию. И пусть она теперь не испытывает симпатий к Куэйхи, нет сомнений, что он получит заслуженную награду.

Загудел пульт «Дочери мусорщика» – радар впервые уловил эхо. Там, внизу, что-то металлическое. Небольшой предмет недалеко от моста в стене Рифта.

Куэйхи настроил радар, убеждаясь, что эхо – не ошибка. Нет, оно не исчезло. А в том, что его не было раньше, должно быть, виновато расстояние, ведь чувствительность датчиков не идеальна. С борта «Доминатрикс» ничего подобного не увидишь.

Куэйхи приуныл. Сколько он убеждал себя, что следов людей здесь нет, а теперь наткнулся на след, и это запросто может оказаться брошенным мусором.

– Не пори горячку, – сказал он себе.

Когда-то Куэйхи обследовал спутник поменьше Хелы и на его поверхности кое-что заметил. Забыв обо всем, он ринулся туда – и поймал эхо, похожее на здешнее, регистрируемое сейчас его радаром. Он рванул прямо на этот отблеск, презрев осторожность.

Это была ловушка. Проломив поверхностный лед, наружу вырвался мощный излучатель частиц и взял на прицел его корабль. Меткий выстрел пробил дыру в корпусе, чуть не изжарив Куэйхи. Ему удалось уйти из-под огня, круто взмыв вверх, но он едва не лишился корабля и жизни. Он вылечил раны и починил корабль, но и спустя много лет тщательно искал признаки подобных ловушек. В космосе оставлено немало автоматических стражей, защищающих чье-то имущество или застолбленные месторождения. Иной хозяин давно превратился в прах, а робот продолжает беречь его сокровища.

В тот раз Куэйхи повезло: робот-часовой, или что это было, оказался неисправным, выпущенный им луч – не слишком мощным. Разведчик легко отделался, получив от судьбы строгое предупреждение, совет не лезть в воду, не зная броду. И в этот раз Куэйхи грозила серьезная опасность совершить такую же ошибку.

Куэйхи проанализировал свои возможности. Эхо металлического объекта – предвестник разочарования, оно порождает сомнение в древности и инопланетном происхождении моста. Но проверить это Куэйхи не мог, оставаясь вдали от объекта. Если там на самом деле охран- ный автомат в засаде, то «Дочь мусорщика» угодит под его огонь. Но это хороший корабль, напомнил он себе, маневренный, умный и неплохо вооруженный. Знающий уйму хитрых уло- вок, маневров отхода и уклонения.

Рефлексы мало что значат против релятивистского оружия вроде лучевых пушек, но «Дочь» будет следить за источником эха на тот случай, если перед выстрелом там начнется движение. Едва корабль увидит что-нибудь потенциально опасное, он с ускорением в несколько *g* выполнит маневр уклонения, выстроенный генератором случайных векторов и исключаю- щий точную стрельбу с упреждением. Кораблю известны параметры физической выносливо- сти Куэйхи, и тому не грозит смерть от перегрузки – хотя, конечно, приятного будет мало.

Если же противник всерьез разозлит «Дочь мусорщика», она пустит в ход собственные системы обороны и нападения.

– Все будет хорошо, – сказал себе Куэйхи. – Мы долетим, осмотримся, потом выберемся и еще посмеемся.

Но нужно было подумать о безопасности Морвенны. «Доминатрикс» чрезвычайно далеко отсюда, но она неповоротлива и медленно соображает. Вряд ли излучатель частиц достанет туда, но полностью такую возможность исключать нельзя. Кроме того, у стража может быть и другое оружие, например самонаводящиеся ракеты. А что, если на поверхности спутника размещена целая сеть боевых роботов, связанных друг с другом?

«Черт побери, – подумал он, – может, тут и нет никакого часового. Может, это просто камень с высоким содержанием железа или выброшенный топливный бак».

Но следовало исходить из худшего. Он должен позаботиться о Морвенне. И ему нужна «Доминатрикс», чтобы вернуться к королеве Жасмине. Он не может подвергать риску ни свою любовницу, ни корабль, ставший на неопределенный срок тюрьмой для Морвенны. Но и отступить он не согласен. Как же уберечь женщину и корабль, не дожидаясь, пока пройдет несколько часов и «Доминатрикс» отлетит от Хелы на безопасное расстояние?

Ответ был очевиден. Этот ответ практически висел у разведчика перед носом; красивый в своей простоте, он подразумевал эффективное использование планетарных ресурсов. Почему Куэйхи не подумал об этом раньше?

Он укрое корабль за Халдорой.

Сделав необходимые приготовления, Куэйхи установил связь с Морвенной.

Арарат, год 2675-й

Васко с интересом следил за приближением большой земли. Полет над темным океанским простором затянулся, и теперь юноша радовался первым признакам жилья. Огни поселений, рисующие дуги и петли по берегам полузнакомых бухт, полуостровов и островков, с высоты казались зыбкими, недолговечными. И даже когда показались окраины Первого Лагеря, впечатление осталось прежним – искры над костром, способные погаснуть в любой миг.

Васко с молодых ногтей усвоил, что жизнь поселенцев Арарата никогда не была спокойной и безопасной. Но если раньше он это понимал, то сейчас – увидел и прочувствовал.

Он проделал окно в борту шаттла, очертив пальцем участок, который тотчас обрел прозрачность. Этому парня научил Клавэйн, продемонстрировав фокус чуть ли не с гордостью. Васко догадывался, что снаружи корпус остался темным металлом и что сам он смотрит на экран, в точности имитирующий оптические свойства стекла. Но когда имеешь дело со старой технологией – а шаттл несомненно был продуктом таковой, – ни в чем нельзя быть уверенным.

Васко твердо знал только одно: что сподобился лететь по небу в шаттле. Никто из его друзей не может похвастаться таким приключением.

Скорпион повел транспортное средство на посадку, отдавая приказы через браслет. Васко смотрел, как спускающийся из облаков шаттл увлекает за собой спирали тумана и теплого воздуха. По бокам судна, цветом схожего с обсидианом, а дельтовидной формой – со скатом мантий, мигали красные и зеленые огни.

По меньшей мере треть нижней поверхности крыла испускала больно режущий глаза свет: батареи, фрактально изломанных термоэлементов, окруженных коконами актинически яркой, пурпурно-индиговой плазмы. Из охлажденных мест в корпусе вынырнули сложной конструкции когтистые опоры, они удлинялись и раскладывались в гипнотизирующем танце поршней и петель. На верхней части корпуса мигали неоновые узоры, обозначая входные люки, горячие участки и выпускные клапаны.

Шаттл отметил расположение своей посадочной площадки, развернулся и с элегантной точностью коснулся земли. Опоры согнулись, гася инерцию. На мгновение рев плазменных нагревателей стал оглушительным, потом с пугающей внезапностью оборвался. Плазма погасла, оставив после себя лишь неприятный запах гари.

Васко и раньше видел проносящиеся над колонией летательные аппараты, но только издали, и это было восхитительное зрелище! Ничего удивительнее юноше наблюдать не приходилось.

Они встали и втроем двинулись к трапу. Почти добрались до земли, когда Клавэйн оступился и чуть не упал. Оба спутника кинулись к сочленителю, но первым успел Васко и принял на себя вес Клавэйна. Он испытал одновременно облегчение и шок – старик оказался поразительно легким, словно мешок соломы.

Васко резко и громко втянул воздух – этот звук перекрыл даже шум транспорта, напоминающий шипение парового котла.

– Все в порядке, сэр? – спросил юноша.

Клавэйн мрачно взглянул на него.

– Я уже немолод, – ответил он. – Не стоит ждать от меня слишком многого.

Вспоминая несколько часов, проведенных с Клавэйном, Васко понял, что не узнал о нем почти ничего. На борту шаттла удалось поговорить со стариком, и были минуты, когда тот проявлял почти дружеское участие, расспрашивал о семье, хвалил за толковые вопросы, шутил и смеялся шуткам юноши, как старый знакомый. Но то и дело Клавэйн становился холодным и далеким, точно ледяная комета.

И хотя такие перемены в настроении происходили внезапно, они всегда сопровождались появлением отсутствующего выражения на лице, словно окружающее вдруг совершенно переставало интересовать старика.

В первый раз, когда это случилось, Васко решил, что чем-то расстроил Клавэйна. Но очень скоро он заметил, что старик неразговорчив и со Скорпионом, и понял, что эта рассеянность имеет мало общего с недовольством или неприязнью. Так ведет себя радиоприемник, время от времени теряющий неустойчивый сигнал. Сочленитель то уходил в свои мысли, то рывком возвращался к действительности. Поняв это, Васко перестал тревожиться о том, что сказал или сделал в присутствии Клавэйна. Зато поведение старика, которого они с такой помпой везли в колонию, начало беспокоить его. Какие мысли обуревают Клавэйна, когда тот перестает видеть собеседников? Возвращаясь к общению с ними, Клавэйн кажется таким же нормальным, как и любой из знакомых Васко. Но и картина, которую юноша видит за иллюминатором, кажется нормальной; вот только куда ни сверни, полетишь от уютного света в жуткую и непредсказуемую тьму, потому что тьмы гораздо больше, чем света.

Вдруг одно из пятен мглы привлекло его внимание своей необычностью – оно вклинивалось в россыпь огней большого поселка. Он наморщил лоб, роясь в памяти: что это за место и почему не освещено? Может, широкий канал, вдающийся вглубь крупного острова?

Шаттл заложил вираж, угол обзора изменился. Полоска тьмы наклонилась, поглотив одни светлые точки и исторгнув другие. В голове будто шелкнуло, и в следующий миг он понял, что видит перед собой гигантскую конструкцию. Ее необычайная высота и вытянутая форма угадывались лишь по заслоненным ею огням, но стоило Васко сообразить, что чернеет перед ним, как воображение без труда дорисовало детали. Конечно же, это Морская Башня, возвышающаяся в нескольких километрах от старейшего из поселков – места, где он родился.

Морская Башня. Корабль. «Ностальгия по бесконечности».

Васко никогда не видел субсветовик вблизи – лодкам запрещалось подходить к нему без крайней надобности. Он знал, что начальство бывает на корабле и время от времени туда летают шаттлы, словно комар вьется на фоне покрытой наростами, потрепанной непогодой видимой части корпуса. Похоже, Скорпион знал о «Ностальгии» все, но для Васко это была одна из многих тем, которые он решил ни в коем случае не затрагивать, когда сопровождал свинью в плавании к острову Клавэйна.

С высоты полета шаттла «Ностальгия по бесконечности» выглядела громадиной, но уже не казалась Васко таким далеким циклопическим природным образованием, каким представлялась всю жизнь. Глядя на корабль, раз в сто превосходящий размерами самую большую постройку из плавника на архипелаге, он не мог не испытывать головокружение. Корабль стоял значительно ближе к берегу, чем Васко представлялось раньше: скорее придаток колонии, чем высящийся поодаль страж. «Ностальгия» не производила впечатления хрупкости и неустойчивости, но, несомненно, выглядела творением человеческих рук, точно так же находящимся во власти океана, как и все остальное на планете.

Этот корабль привез свой живой груз на Арарат и погрузился на километровую глубину, достав дно. В распоряжении колонистов было несколько шаттлов, позволявших выходить на орбиту, но только «Ностальгия» могла вывезти людей за пределы звездной системы, в открытый космос.

Обо всем этом Васко знал с детских лет, но по-прежнему не понимал, до какой степени поселенцы зависимы от субсветовика, их единственного средства покинуть планету.

Чем ниже опускался шаттл, тем более четкие очертания принимали огни: уличные фонари и открытые очаги базаров. Это было хаотично застроенное шатками лачугами место на окраине Первого Лагеря. Самые высокие дома – из плавника, найденного на берегу или выловленного из океана сборщиками строительного материала. Из-за этого постройки походили на огромные морские раковины. Но добывать плавник было непросто, поэтому большин-

ство домов сделали из более традиционных материалов. В поселке имелось несколько надувных куполов, и некоторые не уступали по величине постройкам из плавника. Но пластика для возведения и ремонта куполов не хватало. Гораздо проще оказалось добывать все необходимое из недр корабля, поэтому чаще попадались на глаза металлические листы и профили. Приземистые кубистические сооружения из них расплзались во все стороны, образуя хлипкие трущобы; редкая постройка имела три этажа. Купола из пластмассы и дома из плавника торчали из металлических кварталов, словно волдыри. Улицы – паутины изломанных теней – освещались разве что фонарями случайных прохожих.

Шаттл проскользнул над границей тьмы и завис на окраине, над группой построек, которую Васко раньше не видел: купол в окружении металлических домов. Весь ансамбль имел более официальный вид, чем любая другая часть города. Юноша быстро сообразил, что это один из секретных административных комплексов. Совет людей и свиней, управлявший колонией, имел отделение в городке, но все знали, что у начальников есть места для безопасных тайных встреч, не нанесенные на гражданские карты.

Вспомнив объяснения Клавэйна, Васко приказал окну закрыться и стал дожидаться посадки. Она бы прошла незамеченной, если бы оба спутника не двинулись вдруг через салон в сторону посадочного трапа. С запозданием Васко сообразил, что в шаттле вообще нет пилота.

Пассажиры спустились на обожженные каменные плиты посадочной площадки. В последнюю минуту включились прожекторы, залив все вокруг ледяной голубизной. Клавэйн был в том же пальто, только натянул бесформенный черный капюшон, раньше прятавшийся под воротником. Низкий и широкий капюшон бросал тень на все лицо; Васко едва узнавал человека, которого они нашли на острове. Во время полета Скорпион помог Клавэйну немного привести себя в порядок, подстриг ему бороду и волосы.

– Сынок, не смотри на меня с таким истовым благоговением, – сказал Клавэйн.

– Простите, сэр. Вообще-то, я ничего похожего не испытываю.

Скорпион похлопал Васко по спине:

– Не робей перед ним. Это же просто старый вонючий отшельник, которого мы нашли на острове.

На огражденной территории было полно машин. Они неясными силуэтами вздымались по сторонам от прибывшего шаттла или угадывались в темных промежутках между пятнами света. Тут были колесные автомобили, один-два вездехода на воздушной подушке и вертолет скелетного типа. Васко заметил два летательных аппарата с обтекаемыми корпусами на самом краю посадочной площадки. Он не знал, способны ли эти шаттлы выходить на орбиту или предназначены только для полетов в атмосфере.

– Сколько шаттлов на ходу? – спросил Клавэйн.

Скорпион ответил после секундной заминки – должно быть, прикидывал, о чем можно говорить в присутствии Васко:

– Четыре.

Сделав еще дюжину шагов, Клавэйн хмуро проговорил:

– Когда я переселялся на остров, исправных шаттлов было пять или шесть. Скорп, мы не можем их терять.

– А как быть, если ресурсов в обрeз? Но мы делаем все возможное. Надеюсь, некоторые шаттлы снова полетят, но обещать не могу.

Скорпион вел спутников к ближайшему приземистому металлическому зданию из тех, что окружали купол. Как только высадившиеся люди удалились от шаттла, несколько машин выступили из тени и покатали к нему, протягивая манипуляторы или таща за собой кабели и шланги. Своими движениями механизмы наводили на мысль о раненых морских чудовищах, волочащих по берегу изорванные щупальца.

– А мы сможем срочно улететь, если понадобится? – спросил Клавэйн. – Остальные шаттлы хотя бы до орбиты дотянут, когда прибудет «Свет Зодиака»? Насчет полноценных космических полетов речи нет, но хотя бы несколько коротких челночных рейсов...

– У «Света Зодиака» есть собственные шаттлы, – ответил Скорпион. – Но даже если их нет, один корабль для полетов к орбите у нас имеется.

– Лучше молиться и надеяться, что его никогда не придется использовать, – проворчал Клавэйн.

– К тому времени, когда нам понадобятся шаттлы, мы будем знать, что происходит, – пообещал Скорпион.

– А тебе не приходило в голову, что шаттлы могут понадобиться сегодня вечером?

Они подошли к куполообразному зданию. Навстречу типичной походкой свиньи, даже, пожалуй, нарочно раскачиваясь, выступил старый знакомый Клавэйна. Он был пониже Скорпиона и поплотнее – хотя куда уж больше. Плечи имел до того широченные, что руки казались подвешенными маятниками. И вообще выглядел этот тип жутко – такому не составит ни малейшего труда завалить человека и оторвать ему конечности одну за другой.

Свинья ожег Васко взглядом и нахмурился, избородив лоб глубокими морщинами:

– Чего вытаращился, парень? Не нравлюсь?

– Нет, сэр, все в порядке, – торопливо ответил Васко.

– Спокойно, Кровь, – подал голос Скорпион. – У Васко был трудный день, слишком много впечатлений сразу. Верно я говорю, сынок?

– Верно, сэр.

Свинья кивнул Клавэйну:

– Рад встрече, старина.

На подлете к Хеле, год 2615-й

Куэйхи был еще недалеко от Морвенны, и они могли говорить без временного лага.

– Тебе не понравится мой замысел, но я забочусь о нас обоих.

– Ты обещал вернуться как можно скорее, – пришел сквозь треск статики ответ.

– И сдержу слово, не опоздаю ни на минуту. Между прочим, я в первую очередь забочусь о тебе.

– О чем ты? – спросила Морвенна.

– Мне подумалось, что на Хеле может быть не только мост. Не хочется зря рисковать. Я зафиксировал металлический объект, у него устойчивое эхо. Возможно, он не опасен... Да наверняка не опасен, но все же нельзя полностью исключить, что это сторожевой робот. Я на таких уже наткался и получил кучу неприятностей.

– Тогда возвращайся, – ответила Морвенна.

– Извини, не могу. Мне очень нужно осмотреть этот мост. Если я не добуду здесь ничего ценного, Жасмина меня на клочки порвет.

Он не стал уточнять, чем это грозит Морвенне, которую только Грилье способен извлечь из резного скафандра.

– Но нельзя же очертя голову лезть в пекло!

– Да я-то как-нибудь выкручусь, «Дочь» в беде не бросит. Но если там кто-нибудь проснется и начнет палить во все, что увидит, то может достаться и «Доминатрикс».

– И что ты собираешься делать?

– Я думал вывезти тебя из системы Халдоры, но это требует слишком много времени и топлива. Вот идея получше: используем местные ресурсы. Халдора – прекрасный щит, широкий и толстый. Хватит ей бездельничать; я сделаю так, чтобы она оказалась между тобой и Хелой с ее ловушками. Пусть бездельница поработает.

Морвенна несколько секунд обдумывала это предложение, а когда заговорила, в ее голосе звучала тревога:

– Но это значит...

– Да, это значит, что у нас не будет связи. Но совсем ненадолго.

Он продолжил, прежде чем Морвенна успела протестовать:

– Я запрограммирую «Доминатрикс», чтобы через шесть часов она вернулась на свое теперешнее место относительно Хелы. А ты поспи. Даже соскучиться не успеешь, как я вернусь.

– Не нужно этого делать, Хоррис. Я хочу все время тебя слышать.

– Всего шесть часов.

Когда она заговорила снова, голос не стал спокойнее, но Куэйхи расслышал в нем новую нотку. Морвенна поняла: спорить бесполезно.

– Но если что-то случится, если вдруг я тебе понадобится или ты мне, мы не сможем связаться.

– Шесть часов, – сказал он, – это триста с чем-то минут. Пустяки. Глазом моргнуть не успеешь.

– Хотя бы повесь ретранслятор...

– Вряд ли стоит. Я могу поместить на орбите Халдоры пассивный отражатель, но он приведет к тебе самонаводящуюся ракету. Да и возня с этим хозяйством отнимет несколько часов. Не стоит оно того.

– Я боюсь, Хоррис. Не хочу, чтобы ты летел.

– Дорогая, я должен, – ответил он.

– Пожалуйста, вернись.

– Боюсь, поздно, – мягко возразил Куэйхи, – я запрограммировал «Доминатрикс», она уже летит. Через тридцать минут ты будешь в тени Халдоры.

Наступила тишина. Он испугался, что связь оборвалась раньше времени, что в его расчеты закралась ошибка. Но потом Морвенна спросила:

– Зачем же ты уговаривал меня, если все решил?

Глава восьмая

Хела, год 2727-й

В первый день они ехали очень долго, чтобы набрать максимально возможную дистанцию между собой и поселком. Час за часом скользили по заметенным снегом колеям, пересекая медленно меняющийся рельеф под мрачным небом. Время от времени проезжали мимо башни ретранслятора или дорожного поста; иногда попадались встречные машины.

Постепенно Рашмика привыкла к усыпляющему покачиванию ледоката и научилась ходить внутри его, не теряя равновесия. По большей части она сидела в своем уголке, подтянув колени к подбородку, смотрела в иллюминатор и воображала, что в каждой замеченной скале и льдине таится частица инопланетной империи.

Она много думала о вертунах, аккуратным почерком исписывая страницы своей тетради, сопровождая подробные штриховые рисунки пояснительными подписями.

Девушка выпила чай и кофе, поела и поговорила с Кулвером, всего пару раз, хотя он изъяснял желание пообщаться многократно.

Планируя побег – хотя «побег» не совсем верное слово, поскольку Рашмика ни от кого и ни от чего не бежала, – она почти не думала о том, что будет делать, когда выберется из поселка. Лишь несколько раз позволяла своим мыслям свернуть в это русло, и всегда представлялось, что она испытает огромное облегчение, когда самое трудное будет позади.

Но получилось совсем иначе. Волнение и тревога, одолевавшие ее по пути к шлюзу в подземном жилище, исчезли, но лишь потому, что долго пребывать в таком состоянии нельзя. От них осталось что-то вроде тугого узелка в животе. Возможно, это оттого, что теперь она много думала о будущем, пыталась проникнуть мыслью в *terra incognita*. Опасной громадиной впереди замаячила встреча с церковниками. Но и то, что осталось за спиной, изрядно беспокоило девушку. Три дня, или даже шесть, не слишком большой срок. Но так ей казалось раньше, до отъезда, а теперь она считала часы. В поселке, наверное, уже поняли, что произошло, и снарядили погоню. Воображение рисовало, как полицейские мчатся за ледокатом на своих быстрых машинах. Никто из односельчан не питает теплых чувств ни к Линкси, ни к Крозету. Обязательно решат, что эта парочка подбила Рашмику к бегству, что только таким людям могут прийти в голову негодные мысли. Их всех поймают – и девчонку, скорее всего, выпорют, а взрослых разорвет толпа.

Но признаков погони не было. По счастью, машина Крозета шла быстро. Несколько раз они поднимались на взгорки и осматривали десять-двенадцать километров пройденного пути. Никого.

Несмотря на все заверения Крозета, что короче дороги нет и быстрее двигаться невозможно, напряжение не отпускало Рашмику. Время от времени, чтобы немного успокоить ее, Крозет включал радио, но в динамиках шипела статика. В этом не было ничего удивительного, ведь на Хеле радиоэфир полностью зависит от причуд то и дело прокатывающихся магнитных бурь. Были и другие способы связи – прямой лазерный луч между спутниками и наземными станциями, волоконно-оптические линии, – но почти всеми этими каналами владели церкви, и Крозет не был подписан ни на одну из таких услуг. По его словам, специально ими не пользовался, чтобы не привлекать внимания.

Все же ему удалось наконец настроиться на некодированную передачу с Равнины Вигрид, и Рашмика прослушала сводку ежедневных местных новостей. Услышанное противоречило ее ожиданиям. Речь шла об обвалах в ходе раскопок, об отключении электричества и тому подобных рядовых проблемах – и ни слова об исчезновении человека. В свои семнадцать лет Раш-

мика официально находилась под опекой родителей, так что они имели полное право заявить о пропаже. Более того, не объявив о ее бегстве, родители нарушали закон.

Это обеспокоило Рашмику, и даже больше, чем она согласилась бы признать. С одной стороны, она хотела ускользнуть из поселка незаметно. С другой – ребячески переживала оттого, что никто не хватился пропажи. Она была вовсе не против, чтобы за нее испугались.

Подумав еще немного, девушка предположила, что родители просто решили подождать несколько часов. Ведь ее не было дома всего лишь полдня. Она часто уходила по своим делам, засиживалась в библиотеке. Может, родители решили, что Рашмике не спалось и она встала раньше обычного. Может, пока не нашли оставленную записку и не заметили, что в шкафчике недостает скафандра.

Но прошло шестнадцать часов – а в новостях молчок.

Привычки Рашмики не отличались постоянством, и родители не беспокоились, если она где-то пропадала часов по десять-двенадцать. Но через шестнадцать – должны были встревожиться, даже если каким-то чудом не заметили остальных улик. И, не найдя дочь нигде поблизости, они были бы вынуждены обратиться к властям.

Что будет дальше? Действия полиции Равнины Вигрид никогда не отличались эффективностью. Быть может, заявление об исчезновении Рашмики просто не попало на нужный стол. Принимая во внимание бюрократическую инерцию на разных уровнях, нельзя исключать, что колесики закрутятся только завтра. Хотя, возможно, властям уже все известно, но по каким-то причинам они решили не сообщать в новостях. В это хотелось верить, и все же Рашмика не могла вообразить причину такой задержки. Как бы дело ни обстояло, за ближайшим поворотом может подстерегать полицейский патруль.

Но Крозет явно не боялся встречи с полицией, гнал ледокат как ни в чем не бывало. Эту дорогу он знал как свои пять пальцев, и казалось, что машина сама понимает, когда нужно свернуть.

На исходе первого дня пути, перед остановкой на ночлег, они снова поймали новости. С момента ухода Рашмики из дома прошло более двадцати часов – и никаких признаков того, что это замечено. Девушка приуныла, – не иначе, она переоценила собственную персону и ее исчезновению нет места даже среди самых мелких событий в истории Равнины Вигрид.

Но вдруг ее осенило, и она даже опешила: как же сразу не догадалась?! Запоздалый ответ выглядел куда правдоподобней, чем все обдуманное ею ранее возможности.

Ее родители прекрасно понимают, что она сбежала. Понимают они также, куда направилась дочь. Она не распространялась в оставленной записке о своих планах, но родителям не составило труда догадаться. Скорее всего, им даже известно, что Рашмика не прекратила общаться с Линкси после скандала.

Да, родители знают, что она так поступила из-за брата. Догадываются, что любовь к нему, а если не любовь, то гнев заставил ее отправиться в путь. А никому ничего не сказали по вполне понятной причине: несмотря на то что внушали Рашмике все эти годы (в частности, что с церквями связываться опасно), они хотели, чтобы дочь добилась своего. И в душе гордились сделанным ею выбором.

Как только она это поняла, все мгновенно встало на свои места.

– Это нормально, – сказала она Крозету. – В новостях обо мне ничего не скажут.

Он пожал плечами:

– Откуда такая уверенность?

– Я кое-что поняла.

– Тебе нужно хорошенько выспаться, – сказала Линкси.

Рашмика с благодарностью приняла у нее горячий шоколад. В тот миг ей казалось, что в жизни не приходилось пробовать напиток вкуснее.

– Прошлой ночью я плохо спала, – призналась Рашмика. – Все думала о сегодняшнем утре, волновалась.

– Все прошло как по маслу, – заверила ее Линкси. – Когда вернешься, поселок будет тобой гордиться.

– Надеюсь, – буркнула Рашмика.

– Я только один вопрос хочу задать, – сказала Линкси. – Не хочешь – не отвечай. Это из-за брата? Или есть что-то еще?

Вопрос застал Рашмику врасплох.

– Конечно из-за брата.

– Просто о тебе судачат, – продолжала Линкси. – Всем известно, что ты пропадаешь на раскопках и вечно что-то записываешь в тетрадь. В поселке никто так не интересуется вертунами, как Рашмика Эльс. Говорят, ты даже шлешь письма в спонсируемые церквями археологические партии и участвуешь в дискуссиях.

– Я действительно интересуюсь вертунами и ничего не могу с этим поделать, – ответила девушка.

– А можно узнать, что за шлея тебе попала под хвост?

Насмешка в вопросе была добродушной, но Рашмике не удалось скрыть раздражение.

– В смысле?

– В смысле: с чего ты взяла, что все совершенно не правы?

– Тебе это в самом деле интересно?

– Ну да. Хотелось бы знать и твою точку зрения.

– Но по большому счету тебе наплевать, кто прав, а кто нет? Пока найденное в раскопках удастся продавать, кому какое дело, что случилось с вертунами? А конкретно тебе и твоему мужу вообще на все плевать, вас интересуют только запчасти к ледокату.

– Эй, юная леди! – осадила ее Линкси. – Не забываем о манерах.

– Извини. – Рашмика покраснела и хлебнула шоколада. – Я не то имела в виду. Но мне действительно хочется знать, что произошло с вертунами, а еще я уверена, что всем остальным нет никакого дела до их судьбы. Которая, между прочим, наводит на мысли об участии амарантийцев.

– Кого-кого? – взглянула на нее Линкси.

– Амарантийцы – раса, населявшая Ресургем. Они произошли от птиц.

Рашмика вспомнила нарисованного в тетради амарантийца, и это было не изображение скелета, а портрет живого существа: блеск птичьего глаза, лукавая улыбка клюва, плавные кривые линии черепа. Таким представляло ей амарантийца воображение – не реконструкцией из археологических книг, а будто воочию увиденным образом. Заглядывая в свою тетрадь, она не раз думала о том, насколько верны ее представления о другой разумной космической расе – о вертунах.

– Миллион лет назад они по неизвестной причине исчезли. Потом на Ресургеме поселились люди, но они не допускали даже мысли о том, что таинственная сила, уничтожившая амарантийцев, может вернуться и проделать то же самое с нами. Исключением был только Дэн Силвест.

– Дэн Силвест? – переспросила Линкси. – Не припоминаю.

Рашмика скрипнула зубами: как можно не знать таких людей? Но она не дала воли раздражению.

– Силвест возглавлял археологическую экспедицию. Когда докопался до правды, колонисты заткнули ему рот. Они в упор не видели грозящей опасности и не желали видеть. Но в итоге он оказался прав.

– Могу спорить, ты себя равняешь с ним.

– Еще как равняю, – кивнула Рашмика.

Девушка помнила, как впервые случайно наткнулась на фамилию Силвест. Она упоминалась в ссылке на археологический текст, который Рашмика загрузила в свой компад, похоронив среди скучных научных трудов о жонглерах образами. Словно лампочка зажглась у нее в голове, когда она читала эту статью. Был восторг, было ощущение сопричастности; словно вся ее жизнь была лишь прелюдией к этой минуте. Тогда же Рашмика почувствовала, как ее детский интерес к вертунам превратился в нечто сродни наваждению.

Она не могла этого объяснить, но не могла и отрицать.

С тех пор, изучая вертунов, она узнавала все больше о судьбе и эпохе Дэна Силвеста. И это вполне логично, ведь бессмысленно было бы заниматься вертунами в отрыве от других исчезнувших инопланетных культур, чьи следы находили люди в межзвездных полетах. Имя Силвеста было крупными буквами вписано в историю науки о цивилизациях Галактики, и штудирование его работ приносило несомненную пользу.

Касающиеся амарантийцев публикации Силвеста охватывали годы с 2500-го по 2570-й. В этот период он не только вел кропотливые исследования, но и подвергался различным видам тюремного заключения, однако даже под домашним арестом его интерес к научной работе не ослабевал. Все же без доступа к ресурсам, которыми обладала колония, его идеи были обречены оставаться умозрительными.

Потом в систему Ресургема прибыл корабль ультра. С их помощью Силвест разыскал последний фрагмент головоломки. Его подозрения подтвердились: амарантийцев уничтожила локальная космическая катастрофа. Они запустили действующий и поныне механизм, созданный с единственной целью – подавлять разум, стремящийся к освоению космоса.

На то, чтобы эта новость достигла других систем, понадобились годы. За этот срок добытые Силвестом сведения несколько раз побывали в чужих руках, покрылись налетом пропаганды, почти затерялись в сумятице человеческих междоусобиц. К тем же выводам пришли сочленители – похоже, независимо от Силвеста. А еще различные археологические партии, изучавшие другие потерянные инопланетные культуры.

Машины, уничтожившие амарантийцев, по-прежнему находились рядом: наблюдали и ждали. У них было много имен. Сочленители прозвали их волками. Другие культуры – ингибиторами.

За минувшие века существование ингибиторов стало незыблемым фактом. Но большую часть этого времени угроза оставалась далекой, она не пугала и даже не тревожила, как и любая проблема, разбираться с которой предстояло следующим поколениям.

Но недавно многое изменилось. Приходили неподтвержденные сведения о необычных событиях близ системы Ресургема: о полном демонтаже планет и превращении их в сложные машины неведомой конструкции. По слухам, эвакуировались обитаемые миры, и Ресургем превратился в выжженную пустыню, и с солнцем этой системы случилось нечто неопишное.

Впрочем, до поры можно было не думать даже о Ресургеме. Он был всего лишь археологической колонией, изолированной, лежащей в стороне от межзвездных коммерческих путей, и правивший на нем тоталитарный режим грешил дезинформацией. Проверить сведения о тамошних событиях не представлялось возможным. И поэтому еще некоторое время жизнь в других системах, населенных людьми, шла как прежде.

Но сегодня ингибиторы появились у других солнц.

Первыми дурные вести принесли ультра. Поддерживая связь между своими кораблями, они советовали друг другу не приближаться к некоторым системам. Там что-то случилось, и это выходило за рамки обычных представлений о катастрофах. Не война и не эпидемия, а нечто неизмеримо худшее. То же самое произошло с амарантийцами, а может быть, и с вертунами.

Число человеческих колоний, чья судьба прямо свидетельствовала о нападении ингибиторов, не превышало дюжину, но сферические волны паники, разбегаясь по космосу со скоро-

стью радиоволн, обладали громадной разрушительной силой. Поселения на поверхности планет эвакуировались, причем зачастую люди бросали все свое имущество, спеша укрыться на кораблях или в пещерах. Склепы и бункеры, служившие в мрачные десятилетия плавающей чумы, а потом заброшенные, были срочно восстановлены. Само собой, количество беженцев было огромным, и всех не могли вместить ни суда, ни подземелья. Вспыхивали восстания и небольшие, но яростные войны. Крушение цивилизации не помешало наиболее предприимчивым представителям человеческого рода сколотить бесполезные состояния. На плодородной почве страха перед будущим, словно черные орхидеи, во множестве росли культы конца времен и Судного дня. Люди были уверены, что их дни сочтены.

Стоит ли удивляться, что в ту грозную эпоху многие устремились на Хелу? В лучшие времена чудо Куэйхи не привлекло бы такого внимания, а теперь корабли ультра привозили замороженных паломников десятками тысяч. Не все они искали ответы в религии, но, коль скоро решали остаться на Хеле, служба крови быстро обращала их в свою веру.

Рашмика не считала себя вправе судить этих людей за сделанный ими выбор. Не родись она здесь, возможно, и сама бы прилетела с волной паломников. Вот только причины у нее были бы другими. Она бы искала правду. То же стремление привело Дэна Силвеста на Ресурге́м, и вынудило его вступить в конфликт с колонией, и в конце концов погубило.

На ум пришел заданный Линкси вопрос: что заставляет Рашмику ехать к Вечному Пути? Желание разыскать Харбина? Или это всего лишь предлог, чтобы скрыть истинную причину побега – как от себя, так и от других? Она видит ложь в словах любого собеседника. Но уличить во лжи себя – как же, оказывается, это непросто...

– Я ищу Харбина, – прошептала она. – Хочу найти брата, больше мне ни до чего нет дела.

Но когда она задремала с чашкой шоколада в руках, ей приснились насекомовидные вертуны, и детали их анатомии перетасовывались столь же часто, сколь и бессмысленно.

Свернув на участок тропы с неровным льдом, ледокат затрясся и сбавил скорость. От его рывков Рашмика проснулась.

– Дальше сегодня мы уже не проедем, – сообщил Крозет. – Темнеет, да и вымотался я. Сейчас найдем местечко поуютнее – и на боковую.

Рашмике он и впрямь казался очень усталым. С другой стороны, Крозет так выглядел всегда.

– Нет уж, дорогой, – сказала ему Линкси. – Я не уверена, что мы в полной безопасности. Ступай-ка в корму да вздремни, а я порулю пару часиков.

– А чего нам бояться? – спросила Рашмика.

– Ну, мало ли... Еще несколько миль лишними не будут. Иди-ка ты тоже в хвост и постарайся поспать. Завтра опять тяжелый день, и я не могу обещать, что нас не догонят.

Линкси уже заняла место водителя, ее пухлые, как у младенца, пальчики легли на истертые джойстики. Пока Крозет не изъявил желания остановиться на ночлег, Рашмика была уверена, что машина оборудована автопилотом, – он поведет дальше, пусть и не так быстро. Надо же, оказывается, они не стронутся с места, если ледокатом не будет управлять человек.

– Я могу помочь, – предложила она. – Правда, такие машины не водила, но, если покажете, наверное, справлюсь...

– Спасибо, как-нибудь обойдемся, – отказалась Линкси. – И потом, на нас с Крозетом свет клином не сошелся. Утром поведет Кулвер.

– Простите, я не хотела...

– Насчет Кулвера не беспокойся, – перебил Крозет. – Ему нужно чем-нибудь занять шаловливые ручонки.

Линкси отвесила мужу затрещину, но сделала это с улыбкой. Рашмика допила остывший шоколад, чувствуя невероятную усталость и в то же время радуясь, что первый день все-таки

закончился, и закончился благополучно. Она не питала иллюзий насчет того, что самое трудное осталось позади, но решила, что даже маленький успех можно по праву воспринимать как небольшую победу. Очень хотелось поговорить с родителями, сказать, чтобы не волновались, с ней все хорошо и она все время думает о них. Но девушка дала себе слово не посылать весточки домой, пока не доберется до каравана.

Вслед за Крозетом она двинулась в корму грохочущего ледоката. Под управлением Линкси машина шла иначе. Нельзя сказать, что женщина правила хуже Крозета, просто ее стиль вождения был другим. Ледокат прыгал как мячик, выписывал в воздухе длинные дуги. Такие движения убаюкивали Рашмику, но она снова и снова просыпалась в страхе – ей снились падения в бездонные пропасти.

Утром она получила хоть и тревожную, но долгожданную новость.

– По радио было специальное сообщение, – сказал Крозет. – Официально заявлено о твоей пропаже и о начале поисковой операции. Ну что, гордишься собой?

Рашмика тяжело вздохнула, пытаясь представить, что произошло с вечера.

– Это полиция, – подала голос Линкси, имея в виду организацию, призванную блюсти закон и порядок на Равнине Вигрид. – Уже наверняка выступили поисковые отряды. Но, надеюсь, им нас уже не догнать. Стоит нам примкнуть к каравану, и полицейские отвязутся.

– Странно, что отправили поисковиков, – сказала Рашмика. – Неужели власти считают, что мне угрожает опасность?

– Дело не только в этом, – сказал Крозет.

Линкси оглянулась на мужа.

Они что-то знают. Но что? У Рашмики желудок вдруг собрался в тугой комок, по спине побежали мурашки.

– А ну, выкладывайте! – потребовала она.

– По радио сказали, что тебя хотят вернуть домой и допросить, – ответила Линкси.

– О чем, о моем побеге из дома? Им больше нечем заняться?

– Нет, не об этом, – сказала Линкси. – Вернее, не только об этом. – Она опять оглянулась на Крозета. – Дело в той диверсии, что была на прошлой неделе. Ты ведь знаешь, о чем я?

– Да, – ответила Рашмика, вспомнив воронку, которая осталась на месте склада взрывчатки.

– Полиция считает, что это ты взорвала склад, – объяснил Крозет.

Хела, год 2615-й

Они сошли с орбиты, и по мере того, как «Дочь мусорщика» замедляла ход до нескольких тысяч километров в час, Куэйхи ощущал нарастание собственной тяжести. Хела увеличилась в размерах, ее безжизненная, бесформенная поверхность поднималась навстречу разведчику. Эхо металлического объекта оставалось на радаре, мост тоже.

Куэйхи решил спускаться по спирали, считая рискованным лететь к объекту кратчайшим путем. И уже на первой петле, в тысяче километров над поверхностью Хелы, увиденное завожило его – словно перед ним выложили увлекательнейшую игру-головоломку.

Из космоса впадина едва угадывалась – минимальное снижение альбедо, темный шрам на лике планеты. Теперь же Рифт приобрел измеримую глубину и особенно четко проглядывался через увеличивающиеся камеры. Никакой геометрической четкости в форме впадины не наблюдалось, кое-где склоны полого спускались к самому дну, но преобладали отвесные обледенелые стены, гладкие и неприступные, как шлифованный камень. Склоны имели цвет мокрого сланца. Дно Рифта тоже менялось – от глади соленого озера до безумного нагромождения торосов, изрезанных тонкими, как волос, черными расселинами.

Чем ближе подлетал Куэйхи, тем больше пропасть напоминала ему незаконченную головоломку, отброшенную Богом в досаде.

Он поминутно смотрел на радар. Эхо никуда не делось, но, по мнению «Дочери мусорщика», ничто не предвещало нападения. Скорее всего, это просто какой-то металлический хлам. Мысль не внушала радости, поскольку из нее следовало, что кто-то уже успел побывать возле моста и не нашел ничего стоящего, о чем можно сообщить другим. Хотя, возможно, какое-то непредвиденное событие помешало отправить отчет. Куэйхи не знал, какой из этих вариантов ему нравится меньше.

Завершая первый виток спирали, он сбросил скорость до пятисот метров в секунду. Поверхность спутника была уже близко, и он ясно видел, как меняется местность – от уступчатых возвышенностей до гладких равнин. Лед царил далеко не везде, большая часть лунной поверхности была скальной, да и из ледяного покрова тут и там выпирали массивы трещиноватой коренной породы; хватало на нем и каменных россыпей. Над дремлющими вулканами курились дымки. Склоны возвышенностей были покрыты и мелким щебнем, и крутобоками глыбами размером с орбитальный анклав; иные торчали из льда под острыми углами, как носы и юты затонувших парусников; иные лежали в некоем подобии порядка, на манер гигантской скульптурной инсталляции.

Равномерная тяга двигателей удерживала «Дочь мусорщика» на высоте, сопротивляясь гравитации Хелы. Куэйхи пошел на снижение, взяв курс к краю моста. В небесах, освещенный с одного бока, висел шар Халдоры.

Отведя взгляд от моста, Куэйхи замер, восхищенный игрой ветров и молний на темном лике газового гиганта. Электрические разряды свивались в кольца и распрямлялись с гипнотизирующей медлительностью, словно угри.

Поверхность Хелы пока еще освещало солнце, но спутнику на орбите Халдоры предстояло вскоре войти в ее тень. Куэйхи решил: ему повезло, что эхо металлического объекта шло с этой стороны луны. Прилети он сюда немного позже, в другой момент цикла вращения Хелы, и наверняка лишился бы великолепного зрелища – не увидел бы газового гиганта во всей его грозной красе.

Новая вспышка молнии. Куэйхи неохотно повернулся к Хеле.

Он уже подлетал к краю Рифта Гиннунгагапа. С устрашающей внезапностью поверхность ринулась вниз. Хотя сила притяжения Хелы составляла всего четверть земной, у Куэйхи закружилась голова, словно он оказался возле крупной планеты. Нелучшим образом влиял на само-

чувствие и гибельный вид провала. Если вдруг откажут двигатели, в отсутствие атмосферы ничто не замедлит падения корабля и он разобьется вдребезги.

Не откажут. «Дочь мусорщика» еще ни разу не подвела Куэйхи, не к чему беспокоиться и сейчас. Он сосредоточился на том, ради чего прилетел, и приказал кораблю снизиться еще, окунуться в Рифт, за нулевую отметку поверхности.

Потом он повернул корабль и двинулся вдоль полости, в паре километров от ближней стены. Как и дальняя, она была неровной, но здесь, в районе экватора, Рифт не сужался более чем на тридцать пять километров. Его минимальная глубина составляла минимум пять километров, максимальная не превышала одиннадцати – там дно было завалено камнями.

Полость была дьявольски огромной, и Куэйхи быстро пришел к выводу, что ему тут совсем не нравится. Слишком похоже на распахнутые челюсти капкана.

Он поглядел на часы: через четыре часа «Доминатрикс» снова появится из-за дальнего края Халдоры. Четыре часа – это уйма времени; он рассчитывал пуститься в обратный путь гораздо раньше.

– Держись, Мор, – прошептал он, – недолго осталось.

Конечно, она не слышала.

Опустившись в Рифт южнее экватора, разведчик сейчас летел к северному полушарию. Пестрая каменная мозаика на дне текла под ним, словно река. Движение корабля относительно дальней стены было почти незаметно, но ближняя стремительно летела мимо, создавая ощущение о скорости. Временами Куэйхи терял представление о масштабах, и тогда Рифт не выглядел столь огромным. Такие моменты, когда пейзаж чужой планеты вдруг покажется знакомым, родным и мирным, самые опасные – вот тут-то она и норовит рвануться навстречу гостю и убить.

Неожиданно впереди, между сходящимися стенами, появился и начал стремительно приближаться мост. У Куэйхи заколотилось сердце. Теперь можно быть уверенным – хотя сомнений и раньше не возникало, – что мост построен разумными существами. Пилот снова пожалел, что с ним нет Морвенны, что она не может взглянуть на это великолепное плетение из тонких блестящих нитей.

Как только по курсу возник мост, Куэйхи включил запись. Теперь сооружение находилось под кораблем; концы этой пологой арки соединялись со стенами Рифта филигранью креплений.

Куэйхи не видел необходимости задерживаться: одного полета под мостом будет достаточно, чтобы убедить Жасмину. Позже разведка вернется с более мощным оборудованием, если королева того пожелает.

Оказавшись под мостом, Куэйхи увидел восхитительную картину. Дорожное полотно – а как еще можно назвать эту опасно узкую молочно-белую ленточку? – пересекало лик Халдоры, чуть светясь на мглистом фоне. Интересно, каково в ощущениях – пройти по этому мосту?

В тот же миг «Дочь мусорщика» заложила дикий вираж, и все заволокла красная пелена перегрузки...

– В чем... – начал Куэйхи.

Но, еще не договорив, он понял ответ. «Дочь мусорщика» действовала по обстановке – выполняла маневр уклонения. Она подверглась атаке.

Куэйхи потерял сознание, пришел в себя и снова отключился. Мимо проносились скалы и осыпи, перед глазами яростно вспыхивало – рельеф отражал сполохи поворотных дюз «Дочери». Снова обморок. Потом сознание вернулось, но оно грозило пропасть в любой миг. В ушах стоял рев.

Мост представал перед Куэйхи фрагментарно и в разных ракурсах, словно череда кадров. Вот он сверху. Теперь снизу. Опять сверху. «Дочь мусорщика» искала укрытие.

Это неправильно. Он уже должен лететь вверх, прочь от планеты; первостепенная задача «Дочери мусорщика» – унести его как можно дальше от источника опасности. Маневры на одном месте и нерешительность ей несвойственны.

Если только ее не загнали в угол, не отрезали путь отступления.

В один из моментов просветления он взглянул на контрольный дисплей. По «Дочери мусорщика» велся огонь с трех точек. Пушки вынырнули из укрытий во льду, и эти три металлических эха не имели ничего общего с тем первым.

«Дочь мусорщика» встряхнулась, словно мокрый пес. Куэйхи заметил выхлопы собственных микроракет, выписывающих спирали и зигзаги, чтобы не угодить под выстрел.

Он снова потерял сознание, а когда пришел в себя, заметил камнепад на склоне Рифта. Значит, одна из его ракет нашла цель.

Замигал пульт, корпус сделался совершенно черным. Когда он снова обрел прозрачность и восстановилась работа органов управления, пилот увидел на дисплее большую предупредительную надпись ярко-красной латиницей. Корабль получил довольно серьезное повреждение.

«Дочь мусорщика» опять вздрогнула, еще одна серия ракет унеслась прочь. Это были крохотные, в палец величиной, устройства с зарядом антиматерии мощностью в одну кило-тонну.

Снова темнота. В себя он пришел, когда тело ощутило падение.

Опять небольшой оползень на склоне, и на пульте одним образом меньше. Но цел третий страж, а у Куэйхи не осталось средств, чтобы расправиться с ним.

Этот третий не стреляет. Возможно, был неисправен еще до начала боя. Возможно, его повредила ракета с «Дочери мусорщика». Возможно, он перезаряжается.

«Дочь» не решалась ничего предпринять, угодив в водоворот различных возможностей.

– Приказ высшего приоритета, – прохрипел Куэйхи. – Вынеси меня отсюда.

В ту же секунду навалилась перегрузка. Опять перед глазами сгустилась красная пелена. Но на сей раз он не отключился. Корабль тщательно следил за тем, чтобы кровь поступала в мозг пилота, удерживая его в сознании как можно дольше.

Куэйхи увидел, как поверхность планеты ринулась вниз, увидел мост с высоты.

И вдруг новый удар. Маленький кораблик замер, двигатель вырубился на мгновение ока. «Дочь» пыталась возобновить полет, но какая-то важная подсистема была серьезно повреждена.

Поверхность планеты замерла внизу. Затем двинулась навстречу.

Снова Куэйхи поглотила тьма.

Он наклонно падал в направлении стены Рифта, то и дело теряя сознание и приходя в себя. Уже представлял, как погибнет в яркой вспышке, и собирал все душевные силы для встречи со смертью.

Но в последний момент «Дочери мусорщика» удалось на секунду включить двигатели, и тормозящего импульса хватило, чтобы смягчить удар.

А еще с той же целью упруго деформировался корпус. Но все равно столкновение получилось чудовищным. Все закружилось вокруг Куэйхи: утес, линия горизонта, ровное дно Рифта.

Он уже в который раз потерял сознание, очнулся и вырубился опять. Вдалеке перед ним кувыркался мост. Со склонов, там, где ракеты уничтожили охранных роботов, все еще сыпались ледяные и каменные обломки.

Куэйхи и его корабль, похожий на драгоценный камешек, кувырком летели на дно ущелья.

Арарат, год 2675-й

Вслед за Кровью вместе с Клавэйном и Скорпионом Васко вошел в административное здание и углубился в лабиринт пустых коридоров. Юноша ждал приказа развернуться и идти обратно: с его пропуском сил в такие важные места дороги нет. Но хотя каждая новая проверка на очередном посту охраны была еще строже, чем предыдущая, его всякий раз пропускали. Васко понял, что никто не посмеет спорить с Клавэйном и Скорпионом.

Пройдя еще немного, они оказались в карантинном пункте – небольшом лазарете с несколькими застланными чистым бельем кроватями. Там их встретил врач по имени Валенсин – бледный, с залезшими назад лоснящимися волосами, в большущих ромбических очках. В руке он держал потертый чемоданчик с инструментами. Васко видел этого человека впервые, но знал: перед ним самый главный врач на планете.

– Как самочувствие, Невил? – спросил Валенсин.

– Как у человека, злоупотребившего гостеприимством истории, – ответил Клавэйн.

– Гм... Прямого ответа от вас никогда не получишь.

Валенсин достал из чемоданчика небольшой серебристый прибор и посветил им в глаза старика, глядя со своей стороны в окуляр.

– Мы обследовали Клавэйна во время полета, – заговорил Скорпион. – Он в норме, не доставит хлопот, свалившись замертво вам на руки.

Валенсин выключил фонарик:

– А вы, Скорпион, не свалитесь мне на руки?

– Надеется, облегчу вам жизнь?

– Мигрени бывают?

– Аккурат сейчас голова побаливает.

– Вами я займусь позже. Хочу проверить периферийное зрение – не портится ли оно быстрее, чем я рассчитывал. Вся эта суета свинье ваших лет на пользу не идет.

– Без суеты мне нынче никак, но все равно спасибо, что напомнили.

– Всегда к вашим услугам, – ухмыльнулся Валенсин, возвращая прибор в чемоданчик. – А теперь давайте кое о чем договоримся. Когда откроется капсула, чтобы никто дажедохнуть не посмел на ее содержимое, пока я не закончу обследование. Конечно, оно будет поверхностным, учитывая наши средства, но, если я обнаружу инфекцию и предположу, что существует хотя бы малейшая вероятность неприятных последствий, каждый, кто контактировал с капсулой, может забыть о возвращении в Первый Лагерь или в другое место, которое он считает своим домом. Под неприятными последствиями я подразумеваю не мудреное бактериологическое оружие, а что-нибудь попроще, вроде гриппа. У нас кончается запас противовирусных препаратов.

– Понятно, – кивнул Скорпион.

Валенсин отвел посетителей в просторное помещение под высоким куполом на металлических фермах. Там резко пахло дезинфекцией. Зал был почти пуст, если не считать полдюжины человек, плотной группой державшихся в центре. Работники в белых комбинезонах хлопотали возле хлипких башенок, собранных из мониторингового оборудования.

Найденная в море капсула была подвешена на тонком тросе к потолку, отчего напоминала строительный отвес. Обугленная до черноты, она оказалась меньше, чем представлял себе Васко: и как в таком крошечном устройстве мог поместиться человек? И хотя окна отсутствовали, несколько панелей на корпусе были откинuty, виднелись светящиеся экраны. Васко заметил мелькающие числа, вихляющие кривые и скачущие гистограммы.

– Дайте-ка взглянуть, – попросил Клавэйн, раздвигая рабочих, чтобы пройти к капсуле.

Один из рабочих хмуро посмотрел на Скорпиона, и это был неосторожный поступок. Свинья ожег нахала яростным взглядом и вдобавок обнажил длинные кривые клыки. Не дожидаясь, когда дело примет худой оборот, Кровь горизонтально махнул копытом, и рабочие, подчиняясь этому выразительному жесту, исчезли в глубинах комплекса.

Клавэйн никак не отреагировал на случившееся. Не сняв с головы капюшона, он проскользнул между аппаратами и подошел к капсуле сбоку. Чуть ли не с нежностью приложил руку рядом со светящимся пультом, погладил обгоревшую оболочку.

Васко решил, что можно подойти и посмотреть.

Скорпион явно колебался:

– Чувствуешь что-нибудь?

– Да, – ответил Клавэйн. – Она говорит со мной. Это сочленительский протокол.

– Ты уверен? – спросил Кровь.

Старик отвернулся от капсулы. Его лицо пряталось в тени капюшона, лишь жидкая борода ловила свет.

– Да, – ответил он.

Приложив руку с другой стороны от панели, он согнул спину и прикоснулся к капсуле щекой. Васко представил, что глаза у Клавэйна неподвижны, кожа на лбу собрана в складки – он полностью сосредоточен. Все молчали, и Васко поймал себя на том, что старается дышать как можно тише.

Клавэйн медленно наклонял голову из стороны в сторону – так ищут оптимальное положение радиоантенны. Нашел нужный угол – и замер, под пальто явственно напряглось тело.

– Точно, это сочленительский протокол, – повторил Клавэйн.

В полном молчании и неподвижности он простоял еще с минуту, а потом сказал:

– Похоже, капсула узнала во мне сочленителя. Она не дает полного доступа к своей системе – пока не дает, но разрешила функциональную диагностику верхнего уровня. Это точно не бомба.

– И все-таки будь осторожен, пожалуйста, – попросил Скорпион. – Не дай затащить себя внутрь или еще что похуже сделать.

– Еще как постараюсь, – заверил Клавэйн.

– Сможешь определить, кто внутри? – спросил Кровь.

– Пока капсула не открыта, можно только строить предположения, – ответил Клавэйн тихо, но твердо и властно. – Одно могу сказать наверняка: это не Скади.

– Но ты не сомневаешься, что там сочленитель? – снова спросил Кровь.

– Это сочленитель. Часть сигналов, которые я ловлю, идет не от аппаратуры капсулы, а от имплантатов пассажира. Скади побрезговала бы таким старым протоколом. – Клавэйн отстранился от капсулы и оглянулся на спутников. – Как пить дать, это Ремонтуар.

– И ты понимаешь, о чем он думает? – спросил Скорпион.

– Нет. Исходящие от него нейронные сигналы – самого низкого уровня, простая работа по обслуживанию тела. Пассажир все еще без сознания.

– Или это не сочленитель, – высказал сомнение Кровь.

– Узнаем через несколько часов, – пообещал Скорпион. – Кем бы он ни был, у нас остается проблема исчезнувшего корабля.

– А почему это проблема и почему у нас? – спросил Васко.

– А потому, что пролететь двадцать световых лет в капсуле он никак не мог, – объяснил Кровь.

– Но что ему мешало добраться до нашей системы незамеченным и оставить корабль в укромном месте, а оставшийся путь проделать в капсуле? – спросил Васко.

Кровь покачал головой:

– Ему все равно нужен был корабль для полетов внутри системы, чтобы добраться до Арарата.

– Но маленький корабль мы могли и не заметить, – возразил Васко. – Ведь так?

– Не думаю, – буркнул Клавэйн. – Хотя исключать этого нельзя – если там, наверху, творится что-то нехорошее.

Глава девятая

Поверхность Хелы, год 2615-й

Когда Куэйхи очнулся, он неподвижно висел вверх ногами. Вообще-то, все было абсолютно неподвижным: он сам, корабль, окружающий ландшафт, небо. Казалось, его поместили сюда много веков назад и он только сейчас открыл глаза.

Но он не мог долго находиться без сознания: память сохранила яркую, четкую сцену смертельного боя и головокружительного падения. Удивительно то, что он не просто помнит о случившемся, а вообще еще жив.

Осторожно двигаясь в страховочных фиксаторах, Куэйхи проверил повреждения. Крошечный корабль поскрипывал вокруг него. Шея у пилота была целой, позволяла вертеть головой и осматриваться. Но в пределах видимости – только осыпающийся лед и оседающая пыль, остатки последнего обрушения. И все расплывчатое, будто он смотрит через зыбкую серую пелену. Вот только эта пелена и двигалась, подтверждая, что без чувств он провел считанные минуты.

Кроме нее, Куэйхи видел край моста, чарующее кружево тросов, посредством которых крепилась к скалам арочная конструкция. Когда «Дочь мусорщика» выпускала ракеты, он краем сознания беспокоился о том, как бы не разрушить чудо, ради которого сюда прилетел. При всей своей громадности мост выглядел тонким и ломким, точно накрахмаленная салфетка.

Похоже, он совершенно цел. Наверняка эта постройка гораздо прочнее, чем кажется.

Снова заскрипело кругом. Не определить, на чем стоит корабль, но ощущения подсказывают: он ориентирован «вверх ногами». Неужели это дно Рифта Гиннунгагапа?

Куэйхи взглянул на приборы, но не сумел сфокусировать на них взгляд. Тот вообще ни на чем не желал фокусироваться. Вот если закрыть левый глаз, видно лучше. Должно быть, из-за перегрузки отслоилась сетчатка. С точки зрения «Дочери мусорщика», запрограммированной вынести его из опасной зоны живым, это легкая травма, вполне поддающаяся лечению.

Прикрыв левый глаз, Куэйхи снова взглянул на панель приборов. Множество красных огоньков – сообщений на латинице о повреждениях систем – и темных пятен, где раньше что-то светилось. Понятно, «Дочь мусорщика» понесла серьезный урон не только на аппаратном, но и на программном уровне. Его корабль в коме.

Куэйхи попробовал его растормошить:

– Приказ высшего приоритета. Перезагрузка.

Никакой реакции. Похоже, среди утраченных функций и распознавание голосовых команд. Либо корабль не способен перезагрузить свои оперативные системы.

Куэйхи попытался снова, просто на всякий случай:

– Приказ высшего приоритета. Перезагрузка.

Снова молчок. «Так я ничего не добьюсь», – подумал пилот.

Он повернул руку, чтобы пальцы легли на панель тактильного управления.

Движение далось нелегко, но это была рассеянная боль от сильных ушибов, а не острая – в сломанных или смещенных костях. Он даже мог вполне сносно шевелить ногами. Сильная резь в груди намекала, что ребра не в порядке, но дышалось нормально. Если он отделался только парой сломанных ребер и отслоением сетчатки, ему крупно повезло.

– Ты всегда был везунчиком, – сказал он себе, нащупывая выступы на панели.

Все голосовые команды имели тактильные эквиваленты. Лишь бы только вспомнить правильные комбинации движений.

Он вспомнил. Указательный палец сюда, большой сюда. Теперь нажать еще раз. Кораблик кашлянул. Там, где были темные пятна, загорелись красные надписи.

Жива старушка! Куэйхи нажал опять. Корабль вздрогнул и загудел, пытаясь перезагрузить систему. Снова мигнуло красное, и на этом все кончилось.

– Ну, давай же! – прошипел сквозь зубы Куэйхи.

Может, на третий раз повезет?

После третьего нажатия корабль задрожал, на дисплеях зажглись красные надписи, погасли. Появились опять. Ожили другие части пульта. «Дочь мусорщика» выходила из комы, проверяла свою работоспособность.

– Молодчина, – прошептал Куэйхи, чувствуя, как кораблик сжимается, меняет форму корпуса – может быть, непреднамеренно, просто рефлекторно возвращаясь к предустановленному профилю.

«Дочь мусорщика» накренилась на несколько градусов, и угол зрения Куэйхи сместился.

– Осторожней... – начал он.

Поздно. «Дочь» не удержалась на уступе и покатила вниз. Там в сотне метров возникло дно Рифта – и стремительно понеслось навстречу.

Субъективное время растянуло падение до бесконечности.

Потом пилота бросило на пульт. Он не лишился чувств на этот раз, но было ощущение, что его схватило зубами какое-то чудовище и давай колотить оземь, норовя размозжить голову или сломать позвоночник.

Куэйхи застонал. Похоже, на этот раз ему досталось крепко. Грудь давило, словно на нее поставили наковальню. Должно быть, сломанные ребра проткнули мышечную ткань. Двигаться теперь будет чертовски больно – если только он вообще способен двигаться.

И все-таки он еще жив.

В этот раз «Дочь мусорщика» упала на правый борт. Он снова увидел мост – словно фотографию в туристической брошюре. Казалось, судьба специально демонстрирует ему находку во всей красе, напоминает, зачем он сюда прилетел.

На пульте осталось совсем мало красных огоньков. Куэйхи смотрел на отражение своего лица, висящее над фрагментами надписей: полнейшая растерянность и страх, глубокие тени на щеках и в глазницах. Когда-то он видел лик некой религиозной фигуры, проступивший на ткани для бальзамирования. Как скупой, в несколько штрихов, рисунок углем.

Это в крови разогревался индоктринационный вирус.

– Перезагрузка! – прошипел он.

Никакого ответа. Куэйхи протянул руку к тактильной панели, расположил как надо пальцы. Он нажимал снова и снова, понимая, что единственный способ оживить корабль – запуск полной диагностики состояния.

Пульт мигнул. Что-то еще исправно – а значит, есть шанс. Он повторял команды перезагрузки, пробуждая одну систему за другой. На восьмой или девятый раз ничего не удалось улучшить, и он решил прекратить попытки – не к чему истощать резервы корабля, да и опасно перезагружать системы, которые пока работают. Надо обойтись тем, что есть.

Закрыв левый глаз, он прочитал красные сообщения на пульте. Одного быстрого взгляда было достаточно, чтобы понять: «Дочь мусорщика» больше никуда не полетит. Важнейшие двигательные узлы разбиты выстрелами сторожевой пушки, второстепенные раздавлены при падении на планету и последовавшем кувыркании по склону Рифта. Его драгоценный кораблик необратимо разрушен. Даже если допустить, что системы саморемонта способны восстановить двигатели, на это нужны месяцы, которых у Куэйхи нет. Спасибо и на том, что «Дочь» спасла ему жизнь. В этом смысле она не подвела.

Он снова прочитал все надписи. Аварийный маяк исправен. Сигнал ограничен ледяными стенами, но ничто не мешает ему уходить вертикально вверх, в космос, – за исключением, конечно, газового гиганта, стараниями Куэйхи оказавшегося между «Дочерью мусорщика» и Морвенной. Скоро ли «Доминатрикс» выйдет из-за солнечной стороны Халдоры?

Куэйхи взглянул на один из работающих хронометров корабля. Морвенна появится из-за Халдоры через четыре часа.

Четыре часа. Ничего страшного. Столько он продержится. Едва «Доминатрикс» вынырнет из-за газового гиганта, она поймает сигнал бедствия и уже через час примчится на выручку. В другой ситуации Куэйхи ни за что не рискнул бы большим кораблем, не погнал его в опасную зону, но сейчас выбирать не приходится. Да и вряд ли следует бояться стражей: он уничтожил две пушки, а в третьей наверняка кончился заряд. Несомненно, робот добил бы пришельца, будь у него такая возможность.

Итак, через пять часов Куэйхи будет в безопасности. Конечно, лучше бы убраться отсюда сию же секунду, но в задержке никто, кроме него, не виноват. Не он ли уговорил Морвенну, чтобы провела без него шесть часов? А решение не вывешивать спутники-ретрансляторы – разве не глупость? К чему обманывать себя? Не столько о защите Морвенны он тогда думал, сколько о том, чтобы поскорее добраться до моста. Что ж, пора платить за непредусмотрительность.

Всего пять часов. Сушие пустяки.

В ту же секунду Куэйхи заметил новую красную надпись. Он моргнул и открыл оба глаза, надеясь, что это обман зрения. Но ошибки не было.

Поврежден корпус. Возможно, это лишь небольшая трещина. Ее в обычных условиях уже давно заделали бы автоматы, даже не сообщив об этом пилоту. Но очень уж крепко досталось кораблю, его штатные ремонтные системы вышли из строя. Давление воздуха на борту снижалось – настолько медленно, что пилот этого даже не замечал. «Дочь мусорщика» подкачивала дыхательную смесь из запасных емкостей, но долго это продолжаться не могло.

Куэйхи подсчитал: воздуха хватит на два часа.

Ему не дожидаться помощи.

И что теперь делать? Удариться в панику? Сохранять мужество? А какая, собственно, разница? Куэйхи подумал над этим и решил, что разницу не мешало бы увидеть.

Одно дело, когда ты заперт в герметичном помещении с конечным запасом воздуха, который в процессе твоего дыхания замещается углекислым газом. И совсем другое – когда воздух утекает через трещину в корпусе и на скорость утечки ты повлиять никак не можешь. Даже если ухитришься за два часа сделать один-единственный вдох, на второй все равно не останется кислорода. Скоро придется глотать старый добрый вакуум – и тот факт, что некоторые платят за это деньги, не послужит тебе утешением.

Говорят, это больно, по крайней мере в первые секунды. Но Куэйхи не заметит, как задохнется, – он задолго до этого потеряет сознание. Может, и двух часов не протянет, перестанет дышать через полтора.

Но если держать себя в руках, не поддаваться страху, он, возможно, выгадает несколько минут – это зависит от того, что собой представляет утечка. Допустим, воздух теряется где-то в системе рециркуляции, – в этом случае совершенно точно можно выиграть время, если дышать пореже.

Поскольку он понятия не имеет о том, где находится трещина, паника ему невыгодна. Возможно, удастся растянуть два часа на три... а повезет, так три превратятся в четыре. Если же он готов к небольшому повреждению мозга, то, может быть, удастся продержаться и все пять часов.

Он просто обманывает себя. У него осталось два часа, самое большее два с половиной.

«Паникуй, сколько душе угодно, – сказал себе Куэйхи. – Это никак не изменит твоего положения».

Вирус уже не пробует на вкус его страх, а жрет в три горла. До сих пор этот вирус почти не подавал признаков жизни, и вот теперь почуял панику, и мигом окреп, и пытается подавить рациональное мышление носителя.

– Нет! – воскликнул Куэйхи. – Пошел прочь, ты мне сейчас не нужен.

А может, как раз нужен? Что толку в ясном сознании, если он ничем не сможет себе помочь? По крайней мере, вирус позволит умереть с ощущением того, что Куэйхи не одинок, что рядом есть нечто большее и оно равнодушно к его судьбе и будет с ним до последнего вздоха.

Но вирусу нет дела до его чувств и желаний. Он просто заполнит носителя своей сущностью, нравится это тому или нет.

Вокруг не раздавалось ни звука – Куэйхи слышал только собственное дыхание да изредка стук льдинок, скатывающихся по следу лавины, вызванной кораблем, когда в падении он задел кромку обрыва. Помимо моста, смотреть было не на что. Но вдруг Куэйхи услышал доносящуюся откуда-то издали органную музыку. Поначалу она была тихой, но потом ее источник стал приближаться. Куэйхи понял: достигнув грозного крещендо, мелодия наполнит его душу радостью и ужасом.

И хотя мост выглядел как прежде, в черном небе под ним чудились прекрасные церковные витражи: квадраты, треугольники, ромбы мягкого радужного сияния, словно окна, открывающие вид на что-то еще более прекрасное и величественное.

– Нет! – сказал Куэйхи.

Но на сей раз в его голосе не было твердости.

Прошел час. Бортовые устройства одно за другом испускали дух, на пульте гасли красные надписи. Но пока ни один отказ оборудования не сократил шансы пилота на выживание. Кораблек не проявлял намерения взорваться, в один миг избавив Куэйхи от страданий.

Нет, думал Куэйхи, «Дочь мусорщика» сделает все от нее зависящее, чтобы поддерживать в хозяине жизнь до последнего вздоха.

Эта трудная работа почти истощила силы машины. «Дочь» непрерывно передавала сигнал бедствия, но к тому времени, как «Доминатрикс» получит сигнал, пилот уже будет два-три часа как мертв.

Куэйхи рассмеялся: юмор висельника. Он всегда считал «Доминатрикс» исключительно разумным механизмом. По меркам большинства космических кораблей, как и по меркам любой техники, не управлявшейся субличностями как минимум гамма-уровня, это так и было. Но стоило делу принять по-настоящему серьезный оборот, и выяснилось, что этот сверхмощный интеллект ровно ничего не стоит.

– Что же ты, корабль? – спросил Куэйхи.

И снова рассмеялся. Вот только теперь смех перемежался рыданиями – от жалости к себе.

Куэйхи надеялся на помощь вируса, но ощущения, которые тот порождал, были слишком поверхностными. Что проку от этого тонкого, как бумага, фасадного слоя? Да, вирус воздействует на те точки мозга, где возникают религиозные чувства, но он не подавляет другие области сознания, и те безошибочно распознают новую веру как искусственную, индуцированную.

Он, безусловно, ощущал некое святое присутствие, но одновременно с полной отчетливостью понимал: это всего лишь игра нейроанатомии. На самом деле тут ничего божественного нет: органная музыка, витражи в небе, ощущение чего-то беспредельного, безвременного и чрезвычайно участливого порождено лишь нейронными связями, вспышками активности нейронов и синаптическими щелями.

Больше всего в этот миг Куэйхи нуждался в утешении – и не получил его. Он был всего лишь безбожником с дрянным вирусом в крови. У него кончался воздух. У него кончалось время. Скоро он будет забыт. Как и имя, данное им планете, на которой он разбился.

– Прости, Мор, – сказал Куэйхи. – Я свалил дурака. Облажался по полной.

Он стал думать о ней, такой далекой, недостижимой... и вспомнил стеклодува.

Куэйхи не вспоминал стеклодува уже давно, но ведь он давно не оставался надолго один. Как звали этого человека? Да-да, Тролльхаттан. Куэйхи случайно встретил его на Пигмалионе, одном из спутников планеты Парсифаль в созвездии Тау Кита, в торговом пассаже с микрогравитацией.

Там проходила выставка произведений искусства из стекла. Работающий в невесомости скульптор Тролльхаттан, когда-то бывший угонщиком, но порвавший со своей фракцией, имел дополнительные механические конечности, а его лицо напоминало слоновью кожу с рубцами от давних ран – ему неумело удаляли меланомы радиационного происхождения.

Тролльхаттан творил из стекла восхитительные ажурные конструкции, целиком заполняющие помещения; иные настолько нежные, что не выдерживали даже слабой гравитации главного спутника Парсифаля. Среди его шедевров невозможно было найти два похожих. Куэйхи любовался стеклянными планетариями, поразительно детальными и работавшими со сверхъестественной точностью. Его восхищали стаи из тысяч птиц, соединенных друг с другом тончайшими кончиками крыльев. Дух захватывало при виде громадных косяков, причем у каждой стеклянная чешуя имела уникальный оттенок и блеск; желтые, желтоватые, синие, окаймленные розовым перья казались подлинным чудом. А еще эскадрильи ангелов, и сражающиеся галеоны эпохи боевых парусников, и искусные реконструкции великих космических битв.

На некоторые изделия было страшно смотреть, словно одного взгляда хватило бы, чтобы нарушился зыбкий баланс света и тени, чтобы скрытая где-нибудь трещинка мигом разрослась и поставила всю конструкцию на грань существования.

Однажды на открытии выставки самопроизвольно взорвалась стеклянная картина Тролльхаттана, разлетевшись на осколки не крупнее пчелы. Было ли так и задумано автором для пущего эффекта, осталось тайной. Зато не вызывало сомнений другое: все без исключения изделия Тролльхаттана драгоценны. Скульптор соглашался с ними расстаться лишь за огромные деньги, а уж цену вывоза смешно было даже обсуждать. Транспортировка одной такой покупки с Пигмалиона разорила бы небольшое демархистское государство. И не то чтобы исключалась разборка и упаковка по частям, но перевозка в космосе не давала ничего, кроме битого стекла. Любые меры предосторожности оказывались недостаточными, поэтому все уцелевшие работы Тролльхаттана находились в системе Тау Кита. Богатые люди целыми кланами перебирались на Парсифаль только для того, чтобы хвастаться приобретенными инсталляциями великого стеклодува.

Ходили слухи, что где-то в межзвездном пространстве медленные автоматические баржи несут на борту сотни изделий Тролльхаттана, направляясь к другим солнечным системам (названия этих систем у разных рассказчиков звучали по-разному) со скоростью в несколько процентов от световой; эти рейсы оплачены много десятилетий назад. Само собой, тот, кому хватит изобретательности перехватить и ограбить эти баржи, не переколотив их содержимого, баснословно разбогатеет. В те времена, когда по существующим чертежам можно было недорого воспроизвести практически любую вещь, едва ли не единственную ценность представляли авторские работы, чье происхождение не вызывало сомнений.

Во время своего пребывания на Парсифале Куэйхи всерьез интересовался возможностью приобрести шедевры Тролльхаттана. Даже провел переговоры с другим мастером, уверявшим, что в его силах изготовить высококачественные копии: помещение заполняется стеклом, а потом миниатюрные сервроботы выгрызают лишний материал. Куэйхи присутствовал на демонстрациях работы фальсификатора: результат был неплох, но далек от идеала. Воссо-

здать спектральную палитру Тролляхаттана не удавалось никому во Вселенной; разница между оригиналом и подделкой не уступала разнице между алмазом и его копией из льда.

В любом случае ключевую роль играло происхождение скульптур. Вот если кто-нибудь убьет Тролляхаттана, тогда рынок сможет принять подделки.

Куэйхи решил осторожно выяснить, нет ли у ваятеля ахиллесовой пяты, – вдруг найдется компромат, и тогда можно будет шантажировать стеклодува, давить на него в процессе торга. Если Тролляхаттан согласится закрыть глаза на появление подделок на рынке или даже заявить, что не помнит, когда делал ту или иную инсталляцию, – глядишь, и получится навариться на этом.

Но Тролляхаттан оказался недостижим. Он не вращался среди богемы, не выступал с красивыми речами на благотворительных мероприятиях. Знай себе дул стекло.

Разочарованный, готовый отказаться от своей затеи Куэйхи все же задержался на спутнике и осмотрел часть выставки. Его холодный, сугубо прагматический интерес к искусству Тролляхаттана быстро уступил место подлинному благоговению.

К тому времени, когда среди гостей появился Куэйхи, стеклодув уже соорудил в невестомости сложное растение с прозрачным зеленым стеблем и листвой, с многочисленными бледно-рубиновыми роговидными цветками. А теперь Тролляхаттан мастерил возле одного из цветков деликатную фигурку мерцающего голубого существа. Что это колибри, Куэйхи понял лишь после того, как Тролляхаттан выдул тончайший, плавно изогнутый клюв, и тут стало ясно: колибри. От цветка к клюву протянулась янтарная дуга толщиной в палец, и Куэйхи решил, что на этом все, птичка останется парить перед растением, ничем с ним не соединенная. Но тут изменился угол освещения, и стало ясно, что между кончиком клюва и рыльцем цветка протянута наитончайшая стеклянная нить, золотое волоконец, словно последний лучик планетного заката. И он догадался, что видит язык колибри, сделанный из стекла.

Наверняка скульптор рассчитывал на эффект, потому что остальные зрители заметили язычок птицы почти одновременно с Куэйхи. И хотя Тролляхаттан не мог не наблюдать реакцию публики, никакие чувства не отразились на его лице.

Вот тогда-то и разочаровался в стеклодуве Куэйхи. Тщеславие этой гениальной натуры, решил он, достойно лишь порицания, наигранная бесстрастность так же греховна, как и любое другое проявление гордыни. Однако увиденный только что фокус вызывал истинное восхищение. «Что ты испытываешь, – думал Куэйхи, – когда тебе удастся хотя бы на миг озарить будничную жизнь сиянием чуда? Зрители, пришедшие полюбоваться искусством Тролляхаттана, живут в эпоху чудес и диковин. Но они, судя по всему, давно не видели ничего удивительнее и прекраснее, чем этот блеснувший язычок колибри».

По крайней мере, это было справедливо в отношении самого Куэйхи. Блеск стеклянной нити тронул его душу, когда он меньше всего этого ожидал.

Вот и сейчас он размышлял о язычке колибри.

Когда бы обстоятельства ни разлучали его с Морвенной, он непременно воображал связующую их тягучую нить горячего стекла, тоненький золотистый язычок птицы. По мере увеличения дистанции этот язычок терял в толщине и прочности. Но пока удавалось хранить в мыслях сей образ, Куэйхи считал, что любимая не потеряна, и одиночество не казалось ему полным. Он все еще чувствовал присутствие Морвенны, трепет ее дыхания доносила до него вибрирующая нить.

Однако теперь она истончилась до предела, и дыхания Морвенны он больше не осязал.

Куэйхи взглянул на хронометр: прошло еще полчаса. Воздуха осталось самое большее на тридцать-сорок минут.

Ему кажется или атмосфера на борту уже бедна кислородом, у нее появился вкус затхлости?

Хела, год 2727-й

Рашмика первая увидела караван. В полукилометре, частично скрытый низкими торосами, он продвигался по той же тропе, что и ледокат. Девушке, сидящей в быстрой машине Крозета, казалось, что караван еле ползет, но стоило подъехать поближе, как стало ясно, что это не так: машины были гораздо больше ледоката и только из-за своих габаритов казались тяжеловесными и неповоротливыми.

Колонна, растянувшаяся примерно на четверть километра, состояла из четырех десятков машин. Они шли двумя плотными колоннами, практически нос к корме. Их разделяло не более двух метров. Как успела заметить Рашмика, среди них не было двух похожих. Возможно, некоторые транспортные средства создавались однотипными, но потом их переделывали, надстраивали или, наоборот, обрезали, всячески уродовали по желанию хозяев. На крышах громоздились разнообразные дополнительные конструкции в окружении крепежных лесов. И где только можно, из баллончиков с краской были набрызганы символы религиозной принадлежности. Иногда значки выстраивались в сложные цепочки, сообщая о зыбких союзах между основными церквями. На крышах некоторых машин были установлены широкие плиты, все наклоненные под одним и тем же углом посредством блестящих поршневых механизмов. Сотни выпускных клапанов стреляли паром.

Большинство машин передвигались на огромных, величиной с дом, колесах, по пять или шесть пар на каждую. Другие неторопливо прокручивали массивные гусеницы или переставляли членистые ноги. Две скользили на лыжах, как ледокат Крозета. Одна ползла на манер личинки древесницы, поочередно проталкивая вперед сегменты механического тела; Рашмика могла лишь догадываться о том, каким образом приводятся в движение части этой штуковины.

Несмотря на различия в конструкции, все машины ехали с одинаковой скоростью, имея возможность соблюдать ее настолько точно, что между ними были даже протянуты пешеходные мостки и крытые переходы. Эти конструкции скрипели и гнулись, так как дистанция между звеньями колонны менялась в пределах метра, но не рушились.

Крозет двинулся параллельно каравану, по «обочине» тропы, потом прибавил скорость, обгоняя машины. Хрустя льдом и камнями, огромные колеса вздымались над ледокатом. Рашмика с тревогой поглядывала на водителя, державшего джойстики управления. Что, если он на секунду отвлечется или рука дрогнет? Тогда эти колеса вмиг раздавят их.

Но Крозет выглядел совершенно спокойным, словно уже сотни раз проделывал этот трюк.

– Что ты ищешь? – спросила Рашмика.

– «Короля», административную машину, – тихо ответил Крозет. – Там ведется весь бизнес. Обычно «король» идет в голове колонны. Ох и большущий же караван! Давно такого не видел.

– Здорово, – проговорила Рашмика, любуясь исполинами, что двигались рядом с крохотным ледокатом.

– Это еще что! – ухмыльнулся Крозет. – Средней величины собор гораздо больше этого каравана. Соборы идут медленно, но никогда не останавливаются. То есть они могут остановиться, но это очень хлопотно. Не проще, чем ледник затормозить. Рядом с этакой громадиной даже меня мандраж пробивает. Пожалуй, я бы предпочел, чтобы они не двигались...

– Вот «король», – указала Линкси на проем в ближней колонне. – На той стороне, милый. Придется объехать.

– Твою мать!.. Вот этого я точно не люблю.

– Не рискуй, давай пообедем сзади.

– Черта с два! – Крозет улыбнулся, показав дрянные зубы. – У меня что, яиц нету?

Крозет дал полный газ, и Рашмика ударилась о спинку сиденья. Ледокат прибавил скорости, обгоняя одну машину за другой. Рашмику не удивило, что караван едет тихо, – на Хеле все происходило без лишнего шума. Она не слышала движения, но осязала и шорох проминаемой дороги, и работу узлов машин; все это передавалось через лед, через полозья, через сложные подвески ледоката. Непрестанно хрустели колеса, словно нетерпеливо топал миллион обутых в ботинки ног, шлепали по льду плоские траки гусениц, со скрипом впивались в мерзлый грунт шипы механических ног. Им вторили глухие стоны членистой ползущей машины, и это сопровождалось десятками других, незнакомых Рашмике звуков. А фоном для всего, словно органная музыка, служил ровный гул многочисленных моторов.

Обогнав переднюю пару машин на две их длины, ледокат Крозета поехал впереди колонны. Лучи фар каравана били вперед, заливая ледокат слепящим голубым сиянием. Рашмика заметила, как за широкими окнами машин движутся фигурки; несколько человек стояли на передней машине, держась за поручни и глядя вниз. На скафандрах этих людей угадывались религиозные символы.

Караваны символизировали присутствие жизни на Хеле, и принципы управления этими организациями, мобильными агентами больших церквей, были известны Рашмике лишь в общих чертах. Как объяснил Крозет, подчиненные церквям соборы передвигаются медленно и стараются не покидать пределов Вечного Пути, экваториального пояса Хелы. Иногда соборы сворачивают с Пути на север или юг, но далеко не забираются.

Вездеходные караваны – другое дело, эти ездят, куда им заблагорассудится. Они развивают достаточную скорость, чтобы отъезжать от Пути на изрядные расстояния, но все же стараются сопровождать свои кружащие по Хеле соборы. В дороге они нередко разделяются и перестраиваются, и высылают небольшие экспедиции, и на какое-то время сливаются с другими караванами; так, в одной колонне могут двигаться представители трех-четырех церквей, совершенно по-разному толкующих чудо Куэйхи. Но всем церквям в равной степени требуются рабочие руки и запасные части. Все церкви нуждаются в новобранцах.

Едва обогнав шедшую впереди машину, Крозет свернул на середину тропы. Начался подъем, и ледокат постепенно терял преимущество в скорости. А караван знай себе катил, будто не замечая уклона дороги.

– Осторожно, – попросила Линкси.

Крозет подвигал рукоятками управления, и ледокат повел кормой, а затем и носом; лыжи с глухим стуком утвердились в старых колеях. Уклон сделался еще круче, но это уже не имело значения – Крозету больше не требовалось держаться впереди каравана. С медлительной неуклонностью скользящей мимо корабля суши передние машины настигали ледокат.

– А вот и «король», – сообщил Крозет. – Похоже, они готовы иметь с нами дело.

Рашмика не поняла, о чем речь, но, когда первые машины приблизились, увидела на крышах пару фермовых кранов, спускающих тросы с раскачивающимися крюками. Два человека в скафандрах соскользнули по тросам, каждый остановился у своего крюка. Потом эти люди исчезли, и несколько секунд ничего не происходило. Наконец Рашмика услышала тяжелый топот по крыше ледоката. Лязгнул металл, и еще через миг ледокат будто по волшебству прекратил движение.

– Вот так всегда, – пояснил Крозет. – Чтобы эти сукины дети остановились – да ни за что. Не нравится – проваливай. Такие дела.

– Ну, по крайней мере, можно будет выйти отсюда и ноги размять, – сказала Линкси.

– Мы уже в караване? – спросила Рашмика. – Я имею в виду, официально?

– В караване, – ответил Крозет.

Рашмика вздохнула с облегчением – теперь им не страшна вигридская полиция. Погоня так и не появилась, хотя нельзя было исключать, что она отстает всего на пару поворотов.

Она не знала, что и думать о намерении полицейских арестовать ее. Можно понять волнение родителей и администрации поселка, обнаруживших ее исчезновение. В такой ситуации по радио сообщили бы о бегстве Рашмики, попросили бы задержать ее при первой возможности и вернуть на Равнину Вигрид. А на самом деле все оказалось гораздо хуже: по неизвестной причине ее сочли причастной к диверсии на складе взрывчатки. Похоже, полиция решила, что она сбежала неспроста – боялась разоблачения. И пока нет явного подозреваемого, Рашмика подходит не хуже прочих.

Спасибо Линкси и Крозету, которые, скорее всего, не верят, что она способна на такое. Либо не верят, либо им безразлично. Единственное, чего ей следует опасаться, – это полицейских кордонов на пути к каравану.

И вот теперь ее волнения позади – по крайней мере, можно не бояться засады.

Чтобы поднять ледокат на борт машины из каравана, потребовалось не более минуты. Во время причальных операций Крозет почти ничего не говорил и, по мнению Рашмики, почти ничего не делал. Но вот внутрь ледоката ворвался воздух, у Рашмики слегка заложило уши. Потом она услышала, как кто-то поднялся на борт и уверенно двинулся к кабине.

– Показывают, кто здесь главный, – объяснил Крозет, хотя она и сама уже догадалась. – Ты, Рашмика, не бойся. Ребята любят поиграть мускулами, но без нашего брата землекопа им не обойтись.

– Я не боюсь, – буркнула Рашмика.

Человек ввалился в кабину так, словно вышел из нее минуту назад по какому-то пустяковому делу. У него была широкая жабья физиономия, кожистая перемычка между плоским носом и верхней губой неприятно поблескивала мокрым. На нем был длинный плащ из толстой пурпурной ткани, с широкими подбитыми обшлагами и воротом. На круто заломленном набок берете красовалась сложная виньетка, из-под головного убора выбивались рыжие кудри. На пальцах сверкали многочисленные вычурные перстни. В руке мужчина держал компад с мелькающими на экране колонками цифр; шрифт показался Рашмике древним. А на правом плече незнакомца угнездилась какая-то мудреная конструкция из ярко-зеленых трубок и шлангов. Оставалось лишь догадываться, украшение это или сложный медицинский аппарат.

– Мистер Крозет, – проговорил жаболицый вместо приветствия, – какая неожиданная встреча. Вот уж не думал в этот раз, что вы сумеете до нас добраться.

Крозет пожал плечами. Рашмика видела, что он изо всех сил старается выглядеть невозмутимым и безразличным – и сил на это уходит много.

– Умелым да смелым, квестор, трудности не страшны, – ответил он.

– Похоже на то. – Жаболицый взглянул на экран, шевеля губами так, будто высасывал сок из лимона. – Но в этот раз вы припозднились. Жаль разочаровывать, да только ваши предложения вряд ли нас заинтересуют.

– Вся моя жизнь – цепочка разочарований, квестор. Я уже привык.

– Что ж, неплохо, когда человек заранее готов к худшему. Каждому из нас следует знать свое место в этом мире.

– Уж я-то свое знаю, не сомневайтесь. – Крозет что-то повернул на панели управления, и гудение ледоката прекратилось. – Ну что, поговорим о делах? Должен признать, вы отшлифовали вступительную часть до блеска.

На уродливой физиономии появилась скупая улыбка.

– Гостеприимство обязывает. Крозет, не будь вы нам симпатичны, мы оставили бы вас на льду или просто переехали.

– Похоже, Бог милостив ко мне.

– Кто вы? – произнесла Рашмика, удивившись собственному вопросу.

– Это квестор... – начала было Линкси.

– Квестор Рутланд Джонс, – перебил жаболицый таким тоном, будто говорил со сцены. – Начальник вспомогательного снабжения, инспектор караванов и других мобильных отрядов, разъездной представитель церкви Первых Адвентистов. С кем имею удовольствие беседовать?

– Вы из первых адвентистов? – Рашмика решила, что ослышалась. У церкви Первых Адвентистов было много «дочек», в том числе крупных и влиятельных; при этом названия у них бывали настолько похожими, что впору перепутать. Но девушку интересовали именно первые адвентисты. – Это старейшая церковь? Та, что здесь с самого начала?

– Ну, если мой работодатель не слишком сильно ввел меня в заблуждение, то да. Но вы, кажется, не ответили на мой вопрос.

– Меня зовут Рашмика, – ответила она. – Рашмика Эльс.

– Эльс. – Мужчина задумчиво пожевал губами, будто пробуя слово на вкус. – Вполне распространенная фамилия в поселках Равнины Вигрид. Но встречать Эльсов так далеко к югу мне не доводилось.

– Одного наверняка встречали, – возразила Рашмика.

Конечно, она ткнула пальцем в небо – ее брат уехал с караваном первых адвентистов, но вовсе не обязательно с этим самым.

– Если бы встретил, запомнил бы его.

– Рашмика путешествует с нами, – сказала Линкси. – Она... умная девочка. Правильно я говорю, дорогая?

– А то! – буркнула Рашмика.

– Она подумывает пристроиться к какой-нибудь церкви. – Лизнув пальцы, Линкси пригладила волосы, прикрывающие родимое пятно.

Квестор опустил компад:

– Пристроиться?

– На какую-нибудь техническую должность, – пояснила Рашмика.

Мысленно она раз десять репетировала этот разговор и непременно добивалась успеха. Но сейчас все происходило слишком быстро, совсем не так, как она рассчитывала.

– Что ж, для толковой девушки у нас всегда найдется занятие. – Квестор порылся в нагрудном кармане. – Конечно, все зависит от ваших талантов.

– Нет у меня никаких талантов. – Рашмика придала слову оттенок непристойности. – Зато я умею читать и писать и программировать большинство моделей сервоботов. Неплохо изучила вертунов. У меня есть собственные мысли насчет причины их исчезновения. Наверняка в церквях я смогу все это применить с пользой.

– Она надеется попасть в археологическую группу, из тех, которые обеспечиваются церковью.

– В самом деле? – обратился квестор к девушке.

Рашмика кивнула. Насколько ей было известно, церковные археологические партии создавались не всерьез, а для сугубо фиктивной поддержки куэйхистской догмы в отношении вертунов. Но ведь нужно с чего-то начинать. Ее настоящая цель – найти Харбина, а не углубиться в науку. Вот только справиться с задачей наверняка будет легче, если начинать продвижение с какой-нибудь серьезной службы, например археологической, а не с самых низов, например с бригады по расчистке Пути.

– Надеюсь, от меня будет прок, – сказала она.

– Начитаться научных статей – не значит постичь науку, – заметил квестор скорее назидательно, чем укоризненно.

Из нагрудного кармана он вынул щепотку семян. Зеленое суставчатое нечто на его плече зашевелилось и оказалось живым существом. Двигалось оно до смешного неуклюже. Ничего похожего Рашмика отродясь не видела – тварь больше смахивала на надувную игрушку, чем на представителя фауны. Девушка пригляделась и поняла, что навершие самой толстой трубки –

турелеобразная голова с фасетчатыми глазами и сложным, механического вида ртом. Квестор сунул щепоть питомцу, выразительно поплямкал губами – ешь, мол. Существо потянулось к его руке и принялось осторожно клевать.

Девушка смотрела и диву давалась: туловище и лапы как у насекомого, но длинный хвост, несколько раз обвивший предплечье квестора, похоже, от рептилии. В том, как существо кормилось, было что-то определенно птичье. Она вспомнила когда-то увиденных птиц – хохлатых, блестящих, важных. Павлины. Нет, правда, где она могла видеть павлинов?

– Наверняка вы прочитали много книг, – сказал квестор, с улыбкой наблюдая за питомцем и искоса поглядывая на Рашмику. – Это похвально.

Девушка опасливо смотрела на неведомую зверушку.

– Квестор, я выросла на раскопках. С самого рождения дышу прахом вертунов.

– Ну, здесь это не столь уж редкое явление. И много ли окаменелых вертунов вам удалось изучить?

– Ни одного, – ответила Рашмика, поколебавшись.

– Понятно. – Квестор потеревил пальцем свою губу, потом дотронулся до рта зверька. – Все, Мята, хватит с тебя.

Крозет кашлянул:

– Квестор, может, продолжим разговор в караване? У нас куча дел, а ведь еще домой ехать.

Мята, сообразив, что добавки не будет, забралась по руке Квестора на прежнее место и принялась чистить мордочку похожими на ножницы лапками.

– Девочка на твоём попечении, Крозет? – спросил квестор.

– Да не сказал бы. – Крозет взглянул на Рашмику и спохватился: – То есть на моем, пока не добралась, куда ей нужно. И если ее кто-нибудь тронет, он будет иметь дело со мной. Ну а когда она устроится – все, с меня взятки гладки.

Квестор снова взглянул на Рашмику:

– И сколько же вам лет?

– Достаточно, – ответила она.

Зеленый зверек повернул к ней голову-турель с фасетчатыми глазами, похожими на ягоды ежевики.

Хела, год 2615-й

Куэйхи терял сознание и снова приходил в себя, и с каждым разом между этими состояниями оставалось все меньше разницы. Возникали галлюцинации, их сменяли другие – внушавшие, что предыдущие видения были явью. Время от времени он видел спасателей, спускающихся по каменистому склону; завидев его, те припускали бегом и ободряюще махали руками. Во второй или третий раз он хохотал при мысли, что реальные спасатели выглядят и ведут себя точно так же, как перед этим воображаемые. Кому расскажи, разве поверят? Но всякий раз между появлением вызволителей и началом транспортировки Куэйхи в безопасное место наступал момент, когда он снова оказывался один-одинешенек, и в груди пылала боль, и единственный зрячий глаз видел будто сквозь вуаль.

Иногда прилетала «Доминатрикс», плавно снижалась между крутыми склонами Рифта, аккуратно садилась невдалеке от Куэйхи на струях из тормозных дюз. В середине длинного корпуса отъезжала вбок дверь шлюза, и появлялась Морвенна. Стремительно мелькающие поршни несли ее к раненому пилоту, величественную и грозную, как устремившаяся в атаку армия. Освободив возлюбленного из обломков «Дочери мусорщика», Морвенна помогала ему идти по окутанному космической стужей, изрезанному светом и тенями ландшафту, и благодаря нелепой логике галлюцинирующего мозга спасаемый ничуть не нуждался в воздухе.

Иногда она выходила в резном скафандре, хотя Куэйхи знал, что оболочка заварена наглухо и нигде не может гнуться.

Постепенно бред подавил рациональное мышление. В редкие моменты просветления Куэйхи думал о том, что самой милосердной галлюцинацией будет картина смерти – вместо этой бесконечной пытки надеждой на спасение.

Однажды Куэйхи увидел, как к нему по осыпи спускается Жасмина, а за ней ковыляет Грилье. На ходу королева вырвала себе глаза, и на лице пролегли кровавые полосы.

Галлюцинации сменяли друг друга, вирус набирал силу. Такого экстаза Куэйхи еще не испытывал, даже когда индоктринационные микроорганизмы впервые попали в его кровь. Музыка в голове сопровождала любую мысль, цветное сияние небесных витражей освещало все до одного атомы Вселенной. Пилот чувствовал обращенный на него пристальный и любящий взгляд. Эмоции больше не казались ложным фасадом – все было по-настоящему. До сих пор Куэйхи как будто видел отражения чего-то далекого, слышал приглушенное эхо прекрасной, щемящей сердце музыки. Неужели это результат воздействия вируса на мозг? Прежде ощущения бывали именно такими, похожими на серии механически вызванных реакций. Но теперь эмоции кажутся настоящими, его собственными – для фальши просто нет места в душе. Разница огромна, как между театральным громом и подлинной грозой.

Слабеющая рациональная часть сознания говорила Куэйхи, что все остается по-прежнему, что любые его переживания вызваны вирусом. Воздух покидает кабину, и мозг пилота страдает от нехватки кислорода. Стоит ли удивляться, что ощущения и эмоции изменились? А вирус многократно усиливает этот эффект.

Но еще через минуту эта рациональная часть испарилась.

И тогда Куэйхи ощутил присутствие Всевышнего.

– Ладно, – прошептал Куэйхи, прежде чем потерять сознание. – Я верю в Тебя. Я твой. Но мне по-прежнему нужно чудо.

Глава десятая

Хела, год 2615-й

Он очнулся. Он мог двигаться. Воздух вокруг был холодным, но свежим, в груди не болело.

«Значит, вот оно, – подумал он. – Наверное, это последняя галлюцинация и через миг в мозгу начнется лавинообразный процесс гибели клеток. Пусть эта последняя галлюцинация будет приятной и пусть продлится, пока я не умру. Больше я не прошу ни о чем».

Но на этот раз ощущения были абсолютно реальными.

Куэйхи попытался оглядеться по сторонам: он по-прежнему находился в ловушке, на борту «Дочери мусорщика». Однако пейзаж за иллюминатором смещался: вихлял, подпрыгивал, полз рывками навстречу. Куэйхи понял, что его корабль тащат по осыпи ко дну ущелья. Он вытянул шею и здоровым глазом увидел мерное быстрое движение поршней, блеск членистых манипуляторов.

Морвенна.

Нет, это была не Морвенна. Это был сервробот из ремонтной группы «Доминатрикс». Паукообразный механизм присоединил к корпусу «Дочери мусорщика» липкие транспортировочные пластины и поволок ее по земле вместе с Куэйхи. Ну конечно, конечно, конечно: как иначе его отсюда вытащить?

Пилот подумал, что все это глупо. У него нет ни скафандра, ни шлюза. В сущности, кораблик и есть его скафандр. Почему это никогда не приходило Куэйхи в голову?

Сознание прояснилось, и он заметил, как сервробот что-то воткнул в разъемы питания «Дочери». Возможно, подает свежий воздух. «Дочь» объяснила ему, что нужно сделать, чтобы сохранить жизнь ее обитателю. Наверняка в воздухе повышено содержание кислорода, снимающего боль и волнение.

Куэйхи не мог поверить, что это происходит на самом деле. После длинной череды галлюцинаций – самая настоящая, зримая и осязаемая реальность, явственная вещность подлинных событий. До сих пор в его бреде сервроботы участия не принимали. Он ни разу не подумал о том, что перенести его в безопасное место можно только вместе с кораблем, и сделать это способны только роботы. Прежде, в видениях, его спасали всегда люди. Эта упущенная им подробность определенно доказывала реальность происходящего.

Куэйхи взглянул на консоль. Сколько времени он пробыл без сознания? Неужели удалось растянуть запас воздуха на пять часов? Прежде это казалось невозможным, но вот он, живой и все еще дышит. Наверное, помог индоктринационный вирус, погрузивший его сознание в чудесное состояние медитативного покоя, в котором кислород расходуется не так быстро.

Но ведь через три или четыре часа не должно было остаться не только кислорода, но и воздуха вообще. Если только корабль не ошибся в расчетах. Эта мысль разочаровывала после пережитого, но другого объяснения он не находил. Возможно, утечка была сильной вначале, но потом кораблю удалось запустить систему саморемонта и заделать пробоину, хотя бы частично.

Да, скорее всего, так и есть.

Но, судя по хронометру на пульте, с момента аварии прошло всего три часа. «Доминатрикс» должна находиться позади Халдоры, недостижимая для связи. Ей там прятаться еще шестьдесят минут! Даже при максимальной тяге нужно время, чтобы долететь сюда. А максимальная тяга недопустима, потому что на борту находится не защищенный от перегрузки человек. Не ограничить ускорение в такой ситуации «Доминатрикс» не может.

Но корабль здесь, рядом, стоит на льду. И выглядит таким же реальным, как скалы и звезды.

Значит, ошибка в расчете времени, а утечку ликвидировали ремонтные системы. Никак иначе случившееся не объяснить.

Вообще-то, другое объяснение тоже напрашивалось, но оно выглядело сомнительным. Если часы верны, значит «Доминатрикс» каким-то образом получила сигнал бедствия, находясь за Халдорой. Мыслимое ли дело? Прежде Куэйхи был уверен, что это невозможно, но теперь доказательство – корабль стоит перед ним, и он готов рассматривать любые варианты. Быть может, какое-то возмущение в атмосфере послужило отражателем и благодаря этому сигнал обогнул Халдору? Не могла же целая планета на мгновение исчезнуть, пропустив сигнал на другую сторону? Вот это было бы настоящим чудом. Но разве не о чуде он молился?

Молился, однако на самом деле его не ждал.

У открытого шлюза в «спине» «Доминатрикс» их дожидался еще один сервробот. Машины принялись затаскивать «Дочь мусорщика» внутрь большего корабля. Наконец она несколько раз гулко стукнулась обо что-то и остановилась. Несмотря на полученные повреждения, корпус маленького корабля сохранил некоторое подобие формы, и это позволило ему войти в крепления. Куэйхи увидел, как внизу за «Дочерью мусорщика» закрылся шлюз.

Через минуту другой сервробот, на этот раз миниатюрный, принялся открывать «Дочь», чтобы достать оттуда пилота.

– Морвенна, – несмотря на проснувшуюся в груди боль, нашел в себе силы проговорить пилот, – я вернулся. Побитый, но живой.

Никто ему не ответил.

Арарат, год 2675-й

Капсула была готова к открытию. Перед ней сидел Клавэйн. Его пальцы были переплетены под подбородком, он кивал, словно молился или мысленно каялся в каком-то недавнем страшном грехе.

Он откинул с головы капюшон; седые волосы рассыпались по воротнику плаща и плечам. Вроде все тот же старик с гордой осанкой – но сейчас он не походил на того Клавэйна, которого знали окружающие. Скорпион не сомневался, что помощники, которым он уже позволил разойтись по домам, к женам и мужьям, подругам и любовникам, несмотря на полученный приказ, будут говорить о том, как в ночи им явился бледный призрак великого человека. Да, у него есть жутковатое сходство с Клавэйном, но как же сильно сказались на нем прожитые годы! Да разве могло такое случиться с их кумиром? Любой был бы рад услышать, что ошибся, что этот дряхлый старец вовсе не Клавэйн, что славный предводитель колонистов остался на другой стороне планеты.

Скорпион опустил на свободный стул рядом с сочленителем:

– Что-нибудь слышишь?

Клавэйн ответил не сразу.

– Как я уже сказал, в основном бортовые системы, – тихо проговорил он. – Капсула блокирует большинство нейронных сигналов, ловятся только обрывки, да иногда пробиваются разрозненные пакеты данных.

– Но ты все же уверен, что это Ремонтуар?

– Я уверен, что это не Скади. А если не она, то кто, кроме Ремонтуара?

– Думаю, наберется с десятков вариантов, – шепотом заметил Скорпион.

– Нет, это исключено. Внутри капсулы сочленитель.

– Может быть, дружок Скади?

– Нет. Ее друзья все из одного теста: сочленители нового поколения, быстрые, эффективные и холодные как лед. У них другое сознание.

– Я плохо понимаю тебя, Клавэйн.

– Ты, Скорпион, считаешь, что мы все одинаковые. Но это не так. Мы никогда не были одинаковыми. Каждый сочленитель, с чьим сознанием мне доводилось вступать в контакт, отличался от прочих. А мысленная связь с Ремонтуаром... – Клавэйн замялся, а когда нашлась верная аналогия, на его губах появилась улыбочка. – Это как прикосновение к механизму часов. Старых, но надежных и точных, вроде тех, что стоят на церквях: из железа, с шестернями и храповиками. Думаю, он воспринимает меня как нечто более медленное и более механическое... вроде мельницы, например. А разум Галианы...

Он замолчал.

– Не волнуйся, Невил.

– Я в порядке. Ее разум напоминал комнату, полную птиц. Прекрасных, умных певчих птиц. И все они пели... Это была не бессмысленная какофония и не слаженный хор. Они пели друг для друга, будто ткали блестящую, радужную музыкальную паутину. Переговаривались между собой трелями так быстро, что и не уследишь. А Фелка...

Он снова замолчал, но почти сразу же продолжил:

– Фелка была похожа на турбинный зал – ощущение огромной скорости и одновременно полной неподвижности. Она редко разрешала проникать в ее сознание. Наверное, считала, что я все равно ее не пойму.

– А Скади?

– Скади можно сравнить с механической скотобойней. Серебристые лезвия кружат и машут, режут и рубят, и горе тому глупцу, который посмеет слишком глубоко залезть в ее

череп. Именно такое складывалось впечатление, когда она допускала меня к себе. Но это могло не иметь ничего общего с истинным состоянием ее разума. У нее не голова, а комната зеркал: ты видишь только то, что тебе позволяют увидеть.

Скорпион кивнул. Он имел дело со Скади, хотя это была единственная встреча и продолжилась она несколько минут. Вместе с Клавэйном он тогда проник на борт изувеченного, беспомощно дрейфующего в космосе корабля, после того как она попыталась при помощи опасной инопланетной техники превысить скорость света. В тот момент Скади была слаба, ее явно сбilo с толку увиденное после аварии. И хотя Скорпион не мог читать чужие мысли, у него сложилось отчетливое ощущение, что Скади не та женщина, с которой можно играть в игры.

Сказать по правде, он был даже рад тому, что никогда не сможет заглянуть в ее череп. Но сейчас лучше подготовиться к худшему. Если в капсуле Скади, с нее станет искажать свое нейронное излучение и обмануть Клавэйна, внушить ложное чувство безопасности, а потом, уловив момент, проникнуть в его сознание.

– Если вдруг почувствуешь что-то необычное... – начал Скорпион.

– Это Рем.

– И ты совершенно в этом уверен?

– Я уверен, что это не Скади. Довольно с тебя?

– Как скажешь, приятель.

– Так-то лучше, – проворчал Клавэйн, – потому что... – Он прервался, озадаченно моргая. – Погоди. Что-то происходит...

– Хорошее или плохое?

– Еще минута, и мы узнаем.

На боках капсулы с тех самых пор, как ее вытащили из моря, горели дисплеи, но теперь вдруг их показания начали меняться, переключаясь с режима на режим. Пульсирующий алый круг мигал несколько раз в секунду, тогда как раньше – с периодичностью в десять секунд.

Скорпион следил за этими сполохами как загипнотизированный. Потом круг вообще прекратил мигать, устоялся, точно горящий глаз. Красный сигнал сменился зеленым. Внутри продолговатого яйца приглушенно заклацало, и Скорпион вспомнил слова Клавэйна о старинных механических часах.

Еще через секунду в боку капсулы образовалась щель, настолько внезапно, что Скорпион аж подпрыгнул, хоть и был готов ко всему. Из расширяющегося отверстия пошел холодный пар. Большой кусок обожженной металлической скорлупы отошел назад, мягко движимый шарнирным механизмом.

В ноздри свинье ударила смесь запахов: дезсредства, механическая смазка, охладители, человеческие миазмы.

Когда пар рассеялся, они увидели внутри яйца человека – женщину, свернувшуюся в позе зародыша. Она была покрыта слоем защитного зеленого геля, и вдобавок, как виноградные плети статую, ее оплело ажурное кружево жизнеобеспечения.

– Скади? – спросил Скорпион.

Женщина не была похожа на Скади, какой ее запомнил свинья, – начать с того, что у этой незнакомки голова правильной формы, – но он счел не лишним спросить.

– Нет, это не Скади, – ответил Клавэйн. – И не Ремонтуар.

Он встал и склонился над капсулой.

Включилась какая-то автоматическая система, принялись разворачиваться шланги и провода, из патрубков ударили мощные струи жидкости, смывая зеленый гель. Когда исчез механохимический защитный покров, оказалось, что кожа у нее цвета светлой карамели. Волосы на голове были острижены почти наголо. Маленькие груди угнездились в ложбинке между прижатыми к торсу бедрами.

– Позвольте ее осмотреть, – сказал Валенсин.

Скорпион остановил врача:

– Не торопитесь. Она выдержала невероятно долгий путь и осталась жива и здорова; наверняка еще несколько минут обойдется без вашей помощи.

– Скорп прав, – подал голос Клавэйн.

Женщина затряслась, и это было жутко – словно искусственное существо пародировало жизнь. Скрюченными жесткими пальцами она принялась сгребать гель и отбрасывать от себя. Движения учащались, как будто она пыталась залить пригоршнями воды огонь.

– Привет, – заговорил Клавэйн громче. – Не нужно волноваться. Ты в безопасности и среди друзей.

Кресло или ложе, в котором лежала женщина, поднялось из яйца на поршнях. Ажурный кокон к этому времени по большей части скрылся, но многие провода и шланги, подсоединенные к телу незнакомки, остались. Сложное дыхательное устройство скрывало нижнюю часть ее лица, придавая профилю сходство с обезьяньим.

– Кто-нибудь знает эту женщину? – спросил Васко.

Ложе медленно распрямлялось, позу зародыша сменяла нормальная для человека. Механизм неприятно пощелкивал сочленениями и поскрипывал тягами. Женщина под маской застонала и принялась выдергивать провода и трубки, погруженные в тело или прикрепленные к нему с помощью липучек.

– Я знаю, – тихо проговорил Клавэйн. – Ее зовут Ана Хоури. Она была помощницей Илия Вольевой, артиллериста на «Ностальгии по бесконечности», прежде чем корабль попал к нам в руки.

– Бывший солдат, – продолжил Скорпион, вспомнив несколько своих встреч с этой женщиной и то, что удалось узнать о ее прошлом. – Да, ты не обознался. Но как же она изменилась с тех пор!

– Еще бы. Лет на двадцать постарела, если не больше. А кроме того, стала сочленителем.

– Вы хотите сказать, что раньше она сочленителем не была? – спросил Васко.

– Когда мы познакомились – нет, – ответил Клавэйн.

Скорпион взглянул на старика:

– Уверен, что теперь она сочленитель?

– Я же улавливаю ее мысли. Я же определил, что это не Скади и не человек из команды Скади. Да, признаю ошибку: я принял ее за Ремонтуара.

Валенсин опять попытался пробраться вперед:

– Я готов помочь ей, если теперь вы не против.

– Она сама о себе позаботится, – ответил Скорпион.

Хоури уже сидела, почти в нормальном положении – как посетитель в ожидании приема. Но в этой удобной позе она оставалась всего несколько секунд. Потом сорвала с лица маску, заодно вытянув из горла сантиметров пятнадцать покрытого легочной слизью пластмассового шланга. Освободившись от медицинского прибора, Хоури несколько раз хрипло и резко вздохнула, словно кто-то сильно и неожиданно ударил ее в живот. Потом зашлась в раздрающем кашле, и лишь после этого дыхание нормализовалось.

– Скорпион... – опять заговорил Валенсин.

– Доктор, я не бил людей уже лет двадцать. Прошу вас, не заставляйте меня вспоминать прошлое. Сядьте.

– Не стоит ему перечить, – посоветовал Валенсину Клавэйн.

Хоури повернулась к ним. Подняв руку, заслонила налитые кровью моргающие глаза.

Потом встала, не отводя взгляда. Скорпион следил за ней с вежливым безразличием. Некоторые свиньи возбуждались при виде обнаженных женщин-людей, как и некоторым людям нравились женщины-свиньи. И хотя разница в физиологии женщины-человека и женщины-свиньи была невелика, для Скорпиона ее было достаточно.

Держась одной рукой за край капсулы, Хоури утвердилась на ногах. Она стояла, прижав колено к колену, словно боялась упасть в любой момент. Ее глаза уже привыкли к свету, хотя все еще шурились.

Наконец она заговорила, и голос звучал хрипло, но решительно:

– Где я?

– На Арарате, – ответил Клавэйн.

– Где. – Это было лишено вопросительной интонации.

– Просто на Арарате, пока этого хватит.

– В вашем главном поселении, надо полагать.

– Повторяю...

– Давно я здесь?

– Сложно сказать, – ответил Клавэйн. – С тех пор как мы поймали сигнал твоего маячка, прошла пара дней. Сколько ты болталась в море, никто не знает. И сколько летела до планеты – тоже.

– Пара дней? – Она смотрела так, словно Клавэйн говорил о неделях и месяцах. – Почему так долго?

– Твое счастье, что мы нашли тебя быстро, – вступил в разговор Кровь. – А система пробуждения работала по своему графику.

– Два дня... Где Клавэйн? Я хочу его видеть. И не говорите, что дали ему умереть, пока я сюда добиралась.

– Об этом не беспокойся, – ухмыльнулся Клавэйн. – Как видишь, я еще более-менее жив.

Хоури взглянула на него с насмешливым выражением, будто сочла услышанное за неуклюжую попытку розыгрыша:

– Это вы?

– Да. – Клавэйн протянул руку. – Извини, если разочаровал.

Женщина смотрела на него еще несколько секунд, потом сказала:

– Вы меня извините. Просто... я ожидала другого.

– Надеюсь, что все же смогу быть полезным. – Клавэйн повернулся к Крови. – Дай ей одеяло, пожалуйста. Мы ведь не хотим, чтобы она умерла от простуды. А теперь, мне кажется, не будет лишним, если доктор Валенсин проведет полный медосмотр.

– Не до осмотров, – прохрипела Хоури, срывая последние липучки. – Мне нужно в океан. И какое-нибудь оружие. – Помолчав, она добавила: – А еще, конечно, еда и вода. Одежда тоже не помешает.

– Мне кажется, ты торопишься, – сказал Клавэйн. – Разве это не может подождать до утра? Вообще-то, мы ждали двадцать три года, и нам есть о чем поговорить.

– Вы ни черта не знаете, – сказала Ана.

Кровь принес одеяло и вручил Клавэйну; тот шагнул к Хоури. С равнодушным видом она укуталась.

– Есть у нас и лодки, и оружие, – сказал Клавэйн. – Но вряд ли будет лишним, если ты хотя бы в общих чертах объяснишь, зачем все это тебе понадобилось прямо сейчас.

– Моя дочь, – ответила Хоури.

Клавэйн вежливо кивнул:

– Твоя дочь.

– Мою дочь зовут Аура. Она здесь... Как, ты сказал, называется это место?

– Арарат, – ответил Клавэйн.

– Угу. Она здесь, на Арарате. И я прилетела спасти ее.

Клавэйн оглянулся на своих товарищей:

– И где же конкретно находится твоя дочь?

- Примерно в восьмистах километрах отсюда, – ответила Хоури. – А теперь дайте все, что я прошу. И еще инкубатор. И того, кто смыслит в полевой хирургии.
- При чем тут полевая хирургия? – удивился Клавэйн.
- А притом, – ответила Хоури, – что мою дочь сначала нужно будет извлечь из Скади.

Глава одиннадцатая

Хела, год 2727-й

Рашмика подняла голову и взглянула на окаменелые останки вертуна. Символ кичливой роскоши, он был подвешен к потолку в большом кузове одной из машин каравана. Возможно, фоссилия собрана из частей разных тел, но, даже если это сплошь имитация, все равно интересно, ведь девушка никогда прежде не видела вертуна целиком.

Она огляделась по сторонам – хотелось забраться повыше и рассмотреть останки вблизи, вплоть до потертостей в местах соприкосновений пластин рогового покрова. Раньше она лишь читала о таких вещах, а сейчас была уверена, что за час сумеет разобраться, настоящий вертун перед ней или нет. По крайней мере, исключит возможность дешевой подделки.

Отчего-то она была уверена, что эта штукавина недешевая и, скорее всего, настоящая.

Мысленно она провела морфологическую классификацию тела вертуна. DK4V8M, подумала она. Или же DK8V4L – нелегко разобраться, когда так играют пыль и тени на покрове длинного хвоста. По крайней мере, тут возможно применение обычной морфологической классификационной схемы. В дешевых подделках части тела обычно состыкованы неправильно, но здесь они явно на своих местах, пусть даже не все взяты из одного захоронения.

Вертуны были настоящим кошмаром классификаторов. Когда добыли первого, казалось, нет ничего проще, чем сложить имеющиеся фрагменты и получить существо, напоминающее большое насекомое или омара. Нельзя было не заметить логичность в предназначении частей тела, и, несмотря на обилие узкоспециализированных конечностей и органов чувств, не составляло труда собрать из них более или менее понятную комбинацию. При этом загадкой оставались только внутренние органы.

Но второй вертун кое-чем отличался от первого. Другое число конечностей, голова и рот – иного типа. И все же опять все части тела без проблем соединились друг с другом, для каждой легко нашлось место.

Третий не был похож на первых двух. То же самое относится к четвертому и пятому.

Когда же были выкопаны и изучены останки сотни вертунов, у исследователей на руках оказалось сто различных вариантов строения тела.

Теоретики взялись искать объяснение. Одна из версий гласила, что вертуны отличались при рождении. Но две одновременные находки разбили это предположение в пух и прах. Во-первых, нашли несколько тел вертунов-младенцев, почти в полной комплектности. Некоторые немного различались между собой, но были и совершенно одинаковые. Основываясь на статистике совпадений, теоретики заявили, что должны быть обнаружены по меньшей мере три одинаковых тела взрослых вертунов.

Второй находкой – которая случайно объяснила первую – стали два взрослых вертуна в одном захоронении. Они лежали в разных, но соединенных системой тоннелей пещерах. Все части их тел были на месте, и, конечно же, после сборки археологи получили два новых варианта морфологии. Однако в процессе изучения вскрылось нечто неожиданное. Молодой археолог по фамилии Кимура решила рассмотреть царапины, оставленные трением различных частей панциря друг о друга. Оказалось, что не совпадают даже царапины: они могут быть на одной пластине и отсутствовать на соседней.

Поначалу Кимура допускала мистификацию: кто-то копался в останках, потому что цена на них была высока и уже возник небольшой рынок для коллекционеров. Все же она решила разобраться. Несколько недель ломала голову над загадкой, убежденная, что правда лежит на поверхности, надо только увидеть ее. И вот как-то вечером, после долгого корпения над мик-

роскопом, усталая до предела, она легла спать. Сон был беспокойным, ее лихорадило, а пробудившись, она бросилась в лабораторию и проверила то, что не давало ей покоя ночью.

Для каждой царапины находилась пара – но только если брать фрагменты разных вертунов. Эти существа обменивались друг с другом частями тел. Вот почему не было двух похожих организмов. Они могли разбирать себя на «детали» – и обмениваться ими, то ли в обрядовой церемонии, то ли в акте совокупления. После чего расплзались по норкам, чтобы прийти в себя и восстановиться.

По мере того как археологи находили все больше останков, стало понятно, что число вариантов строения тела стремится к бесконечности. Обмен фрагментами имел практическое значение: он позволял вертунам приспосабливаться к меняющимся условиям обитания и деятельности. Но присутствовала и эстетическая составляющая: желание быть уникальным, непохожим на других. Вертуны, которым удавалось максимально модифицировать себя, уйти от изначальной конституции, предположительно считались наиболее успешными в социальном плане, поскольку прошли через большое число обменов. Противоположным полюсом были схожие пары вертунов, – по мнению Кимуры и ее коллег, по меньшей мере один из такой пары был неудачником, которому не удалось найти партнера для обмена.

Между исследователями вспыхнул горячий спор. Большинство настаивало на том, что такая способность не могла развиваться естественным путем; только успехи в биоинженерии позволили вертунам изменить свое тело так, чтобы различные его части могли переходить от одной особи к другой и приживаться, причем без микрохирургии и иммунодепрессантов.

Меньшинство же стояло на том, что обмен частями бытовал не только в конце эпохи вертунов, напротив, он глубоко укоренен в их истории. По мнению этих исследователей, миллионы лет назад вертуны развивались в крайне враждебных для жизни условиях – в эволюционном аналоге переполненного садка с омарами. Выживание не сводилось к способности вырастить новую лапу или клешню – надо было присоединить к телу нужный орган в нужном месте, прежде чем он будет сожран. В свою очередь органы тоже эволюционировали, чтобы существовать даже будучи оторванными.

По мере того как ужесточались требования к выживанию, вертуны выработали еще и способность к взаимообмену, то есть научились приживлять и адаптировать не только свои конечности, но и конечности сородичей.

Возможно, даже сами вертуны уже не помнили, когда и по какой причине возник обряд обмена. В нескольких символических текстах, найденных на Хеле, естественно, упоминания об этом обычае отсутствовали. О том, что накрепко вросло в быт, без необходимости не говорят и не пишут.

Разглядывая это фантастическое существо, Рашмика размышляла о том, что подумали бы вертуны о людях. Возможно, сочли бы их диковинными зверушками, а морфологическое постоянство – безумной и самоубийственной причудой.

Рашмика опустила на колени и пристроила перед собой семейный компад. Открыв устройство, достала из гнезда на его боку стилос. Сидеть неудобно, но и работы на несколько минут.

Движения ее руки, водившей стилосом по экрану компада, были быстрыми и уверенными. Вскоре на экране появилось довольно точное изображение инопланетного существа.

В отношении каравана Линкси оказалась права: не важно, сколь холоден был прием, зато впервые за трое суток они смогли выбраться из ледоката.

Рашмика поразила тому, как это повлияло на ее настроение. Не то чтобы исчезла боязнь попасть в руки к полиции Равнины Вигрид, хотя вопрос, почему эта полиция хочет до нее добраться, по-прежнему не давал покоя. Внутри каравана воздух был свежее, там дули интересные ветерки и витали разнообразные запахи, – куда приятнее всего того, что ей дове-

лось испытать на борту ледоката, где едва хватало места, чтобы вытянуть ноги. Здесь же было достаточно простора и света; проходы широки, потолки высоки, комнаты удобны. И все содержалось в идеальном порядке, да и обхождение по сравнению с первоначальным приемом не оставляло желать лучшего. Можно было попить и поесть, и одежду постирать, и самой вполне сносно вымыться. Были даже развлечения, хотя Рашмика к такому не привыкла. А еще ее окружало множество людей, которых она раньше никогда не видела.

Присмотревшись, она поняла, что ошибалась в своем первоначальном суждении об отношениях Крозета и квестора. Хотя между ними не наблюдалось большой любви, было ясно, что обе стороны всегда считали друг друга полезными. За грубоватыми шутками пряталось холодное обоюдное уважение. Квестор жаждал свежей информации и не сомневался, что у Крозета имеется запас ценных новостей. Гость же нуждался в запасных частях и других ходких товарах.

Рашмика сначала просилась на переговоры только из интереса, но вскоре поняла, что может быть полезна Крозету. Она садилась у дальнего края стола, вооружившись только ручкой и листом бумаги: на компад или подобное ему устройство можно поставить хитрые программы вроде анализатора голосовых колебаний.

Рашмика делала записи о предметах, которые Крозет выставял на продажу, а ее зарисовки получались по обыкновению точными. Интерес девушки к вертунам был неподдельным, но это была не единственная причина ее присутствия на переговорах.

В первый раз на встречу явились двое покупателей. Потом их бывало и трое, и даже четверо; временами присутствовал сам квестор или кто-нибудь из его заместителей. Переговоры всегда начинались одинаково: покупатели спрашивали, что Крозет может им предложить.

– Нам не интересны реликвии вертунов, – прозвучало в ходе первой встречи. – Что нам нужно, так это артефакты несомненно человеческого происхождения. Вещи, оставленные на Хеле в течение последней пары веков, а не миллионлетнее старье. Сейчас эвакуируются богатые звездные системы, рынок инопланетного хлама в упадке. Кто захочет пополнять коллекцию, когда надо поскорее распродать имущество только для того, чтобы купить себе морозильную ячейку?

– О каких артефактах идет речь?

– О полезных. Времена настали мрачные, люди больше не интересуются предметами искусства и другими безделушками, им подавай то, что реально приносит удачу. Лучше всего идет оружие и системы жизнеобеспечения – такие вещи дадут преимущество, когда придет время драться за последнее. Контрабандное оружие сочленителей, демархистская броня. Все, что неуязвимо для чумы. Это можно сбыть легко и дорого.

– Как правило, я не торгую оружием, – сказал Крозет.

– Рынок меняется, пора и правила менять, – с кривой усмешкой ответил один из собеседников.

– А приличествует ли такой бизнес церквям? Не кажется ли вам, что это не вполне соответствует Писанию?

– Людям нужно защищаться, разве можно им в этом отказать?

Крозет пожал плечами:

– Что ж, у меня нет ни оружия, ни боеприпасов, ни брони. Поищите копателей, которые охотятся на предметы военного предназначения.

– Может, у тебя есть что-нибудь другое?

– Не слишком много.

Крозет приподнялся, словно хотел уйти. Он так делал на каждом втором переговорах.

– Поеду-ка я, пожалуй. Не вижу смысла тратить ваше и мое время.

– У тебя точно ничего нет?

– Ничего, что могло бы вас заинтересовать. Конечно, есть артефакты вертунов, но вы же говорите... – Крозет в точности спародировал презрительный тон покупателей, – рынок инопланетного хлама в упадке.

Покупатели вздохнули и переглянулись; квестор наклонился к ним и что-то шепнул.

– Ну, раз ты тут, покажи, что привез, – неохотно проговорил один из покупателей. – Хотя вряд ли мы решим это купить.

Крозет знал, что необходимо соблюдать правила игры, какой бы дурацкой она ни казалась. Он достал из-под стула нечто похожее на маленькое мумифицированное животное, обернутое защитной пленкой.

Покупатели скривились от отвращения.

Крозет с непроницаемым лицом положил предмет на стол и с мучительной медлительностью, слой за слоем, развернул пленку. Попутно он рассказывал удивительную историю этой находки, переплетая вымысел с обрывками фактов, разжигая интерес клиентов.

– Да не томи ты, Крозет, показывай!

– Должен же я объяснить, что это такое.

Наконец пленка была снята полностью. Крозет расправил ее на столе, демонстрируя добытый из раскопа предмет.

Рашмике он не был в диковинку, поскольку входил в число вещей, которыми она заплатила за проезд до каравана.

Смотреть было особенно не на что. Рашмика на своем веку успела повидать тысячи предметов, найденных в копиях Равнины Вигрид. Иной артефакт ей даже разрешали подержать в руках, а то и изучить как следует, прежде чем он переходил в руки какого-нибудь торгового семейства. И до сих пор у нее ни разу не спирало дыхание от восторга.

Большая часть находок была искусственного происхождения, преобладали грубая необливаемая керамика и тусклые металлы. Редко удавалось найти следы украшений на поверхности – ни росписи, ни покрытия драгметаллами, ни резьбы. Примерно на одной находке из тысячи присутствовали строки символов, и некоторые исследователи утверждали, что понимают их значение. В основном же артефакты вертунов были невзрачными, серыми, грубой формы. Они напоминали остатки утвари человеческого бронзового века, но нисколько не походили на блестящие образчики продукции космических цивилизаций. Ничего похожего на высокие технологии так и не развилось в системе 107-й Рыб.

И тем не менее в последние века появился рынок и таких предметов. Отчасти по той причине, что ни одна исчезнувшая инопланетная цивилизация – амарантийцы, например, – не оставила после себя никакой бытовой утвари. Все эти культуры были уничтожены с величайшей тщательностью, и те бесценные предметы, что все-таки удалось найти, перешли в распоряжение богатых и крупных научных организаций вроде Института Силвеста. И только вертуны оставили достаточно артефактов, чтобы можно было пополнять ими частные коллекции любителей инопланетных культур.

То, что артефакты сплошь мелкие и невзрачные, никого не смущало. Древность и бесспорное инопланетное происхождение – вот что играло роль. А еще отпечаток великой трагедии, насильственной смерти целого космического народа.

До сих пор не удалось найти двух одинаковых артефактов. Все пожитки вертунов олицетворяли собой ту же кошмарную неповторимость, что и хозяева. Дичайшая анатомическая мозаика распространялась и на материальное окружение этих существ. У вертунов было массовое производство, но каждый выпускаемый предмет на конечном этапе проходил специальную обработку, которая обеспечивала ему уникальность.

Продажу артефактов внешним мирам полностью контролировали церкви, причем клерикалы вовсе не поощряли исследователей, пытавшихся разгадать тайну происхождения вертунов и выяснить, какое отношение к чуду Куэйхи они имеют. Церкви много внимания уде-

ляли раскопкам, чтобы всегда иметь изрядный запас товара для посещавших систему торговых кораблей ультра. Однако всегда тлело опасение, что очередная археологическая находка сорвет покров тайны с куэйхистской доктрины.

На сегодняшний день практически все церкви рассматривали исчезновения Халдоры как Божьи знамения, как последний отчет перед завершающим апокалиптическим событием. Но что, если вертуны тоже видели эти пропажи? Их символьное письмо и в лучшие времена плохо поддавалось расшифровке; до сих пор не выявлено хотя бы отдаленного отношения добытых предметов к феномену Халдоры. Но льды Хелы сохранили огромное количество артефактов, и львиная доля их до сих пор не была толком изучена. Субсидируемые церквями археологи осуществляли только поверхностный осмотр непрестанно поступающих реликвий, и эти так называемые ученые, а на самом деле марионетки церквей, не стали бы поднимать шум, попадись им свидетельство, противоречащее религии Куэйхи. Именно по этой причине редкие ответы на письма Рашмики были столь уклончивы. Она хотела аргументированных дискуссий, в которых могла бы обрушить сложившуюся парадигму изучения вертунов. Археологи же хотели от Рашмики избавиться.

По этой же причине покупатели из каравана с неодобрением слушали Крозета, который с жаром расхваливал свой товар.

– Это скребок для панциря, – объяснял он, переворачивая серый, будто из кости вырезанный клиновидный предмет. – Вертуны вычищали им омертвевшую органику из щелей между пластинами. Мы полагаем, вертуны занимались этим не в одиночестве, а на миру – вроде того, как обезьяны ищут друг у дружки блох. Возможно, это давало расслабляющий эффект.

– Грязные скоты...

– Ты про обезьян или про вертунов?

– И про тех, и про других.

– Спокойно, приятель. Вертуны помогают вам заработать на хлеб с маслом.

– За это, Крозет, мы можем дать тебе только пятьдесят экуменических кредитов. И никак не больше.

– Пятьдесят экю? Да вы издеваетесь.

– Сей гнусный предмет служил гнусным целям. Пятьдесят экю за него... даже слишком высокая цена.

Крозет покосился на Рашмику. Она уже приготовилась, и даже мимолетного взгляда оказалось достаточно. Заранее оговоренная система знаков была очень проста: если покупатель действительно не может или не собирается платить больше, она переместит лист бумаги поближе к середине стола. А коли это блеф и стоит поторговаться, она придвинет бумагу к себе. Не получилось разгадать реакцию покупателя – значит к бумаге девушка не притронется. Впрочем, такое случалось нечасто.

Крозет относился к ее мнению очень серьезно. Если повышать цену не имело смысла, он не тратил сил и соглашался. Но когда клиенты хитрили и жадничали, он не давал им спуска.

На этих первых торговых переговорах клиенты пытались его обмануть. После довольно продолжительного и жаркого спора с взаимными упреками и уступками стороны наконец пришли к соглашению.

– А ты своего не упустишь, – мрачно сказал покупатель, выписывая Крозету чек на семьдесят экю, которые имели хождение только на территории каравана.

Аккуратно сложив чек, Крозет убрал его в карман рубашки:

– Приятно иметь с вами дело, парни.

У него был еще один панцирный скребок, а кроме того, несколько артефактов самого загадочного свойства. Каждый раз Крозет являлся на торг с новым товаром, который помогала нести Линкси или Кулвер. Но все это были предметы домашнего обихода. Оружие вертунов попадалось редко, и оно, похоже, имело только церемониальное назначение, зато и стоило

дорого. Как-то раз Крозет продал каравану нечто похожее на стульчак от унитаза, и выручить тогда удалось тридцать пять экю. Этого хватило только на новый сервомотор.

Рашмика старалась не слишком сочувствовать Крозету. Если он хочет заполучить находки поинтереснее, за которые отваливают трехзначные или четырехзначные суммы, ему следует изменить свое отношение к Равнине Вигрид. А раз плохо умеет ладить с людьми, пусть довольствуется остатками.

Торговля продолжалась два дня. На третий день покупатели вдруг потребовали, чтобы Крозет пришел с товаром один. Неужели разгадали уловку? Насколько было известно Рашмике, не существовало закона, запрещающего помощь экспертов, способных оценить, врет человек или нет. Может быть, она просто не понравилась помощникам квестора, ведь и раньше многие чувствовали себя неуютно в ее присутствии.

Но ей было все равно. Она помогла Крозету заработать побольше, ее плата за проезд несколько превысила сумму, которую он выручил за полученный от пассажирки артефакт вертунов. Да и как не отблагодарить? Ведь ее ищет полиция, а значит, он сильно рискует.

В общем, ее совесть чиста.

Арарат, год 2675-й

Попытка перевести Хоури из помещения, где находилась капсула, в подготовленный лазарет встретила жесткий отказ.

– Никаких осмотров, – сказала Ана. – Все, что мне нужно, – это лодка, какое-нибудь оружие, инкубатор и кто-нибудь умеющий обращаться с ножом.

– С ножом умею обращаться я, – сказал Клавэйн.

– Прошу отнестись к моим словам серьезно. Вы же доверяли Илиа?

– У нас было соглашение. Доверие ни при чем.

– Но вы прислушивались к ее словам?

– Пожалуй.

– Она доверяла мне. Этого недостаточно? Клавэйн, я не прошу слишком многого. Не требую отдать мне этот мир.

– Я обдумаю твою просьбу попозже, – ответил он. – Но только после того, как тебя осмотрит врач.

– У меня нет времени, – возразила Хоури, но по голосу было件нятно, что ей надоело спорить.

В лазарете их ждал доктор Валенсин и два медицинских серворобота со склада центральной хозяйственной службы – с лебедиными шеями, стандартного для медтехники тускло-зеленого цвета, передвигающихся с шипением на воздушных подушках. Из их стройных, похожих на шахматные фигуры тел выдвигались многочисленные специализированные манипуляторы. Врачу приходилось присматривать за этими устаревшими, изношенными механизмами – предоставленные сами себе, они имели дрянную привычку глючить и переключаться в режим аутопсии.

– Не люблю роботов, – буркнула Хоури, с заметной тревогой глядя на приближающиеся аппараты.

– По крайней мере, в этом наши вкусы совпадают. – Клавэйн, повернувшись к Скорпиону, понизил голос: – Как только доктор Валенсин предоставит нам результат осмотра, нужно будет переговорить с остальным руководством. Думаю, прежде чем куда-то плыть, ей нужно отдохнуть. А пока никому ни слова.

– Думаешь, она не лжет? – спросил Скорпион. – Про своего ребенка и Скади?

Клавэйн смотрел, как Валенсин помогает пациентке улечься на смотровую кушетку.

– У меня ужасное предчувствие, что она говорит правду.

После медицинского осмотра Хоури уснула мертвым сном. Она проснулась только раз, перед рассветом, позвала одного из ассистентов Валенсина и снова потребовала помощи в спасении своей дочери. Медик вколол еще одну дозу успокоительного, и Хоури проспала три или четыре часа. Время от времени она вздрагивала, двигала руками и возбужденно бормотала, но разобрать слов было件возможно. Только поздним утром она наконец полностью пришла в себя.

К тому времени, как доктор Валенсин решил, что Хоури готова принимать посетителей, над лагерем разразилась буря. Небо стало темно-сизым, с мраморными прожилками перистых облаков. «Ностальгия по бесконечности» тускло-серо поблескивала в море, недавно высеченная из гранитной скалы.

Клавэйн и Скорпион расположились по сторонам койки. Отличие состояло в том, что свинья сидел, положив руки на спинку стула перед собой.

– Я прочитал результаты обследования, – начал Скорпион. – Мы надеялись, что доктор успокоит нас, диагностировав психическое расстройство. К сожалению, ты не сумасшедшая. – Свинья потер переносицу. – И теперь у меня здорово болит голова.

Хоури села в кровати:

– Извините, если доставляю неудобства, но нельзя ли покончить с формальностями и заняться спасением моей дочери?

– Мы обсудим это, когда тебе разрешат подняться, – ответил Клавэйн.

– А почему не сейчас?

– Сначала мы должны понять, что происходит. Кроме того, нужно проработать тактические сценарии для всех вероятных ситуаций, связанных с твоей дочерью и Скади. Можно ли рассматривать это как захват заложницы? – спросил Клавэйн.

– Да, – скрипнув зубами, ответила Хоури.

– В этом случае, пока мы не получили от Скади конкретных требований, непосредственная опасность Ауре не угрожает. Скади не причинит вреда своему единственному козырю. Она бездушна и цинична, но не безумна.

Скорпион осторожно поглядел на старика. Клавэйн рассуждал четко и быстро, как обычно, хотя после возвращения с острова сочленитель проспал всего два часа. Скорпион уже был знаком с этим свойством стареющих людей; оно часто раздражало более молодых, усматривающих в нем какой-то подвох. Причина крылась не в том, что у стариков больше сил и энергии, просто их бодрствование и сон с годами все заметнее походят друг на друга и сменяются почти произвольно, по прихоти организма. Скорпион попытался представить себе эти бесконечные серые сумерки жизни, сменившие четкое и контрастное чередование дней и ночей.

– Сколько еще мы будем болтать, прежде чем вы решитесь действовать? – спросила Хоури. – Часы? Дни?

– В полдень у нас намечена встреча с руководством колонии, – сообщил Клавэйн. – Если все пройдет гладко, спасательная операция начнется, возможно, еще до заката.

– Вы можете поверить мне на слово, что времени для рассуждений нет вообще?

Клавэйн почесал в бороде:

– Будь твой рассказ чуточку понятней, может, я и поверил бы.

– Я не вру. – Хоури махнула рукой в сторону одного из сервороботов. – Врач сообщил вам, что я полностью здорова?

Скорпион улыбнулся, похлопав отчетом Валенсина по спинке стула:

– Он написал, что галлюцинациями ты, скорее всего, не страдаешь, но осмотр поставил гораздо больше вопросов, чем дал ответов.

– Ты говорила о своем ребенке, – сказал Клавэйн, прежде чем Хоури успела открыть рот, – но Валенсин написал, что ты не рожала. Нет также никаких следов кесарева сечения.

– Разве ты не знаешь, на что способна медицина сочленителей? Так зашьют, что малейшего шрафика не останется. – Хоури по очереди поглядела на Скорпиона и Клавэйна, в ее глазах было поровну злости и страха. – Вы хотите сказать, что не верите мне?

Клавэйн отрицательно покачал головой:

– Я всего лишь хочу сказать, что мы не смогли проверить твою историю. Валенсин выяснил, что у тебя в матке есть следы растяжения, свидетельствующие о том, что ты недавно была беременна, и остаточные гормональные изменения в крови подтверждают это. Но Валенсин считает, что этому могут быть и другие объяснения.

– Но он ведь не опроверг мои слова.

– Чтобы перейти к боевым действиям, нам нужны более веские доказательства, – ответил Клавэйн.

– Я снова спрашиваю: почему вы не можете просто поверить мне?

– Потому что не все сходится не только в твоём рассказе про ребенка. Как ты оказалась здесь, Ана? Где корабль, доставивший тебя? Не могла же ты добраться из системы Ресургема в этой капсуле. А мы не заметили, чтобы хоть одно судно входило в нашу систему.

– И поэтому считаете, что я лгу?

– Поэтому мы считаем, что надо разобраться, кто ты на самом деле.

– Корабли здесь, – со вздохом сказала Хоури, словно раньше времени преподнося заготовленный сюрприз. – Сосредоточены в соседнем объеме пространства. Ремонтуар, «Свет Зодиака», два оставшихся звездолета из войск Скади – они все в одной астрономической единице от Арарата, прибыли девять недель назад. Вот ответ, как я тут оказалась, Клавэйн.

– Но корабль не спрятать, – возразил старик. – По крайней мере, это очень нелегко. Постоянно находиться вне поля нашего зрения вообще невозможно. Ведь мы следим за небом.

– Мы научились прятаться, – ответила женщина. – В нашем распоряжении теперь есть технологии, о которых ты не имеешь ни малейшего представления. С тех пор как мы расстались... нам пришлось кое-что узнать. Расскажу – не поверите.

Клавэйн взглянул на Скорпиона. Свинья попытался угадать, о чем думает старый сочленитель, но не смог.

– Например? – наконец проговорил Клавэйн.

– Новые двигатели, – ответила Хоури. – Темные, невидимые. Никакими приборами их выброс не засечь. Маскировочные экраны. Пузыри распада внутриаомных сил. Кριοарифметическое движение – надежный способ управления инерцией значительных масс. Гипометрическое оружие. – Хоури содрогнулась. – Сказать по правде, оно мне нравится меньше всего. Как вспомню, мороз по коже. Я однажды видела, что бывает, когда оно срабатывает неправильно. Такого оружия вообще не должно быть, оно слишком опасное.

– И все это за двадцать один год? – с недоверием спросил Клавэйн.

– Нам помогли.

– Послушать тебя, так подумаешь, что вы дозвонились до Бога и зачитали список подарков.

– Не нужно шуток, это не Бог. Уж я-то знаю. Потому что я была среди просивших.

– И кого ты просила?

– Мою дочь, – ответила Хоури. – Она многое знает, Клавэйн. Она бесценна. Потому-то Скади и похитила ее.

У Скорпиона закружилась голова. Вот еще один лист биографии Хоури удалось прочитать с великим трудом, и он перевернут – но дальше наверняка будет еще запутанней и сумбурней.

– Не понимаю, почему вы не связались с нами, когда вышли на орбиту, – сказал Клавэйн.

– Во-первых, не хотели привлекать к Арарату внимание, – объяснила Хоури. – Пока в этом нет необходимости. Да будет тебе известно, наверху, в космосе, идет война, широкомасштабные боевые действия с применением всех доступных средств маскировки. Любой выход на связь сопряжен с риском. Поэтому все без исключения сигналы кодируются, а также применяются средства подавления связи.

– Кто с кем воюет? Вы со Скади?

– Все гораздо сложнее. До недавних пор мы дрались вместе со Скади, хотя и не всегда. Даже теперь, несмотря на то что произошло между Скади и мной, мы остаемся ситуативными союзниками.

– Тогда кто же ваш враг, черт возьми? – спросил Клавэйн.

– Ингибиторы, – ответила Хоури. – Волки, если так понятней.

– Они уже здесь? – осведомился Скорпион. – В этой системе?

– Уж извините за ложку дегтя, – кивнула Хоури.

– Что ж, – проговорил Клавэйн, оглядываясь по сторонам, – не знаю, как остальным, но мне теперь придется жить иначе.

– В том-то и дело, – кивнула Хоури.

Клавэйн провел пальцами сверху вниз по длинному и прямому носу.

– Хочу задать еще один вопрос, – сказал он. – Несколько раз во сне ты произнесла странное слово, что-то вроде «Хелла». Похоже, хочешь, чтобы мы отправились туда. Мне это название ни о чем не говорит. Что-то важное?

– Не знаю, – ответила Хоури. – Я даже не помню, чтобы о чем-то таком говорила.

Глава двенадцатая

Хела, год 2727-й

Квестору Джонсу сообщили о скором прибытии новых гостей. Весть пришла с самого Вечного Пути, и сопровождалась она факсимильными печатями Часовой Башни. Вскоре после этого похожий на раковину одноместный шаттл, изделие ультранавтов, пронесся над цепочкой машин, составляющих караван.

Крошечный аппарат с рубиновым корпусом опасно завис над передней машиной, удерживаемый в воздухе отвесным выхлопом двигателя. Караван между тем продолжал свой путь. Шаттл снизился и опустился на посадочную площадку, сооруженную над передней машиной. В его корпусе открылся люк, из которого выбрался человек в скафандре. Он помедлил, повернулся и достал из кокпита трость и белый чемоданчик. Под непрерывным надзором установленных в разных точках камер человек в скафандре прошел по крыше машины, открыл ключами Часовой Башни всегда запертую дверь, потом другую; каждый раз он тщательно запирает дверь за собой.

Человек шел осторожно, нарочито медленно, позволяя воображению квестора разыграться не на шутку. Время от времени он постукивал тростью по стенам и полу машины, проводил пальцами по стене, потом рассматривал перчатку, словно искал пыль.

– Не нравится мне это, Мята, – сказал квестор сидящему на его столе зверьку. – Когда от них кто-то прилетает, это всегда не к добру, особенно если предупреждают всего за час. Значит, хотели застать врасплох. Значит, в чем-то меня подозревают.

Зверек занялся кучкой семян, которую насыпал перед ним хозяин. Квестору нравилось смотреть, как питомец съедает угощение, а потом чистится. Фасетчатые глаза Мята – при нормальном освещении было видно, что они пурпурные и блестящие, – напоминали драгоценные камни.

– Кто же это такой, кто же это?... – бормотал квестор, постукивая пальцами по столу. – Вот, поешь еще. Трость... Вот скажи, кто у них ходит с тростью?

Зверек поднял голову и взглянул на хозяина, словно хотел ответить. Потом снова нагнулся и продолжил трапезу, обвив хвостом пресс-папье.

– Это не к добру, Мята. Я чувствую.

Квестор гордился тем, что не совал нос не в свои дела. Он добросовестно исполнял поручения церквей, но и только. Превыше всего этот человек ставил благополучие каравана. Тот всегда возвращался к Вечному Пути в назначенное время и редко прибывал без приличного груза паломников, новых наемных рабочих и артефактов исчезнувшей цивилизации. Квестор заботился о своих клиентах и пассажирах и не ждал от них благодарности или дружбы. Ни в чем подобном он не нуждался: у него есть работа и Мята, а остальное не имеет значения.

В последнее время жизнь изменилась в худшую сторону, но это относится ко всем караванам. И если церковники решили наказать кого-то в назидание остальным, они бы выбрали не этого квестора – слишком уж хорош у него послужной список. Он был уверен, что в последние годы не разочаровывал попов, иначе бы ему не позволили увеличить число машин и освоить важнейшие торговые пути. У него были хорошие отношения с церковными чиновниками, а бродячие купцы вроде Крозета считали его честным человеком, хотя никто не сказал бы ему этого в глаза.

Тогда в чем же причина столь неожиданного визита?

Он надеялся, что этот визит не имеет отношения к крови. Все знали: чем ближе ты к церкви, тем больше шансов столкнуться со службой крови, в буквальном смысле занимаю-

щейся распространением подлинной крови Куэйхи. Он знал, что эта служба – один из органов Часовой Башни.

Здесь, вдали от Вечного Пути, кровь Куэйхи была слишком слабой, разбавленной. В пустошах и диких землях, за пределами стальных убежищ, выживать трудно, необходимо всегда помнить о ледяных лавинах и гейзерах. В таких суровых краях нужны ясный ум и неусыпная бдительность, их не заменят химические блага индоктринационного вируса. Но что, если служба крови изменила политику и решила расширить область деятельности?

– Это из-за Крозета, – прошептал квестор. – Он всегда приносит неприятности. Не следовало пускать его на борт, когда до встречи с собором осталось всего ничего. Нужно было спровадить его, да так, чтобы убежал, поджавши хвост. Никчемный лентяй!

Мята взглянула на хозяина. Крохотная пасть изрекла:

– Пусть тот, кто сам без греха, первым бросит камень.

– Верно, Мята, спасибо. – Квестор выдвинул ящик стола. – А ну-ка, полезай сюда, посиди, пока не уйдет гость. И держи язык за зубами.

Он протянул руку к зверьку, чтобы осторожно посадить в ящик. Но в ту же секунду дверь кабинета распахнулась: ключи гостя отпирали даже этот замок.

Человек в скафандре вошел, повернулся и запер за собой дверь. Прислонив трость к столу, он поставил белый чемоданчик на пол. Потом отстегнул защелки шлема. Тот был выполнен в стиле рококо, рельефные горгульи обвивали визор. Гость снял шлем и опустил на край стола.

К своему удивлению, квестор не узнал пришельца. Он ожидал встречи с одним из официальных представителей церкви, с которыми привык иметь дело, но этот человек был ему незнаком.

– Могу я поговорить с вами, квестор? – Гость указал на ближайший стул.

– Да, конечно, – торопливо ответил Джонс. – Пожалуйста, садитесь. Как прошел ваш... гм?..

– Перелет от Пути? – Гость захлопал глазами, словно его изумила нелепость вопроса. – Незабываемо. – Он взглянул на зверька, которого квестор не успел спрятать. – Ваш?

– А? Да... его зовут Мята. Это мой домашний зверек. Дрессированный.

– Генетическая игрушка? Отчасти насекомое, отчасти хамелеон и какое-то млекопитающее? Я угадал?

– В нем есть кошка, – ответил квестор. – Определенно в нем есть кошка. Верно, Мята? – Квестор придвинул к гостю немного семян. – Не хотите ли его угостить?

Квестор и сам не понимал, для чего предложил это, но гость его удивил: взял на ладонь щепотку семян и поднес Мяте. Зверек брал их жвалами и перетирал одно за другим.

– Очаровательно, – проговорил гость, не опуская руку. – Я бы тоже завел себе такого, но слышал, что за ними трудно ухаживать.

– Да, они очень прихотливы, часто болеют, – ответил квестор.

– Верю вам на слово. Что ж, приступим к делу?

– К делу, – кивнул Джонс.

У незнакомца было длинное, узкое лицо с плоским носом и крепкими челюстями. Густые седые волосы росли кверху чуть ли не от самых надбровных дуг, придавая голове сходство со щеткой; впечатление усиливала геометрически правильная плоскость наверху, словно парикмахер воспользовался лазером. При комнатном освещении над волосами гостя призрачно сиял голубоватый ореол.

На посетителе был двубортный мундир с высоким воротником и эмблемой Часовой Башни: похожий на саркофаг скафандр со щелью, из которой льется свет. Но было в госте нечто, заставившее квестора усомниться в том, что это церковник. Такое впечатление, будто

в его жилах нет ни грамма крови Куэйхи. Наверное, какой-нибудь технический специалист высокого ранга.

- Вы не спрашиваете, как меня зовут, – сказал гость.
- Если бы вы сочли нужным, сами представились бы.
- Но все-таки, неужели не интересно?
- Мне сообщили, что будет посетитель. Этого достаточно.

Гость улыбнулся:

- Что ж, неплохая политика. Можете звать меня Грилье.

Квестор слегка поклонился. На заре истории Хелы в ее освоении участвовал человек с такой фамилией, он же был свидетелем первого исчезновения. Вероятно, с тех пор семейство Грилье продолжало играть важную роль в церковной деятельности, поколение за поколением.

- Рад видеть вас в нашем караване, господин Грилье.
- Я к вам ненадолго. Всего, как я уже сказал, на пару слов.

Гость стряхнул недоеденные Мяткой семена на пол, нагнулся за белым чемоданчиком и положил его к себе на колени. Зверек тем временем чистился, двигая передними лапками так, словно молился.

- Квестор, в последние дни вы брали на борт посторонних?
- Нас постоянно кто-нибудь посещает.
- Уточню: день-два назад.
- Вы имеете в виду Крозета?

Гость со щелчком поднял крышку чемоданчика. Внутри было полно шприцев, выстроенных рядками: этакие остроголовые солдатики.

- Кто такой этот Крозет?
- Один из наших поставщиков. Промышляет на Равнине Вигрид, держится особняком.

Жену зовут Линкси, сына – Кулвер.

- Они здесь, в караване? По пути я видел принайтовленный к вашей машине ледокат.
- Это Крозета, – ответил квестор.
- Кто-нибудь еще с ним приехал?
- Только девчонка.

Гость поднял брови. Как и его волосы, они были цвета свежеснега под луной.

- Девчонка? Вы же сказали, что у него сын, а не дочь.
- Они привезли с собой девчонку. Не из их семьи, просто попутчица. Ее зовут... – Квестор притворился, что копается в памяти. – Ее зовут Рашмика. Рашмика Эльс. Ей то ли шестнадцать, то ли семнадцать стандартных лет.

- Вы к ней присмотрелись?

– Интересная девушка. Во многих отношениях интересная. – Руки квестора напоминали пару угрей, так они вились и терлись друг о друга. – Уверена в себе, знает, чего хочет, – довольно редкие качества, особенно в таком возрасте. Похоже, она что-то крепко втемяшила себе в голову.

Гость достал из чемоданчика чистый шприц.

- Какие у нее отношения с Крозетом? Только попутчица, ничего больше?
- Насколько я знаю, только попутчица.
- Вы слышали, что на Равнине Вигрид пропала девушка? Убежала из дома. Местная полиция разыскивает ее по подозрению в диверсии.
- Так это она? Значит, я просто не смог сложить два и два.
- Что ж, и это неплохо. – Грилье поднял пустой шприц к свету; в стекле исказилось его лицо. – Неплохо, что вы не отправили ее восвояси.
- Почему?
- Лучше пусть останется при караване. У нас есть к ней интерес. Дайте-ка руку.

Мята прекратила омовение и взглянула на хозяина. Тот безропотно закатал рукав и подался вперед через стол. Приказ был отдан тихим и ровным голосом, но было ясно, что неповиновение исключено. Шприц был пуст: гость хотел взять кровь, а не впрыснуть.

Джонс спросил, изо всех сил пряча нервозность:

– Почему девочка должна остаться при караване?

– Чтобы попасть туда, куда она должна попасть, – объяснил Грилье, вводя иглу. – Квестор, от вашего отдела закупок поступали какие-нибудь жалобы?

– Жалобы?

– На Крозета. Что он-де слупил за барахло из нор вертунов больше обычного.

– Ворчат, как всегда.

– А вы бы прислушались к их ворчанию. Девочка присутствует при торгах, верно?

Внезапно хозяин кабинета понял, что гостю известны ответы почти на все вопросы, с которыми он сюда явился. Квестор молча глядел, как кровь наполняет шприц.

– Это странная девушка, – наконец ответил он. – Говорит, что интересуется наследием вертунов. Возомнила себя исследователем. Я и решил: пусть посидит, вреда не будет. Вообще-то, Крозет это предложил, не я.

– Не сомневаюсь, что предложил он. У этой девочки талант, квестор, Богом данный дар: она видит, когда люди лгут. Способна читать микромимику, сублиминальные послания, которых большинство из нас не замечает. Наши физиономии для нее все равно что неоновые вывески.

– Не понимаю...

Грилье выдернул иглу.

– Девочка читает по лицам и узнает, правду говорят ваши помощники или кривят душой. Например, когда утверждают, что не могут заплатить больше. И она подает условные сигналы Крозету.

– Откуда вы знаете?

– Я не сомневался, что она проявит себя. Следил и ждал знаков. И вот знаки привели меня сюда, в караван.

– Но она всего лишь девчонка.

– Жанна д'Арк тоже была всего лишь девчонкой. А вспомните, какую заварила кашу.

Грилье залепил ранку на сгибе локтя квестора пластырем и аккуратно вложил шприц в гнездо. Специальный механизм вытянул поршнем кровь из цилиндра. Чемоданчик загудел, забулькал.

– Если угодно, могу позвать ее, – предложил квестор.

– Нет, я не хочу ее видеть. Может, позже. А сейчас я попрошу вот о чем: присматривайте за ней, пока не достигнете Пути. Она не должна вернуться с Крозетом. Ваша задача – удержать ее при караване.

Квестор опустил рукав.

– Сделаю все, что в моих силах.

– Вы сделаете даже больше этого.

Грилье резко выбросил руку и схватил зверька, стиснул неловкое существо перчаткой скафандра. Другой рукой он крепко ухватил переднюю конечность Мята и резким движением оторвал. Зверек забился, пронзительно визжа от боли.

– Ай-ай-ай! – проговорил Грилье. – Ну что я наделал!

– Нет! – выдохнул потрясенный Джонс.

Грилье посадил изуродованного зверька на стол и бросил оторванную лапу на пол:

– Это всего лишь лапка. У него еще много осталось.

Мята корчилась в муках и свивала хвост кольцами.

– Теперь обговорим детали, – сказал Грилье.

Он достал из кармана металлическую трубочку. Квестор вздрогнул, не в силах отвести взгляда от изувеченного питомца. Грилье придвинул трубку к хозяину кабинета по столу.

– Эта девочка представляет проблему, – сказал гость. – С другой стороны, у нее есть потенциал. Возможно, она пригодится настоятелю, хотя тот пока не уверен.

Квестор приложил все силы к тому, чтобы его голос звучал спокойно:

– Вы правда знакомы с настоятелем?

– Очень давно.

– Я хочу сказать – он еще жив?

– Жив. Просто редко покидает Часовую Башню. – Грилье взглянул на Мяту. – Хотя вы и начальник каравана, но задаете слишком много вопросов.

– Простите.

– Откройте футляр.

Квестор повиновался. Внутри лежал бумажный рулончик. Осторожно достав, квестор расправил листы на столе. На одном был текст, на другом таблицы с непонятными значками.

– И что мне с этим делать?

– Письмо оставьте себе. Лист с таблицей отдайте Петру.

– Но я не знаю никакого Петра.

– Все впереди. Это паломник, и он уже на борту вашего каравана. Парень не вполне надежен.

– Не вполне надежен?

Грилье пропустил вопрос мимо ушей и хлопнул по боку чемоданчика, который продолжал гудеть и булькать, анализируя кровь квестора.

– Большинство наших штаммов, способных жить в системе кровообращения человека, неопасны. Они вызывают религиозные чувства или видения, но не влияют непосредственно на самовосприятие носителя. У Петра вирус иного рода, мы его называем деус-икс. Это редкая мутация индоктринационного микроорганизма, чье распространение мы стараемся сдерживать всеми силами. Носитель такого штамма находится в центре своей собственной вселенной, и, хотя он этого не осознает, вирус меняет его восприятие так, что человек становится Господом Богом для самого себя. Инфицированного притягивает Путь, он стремится примкнуть к одной из ортодоксальных церквей, но при этом вступает в конфликт с ее догматами. Он переходит из одной секты в другую, будучи всегда уверен, что до просветления остался только шаг. Его выбор становится все более эксцентричным, он впадает в крайности, ищет самые странные формы поклонения Халдоре – например, как у наблюдателей.

Квестор никогда не слышал о вирусе деус-икс, но описанный Грилье психотип фанатика был ему знаком. Обычно так себя вели молодые люди обоего пола, очень серьезные и лишенные чувства юмора. Вирус поймал их сознание в ловушку и перекрыл все пути наружу.

– А что делать с девочкой?

– Пока ничего. Сейчас мне нужно, чтобы в руках паломника по имени Петр оказались этот футляр и таблица. Он уже знает о содержании таблицы, хотя прежде никогда не видел столь точных данных. Для него это будут горящие письма на стене вместо смутных царапин на камне.

Квестор снова взглянул на листки, повнимательней, и у него забрезжила догадка.

– Статистика пропущенных исчезновений? – спросил он. – Я думал, это всего лишь досужая болтовня.

– Болтовня или нет, не важно. Речь идет об одной из крайних форм веры, с которой Петр уже знаком. Он поймет смысл таблицы, и она сподвигнет его к действию. – Грилье вглядывался в лицо собеседника так, будто пытался определить степень его надежности. – Среди наблюдателей есть мой шпион. В разговоре с Петром он упомянет о девушке, рожденной во льдах и

направляющейся к Пути. Скажет как бы между делом, что предназначение этой девушки – изменить мир. Насколько важна эта миссия, паломник догадается сам.

– Вы говорите о Рашмике?

Грилье навел на квестора указательный палец, как ствол пистолета, и щелкнул языком:

– Все, что от вас требуется, – это свести их. Если она захочет взглянуть на наблюдателей, не мешайте, а об остальном позаботится Петр. Он не справится с искушением поделиться своим открытием.

Квестор нахмурился:

– А девчонке тоже нужно увидеть таблицы?

– Девчонке нужен предлог для встречи с настоятелем. Именно для этого предназначено письмо, касающееся ее брата, – но письма может быть недостаточно. Она увлекается вертунами, и статистика пропущенных исчезновений подстегнет ее интерес. Ей придется идти по цепочке до конца, и уж тут она поневоле перестанет слышать голос разума, советующий держаться подальше от соборов.

– Кстати, а почему бы не отдать этот футляр ей? Для чего нужны такие сложные фокусы с наблюдателями?

Грилье снова взглянул на Мяту:

– Вы так ничего и не поняли?

– Извините, я просто...

– Этой девочкой очень сложно манипулировать. Она мгновенно распознает ложь, разве что обманщик сам себе безоглядно верит. Управлять ею нужно при помощи посредника – не задающего вопросов, полностью замкнутого на своей вере. – Сделав паузу, Грилье добавил: – А еще я хочу узнать, где лежат пределы ее способностей. До сих пор я изучал девчонку издали и сделал вывод, что к ней можно подойти открыто. Однажды я так и поступлю, но пока намерен управлять ею через посредников. Один из этих посредников вы, и вам также поручается проверить ее способности.

– А письмо?

– Передадите ей. Скажете, что письмо прибыло с тайным посыльным, а сверх того вы ничего не знаете. Постоянно следите за ней и сообщайте о ее действиях.

– А если она начнет задавать вопросы?

Грилье сочувственно улыбнулся:

– Попытайтесь ее обмануть.

Анализатор звякнул, сообщив, что работа закончена. Грилье развернул медицинский чемоданчик так, чтобы квестору были видны результаты. Расположенный на внутренней стороне крышки экран показывал несколько столбчатых и секторных диаграмм.

– Все в порядке? – спросил квестор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.